

Жан-Клод Карьер Умберто Эко Не надейтесь избавиться от книг!

Жан-Клод Карьер, Умберто Эко Не надейтесь избавиться от книг!

Предисловие

«Вот это убьет то. Книга убьет здание». Гюго вкладывает свое знаменитое изречение в уста Клода Фролло, архидьякона собора Парижской Богоматери. Наверное, архитектура не умрет, но перестанет быть знаменем культуры, всегда находящейся в процессе изменения. «Когда сравниваешь архитектуру с мыслью, принимающей форму книги, – для чего достаточно иметь небольшое количество бумаги, чернила и перо, – то можно ли удивляться тому, что человеческий разум предпочел книгопечатание зодчеству?» Наши «каменные Библии» не исчезли, но совокупная продукция всех рукописных, а затем и печатных текстов, этот «муравейник умов», этот «улей, куда золотистые пчелы воображения приносят свой мед»¹, внезапно в конце Средневековья весьма понизил их в звании. Точно так же, если электронная книга в конце концов получит признание в ущерб печатной книге, вряд ли первой удастся изгнать вторую из наших домов и наших привычек. Так что e-book не убьет книгу. Как и Гутенберг с его гениальным изобретением не сразу отменили рукописные книги, а те, в свое время, торговлю папирусными свитками или volumina. Практика и привычки сосуществуют, и для нас нет ничего приятнее, чем расширять гамму возможностей. Разве кино убило живопись? Или телевидение – кино? Так что добро пожаловать, графические планшеты и периферийные устройства чтения, обеспечивающие

¹ Цитаты из романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (перевод Н. Коган).

нам доступ с одного экрана к теперь уже оцифрованной всемирной библиотеке.

Вопрос скорее в том, как чтение с экрана изменит то, к чему мы пришли, листая книжные страницы? Что мы выиграем от этих новых маленьких книжек, а главное, что потеряем? Возможно, отжившие привычки. Некую сакральность, окружавшую книгу в нашей цивилизации, положившей ее на алтарь. Особые интимные узы между автором и его читателем, которые неизбежно разрушит понятие гипертекстуальности. Идею «закрытости», которую символизировала книга, а значит, по всей видимости, и некоторые читательские привычки. «Разрывая старые связи между мыслью и ее материальным воплощением, – заявлял Роже Шартье² в своей вступительной лекции в Коллеж де Франс, – цифровая революция обязывает нас к радикальному пересмотру всех действий и представлений, которые мы ассоциируем с письменным словом». Вероятно, однажды это стало глубоким потрясением, но мы уже начали от него оправляться.

Цель обмена мнениями между Жаном Клодом Карьером и Умберто Эко состояла не в том, чтобы установить природу трансформаций и потрясений, которые сулит нам распространение в больших (или малых) масштабах электронных книг. Их опыт библиофилов, коллекционеров старинных и редких книг, исследователей и охотников за инкунабулами скорее подводит нас к мысли, что книга, как и колесо, является неким пределом совершенства в сфере воображаемого. Когда цивилизация изобретает колесо, она обречена воспроизводить его *ad nauseam*³. Независимо от того, что мы будем считать изобретением книги: появление первых кодексов (приблизительно II век до н. э.) или более древних папирусных свитков, – перед нами инструмент, который, несмотря на все пережитые им трансформации, оказался в высшей степени верен самому себе. Книга представляется нам как некое «колесо знания и воображения»: его не смогут остановить никакие грядущие технологические революции. Как только мы приходим к этому утешительному выводу, можно приступать к настоящему обсуждению.

Книга находится на пороге собственной технологической революции. Но что есть книга? Что представляют собой книги, стоящие на полках в наших домах и в библиотеках всего мира и заключающие в себе все знания и фантазии, которые человечество накапливает с тех пор, как научилось писать? Какое представление они дают нам об этой одиссее разума? Каким зеркалом они для нас являются? Если рассматривать лишь сливки этой продукции, шедевры, насчет которых установился культурный консенсус, то преданно ли мы выполняем нашу обязанность оберегать то, что постоянно находится под угрозой окончательного забвения? Или же нам придется согласиться с менее лестным образом самих себя – ввиду невероятной убогости, которая также характеризует это изобилие письменной продукции? Непременно ли книга является символом прогресса, призванным заставить нас забыть о тех дебрях невежества, которые, как нам кажется, мы навсегда оставили позади? О чем именно говорят нам книги?

К беспокойству по поводу природы свидетельств, которые хранятся в наших библиотеках и благодаря которым мы можем честнее познавать самих себя, добавляются вопросы о том, что же именно дошло до нас. Являются ли книги верным отражением того, что с той или иной степенью вдохновения было создано человеческим гением? Этот вопрос, едва возникнув, сразу же вносит смуту. Как тут не вспомнить о кострах, где по-прежнему сгорает столько книг? Как будто книги и свобода слова, символом которой они сразу же стали, породили такое же количество цензоров, взявших на себя контроль за их использованием и распространением, а иногда и конфискующих их навсегда. И даже если речь не идет об организованном уничтожении, огонь, просто из страсти все сжигать и

---

² *Роже Шартье* (р. 1945) – французский историк, примыкающий к школе «Анналов». Его исследования посвящены истории книги, книгопечатания и чтения. (Прим. О. Акимовой.)

³ «До тошноты» (лат.).

превращать в пепел, обрекал на молчание целые библиотеки. И эти костры, словно подпитывая друг друга, наталкивают нас на мысль, что такое изобилие книг вполне оправдывало подобное регулирование. Поэтому история книжного производства неотделима от истории постоянно возобновляемого книжного холокоста. Таким образом, цензура, невежество, глупость, инквизиция, костры, небрежение, рассеянность, пожары стали подводными рифами, порой губительными, на пути книги. И никакие усилия по архивации и сохранению никогда не воспрепятствуют тому, чтобы какие-то «Божественные комедии» навсегда остались в безвестности.

Из этих мыслей о книге и о книгах, все же дошедших до нас, несмотря на все разрушительные процессы, вытекают две идеи, вокруг которых и вертелись беседы в доме Жан-Клода Карьера в Париже и в Монте-Чериньоне, в доме Умберто Эко. То, что мы называем культурой, на самом деле является длительным процессом отбора и отсева. Целые собрания книг, живописи, фильмов, комиксов, произведений искусства были задержаны рукою цензора, исчезли в огне или оказались утрачены вследствие простой небрежности. Была ли это лучшая часть огромного наследия прошлых веков? Или худшая? Что нам досталось в той или иной области творчества: семена или плевелы? Мы до сих пор читаем Еврипида, Софокла, Эсхила, полагая их тремя величайшими трагическими поэтами Древней Греции. Но когда Аристотель в своей «Поэтике», посвященной трагедии, называет самых прославленных ее представителей, он не упоминает ни одного из трех этих имен. Было ли то, что нами утрачено, лучшей, более представительной частью греческого театра, чем то, что сохранилось? Кто теперь сможет развеять наши сомнения?

Утешит ли нас мысль о том, что среди папирусов, сгоревших в пожаре Александрийской библиотеки и всех библиотек, обратившихся в дым, возможно, был откровенный хлам, шедевры дурновкусия и глупости? С точки зрения сокровищ бездарности, хранящихся в наших библиотеках, можем ли мы не придавать большого значения этим чудовищным потерям прошлого, этому вольному или невольному уничтожению нашей памяти и довольствоваться тем, что мы сохранили и что наше общество, вооруженное всеми технологиями на свете, еще пытается поместить в надежное, хотя и недолговечное место? Как бы упорно мы ни пытались заставить прошлое заговорить, в библиотеках, музеях и синаматаках мы найдем только те произведения, которые не уничтожило или не смогло уничтожить время. Сегодня мы, как никогда, понимаем, что культура – это как раз то, что остается, когда все остальное забыто.

Но наиболее восхитительной из этих бесед, возможно, стала та, что воздала должное глупости, молчаливо наблюдающей за колоссальным гигантским и упорным трудом человечества и никогда не извиняющейся за свою категоричность. Именно здесь встреча семиолога и сценариста, двух собирателей и любителей книг, обрела высший смысл. Первый собрал коллекцию редчайших сочинений, посвященных человеческой лжи и заблуждениям, поскольку именно они, по его мнению, являются ключом к любым попыткам создать теорию истины. «Человек – существо исключительно необычное, – пишет Умберто Эко. – Он научился добывать огонь, построил города, написал великолепные стихи, дал миру различные толкования, создал мифологические образы и т. д. Но в то же время он непрерывно воевал с себе подобными, совершал ошибки, уничтожал природу и т. д. Похоже, баланс между духовной добродетелью и низменной глупостью остается нулевым. Так что, говоря о глупости, мы в некотором смысле отдаем должное этому полугению-полуидиоту». Если книги призваны быть точным отражением чаяний и склонностей человечества, ищущего, где ухватить получше да побольше, значит, они неизбежно передают и его непомерную гордыню, и его низость. Поэтому-то мы не стремимся избавиться ни от этих ложных, ошибочных сочинений, ни от наших непогрешимых нелепых взглядов. Они будут верной тенью следовать за нами до конца наших дней и будут честно говорить о том, кем мы были, и еще больше о том, кем мы являемся сейчас: страстными и упорными искателями, хоть и лишенными при этом всякой щепетильности. Человеку свойственно ошибаться лишь постольку, поскольку это свойство принадлежит единственно тем, кто ищет и ошибается.

Сколько путей, ведущих в никуда, приходится на каждое решенное уравнение, на каждую подтвержденную гипотезу, на каждый проведенный эксперимент, на каждую точку зрения, разделенную другими людьми? Поэтому книги озаряют мечту человечества, избавившегося наконец от своей утомительной низости, и одновременно – марают эту мечту и очерняют.

Известный сценарист, драматург и эссеист Жан-Клод Карьер испытывает не меньшую симпатию к этому непризнанному и, по его мнению, малоизвестному монументу, каковым является глупость. Ей посвящен его многократно переизданный труд⁴. «Когда в 60-е годы мы с Ги Бештелем издали „Словарь глупости“, который потом выдержал множество переизданий, мы спросили себя: „Зачем привязываться только к истории разума, шедевров, великих памятников мысли?“ Глупость, столь дорогая сердцу Флобера, кажется нам не только гораздо более распространенным явлением – это само собой, – но и более плодovitым, более разоблачающим и, в известном смысле, более честным». И нужно сказать, что благодаря этому вниманию к глупости Карьеру было понятно желание Эко составить подборку из наиболее ярких свидетельств этой пылкой и слепой страсти к сбиванию нас с пути истинного. Наверное, между заблуждением и глупостью можно было бы выявить некую родственную связь и даже тайное соучастие, которое ничто, за многие века, кажется, не смогло разрушить. Но для нас более удивительно вот что: между вопросами, которые ставили перед собой автор «Словаря глупости» и автор «Борьбы за ложь»⁵, существует чувственное и «избирательное средство»⁶, в полной мере раскрывшееся в этих беседах.

Веселые наблюдатели и хроникеры всех перипетий на этом пути, убежденные в том, что разобраться в этой человеческой аванюре мы можем не только благодаря блестящим победам, но и благодаря падениям, Жан Клод Карьер и Умберто Эко предаются искрометной импровизации на тему человеческой памяти. И начинают они с провалов, лакун, непоправимых утрат, забвения, являющихся такой же частью памяти человечества, как и признанные шедевры. Забавляясь, они показывают, как книга, несмотря на ущерб, причиненный ей жерновами времени, в конце концов прошла сквозь все расставленные сети – к лучшему или к худшему. Перед лицом вызова, брошенного повсеместной оцифровкой текстов и введением новых инструментов электронного чтения, это станет напоминанием о взлетах и падениях книги и позволит смягчить негативные последствия грядущих трансформаций. Подобно почтительной улыбке в сторону галактики Гутенберга, эти беседы очаруют всех – и особенно тех, кто влюблен в книгу. Не исключено, что они вызовут приступ ностальгии и у владельцев e-books.

Жан-Филипп де Тоннах

Увертюра Книга не умрет

Жан-Клод Карьер : На последнем саммите в Давосе в 2008 году, отвечая на вопрос, что изменит жизнь человечества в ближайшие пятнадцать лет, один футуролог предложил запомнить четыре основных момента, которые представлялись ему несомненными. Первый – что баррель нефти будет стоить 500 долларов. Второе предсказание касается воды: ей суждено стать, подобно нефти, предметом торгового обмена. Курс воды мы будем узнавать на товарной бирже. Третье предсказание относится к Африке: в ближайшие десятилетия она

---

⁴ «Словарь глупости и ошибочных суждений» – книга Ж.-К. Карьера, написанная в соавторстве с Г. Бештелем в 1965 г.

⁵ Под таким заглавием во Франции был опубликован сборник эссе У. Эко, написанных в 1970-1980-х гг.

⁶ Аллюзия на роман И. В. Гёте «Избирательное средство» (1809).

непрерывно должна сделаться мощной экономической силой – чего мы все ей и желаем. Четвертым же событием, по мнению профессионального пророка, станет исчезновение книги.

Итак, вопрос заключается в том, будет ли окончательное исчезновение книги – если таковое действительно произойдет – иметь для человечества такие же последствия, как, например, неизбежно возрастающий дефицит запасов воды или заоблачные цены на нефть.

Умберто Эко : Исчезнет ли книга с появлением Интернета? Я уже писал об этом, когда этот вопрос казался животрепещущим. С тех пор каждый раз, когда меня просят высказаться по этому поводу, я не могу сделать ничего лучшего, кроме как пересказать тот текст. Никто этого не замечает – прежде всего, потому, что нет ничего менее известного, чем уже опубликованное. А еще потому, что общественное мнение (или, по крайней мере, журналисты) по-прежнему твердо уверено, что книга вот-вот исчезнет (ну, или журналисты думают, что читатели в этом твердо уверены), и каждый постоянно задает один и тот же вопрос.

На самом деле, мало что можно сказать по этому поводу. С Интернетом мы вновь вернулись в эпоху алфавита. Если раньше мы считали, что цивилизация вступила в эпоху образов, то компьютер вернул нас в галактику Гутенберга и теперь всем поголовно приходится читать. Для чтения необходим некий носитель информации. Этим носителем не может быть только компьютер. Попробуйте пару часов почитать роман с экрана компьютера, и у вас глаза станут как два теннисных мяча. У меня дома есть очки «Полароид», они позволяют мне не портить глаза, когда я читаю с экрана. Впрочем, компьютер зависит от электричества: с ним нельзя читать в ванной или лежа на боку в постели. Так что книга представляется более гибким инструментом.

Одно из двух: либо книга останется носителем информации, предназначенным для чтения, либо возникнет что-то другое, похожее на то, чем всегда была книга, даже до изобретения печатного станка. Всевозможные разновидности книги как объекта не изменили ни ее назначения, ни ее синтаксиса за более чем пять веков. Книга – как ложка, молоток, колесо или ножницы. После того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь. Вы не сделаете ложку лучше, чем она есть. Некоторые дизайнеры пытаются усовершенствовать, например, штопор, и с весьма переменным успехом – большинство из этих новшеств и вовсе не работают. Филипп Старк⁷ попытался придумать новую соковыжималку для лимона, но его прибор (при несомненных эстетических достоинствах) пропускает зернышки. Книга уже зарекомендовала себя, и непонятно, что может быть лучше нее для выполнения тех же функций. Возможно, будут как-то развиваться ее составляющие: скажем, страницы будут делаться не из бумаги. Но книга останется книгой.

Ж.-К. К. : Последние модели электронных книг вроде бы позиционируются теперь как прямые конкуренты книги печатной. «Reader»⁸ уже вмещает 160 наименований.

У. Э. : Очевидно, что какому-нибудь судье проще будет взять на дом 25 000 документов рассматриваемого дела, если они хранятся в электронном виде. Во многих областях электронная книга станет чрезвычайно удобным инструментом. Просто меня мучает вопрос: так ли уж удобно будет, даже при наличии идеально подходящих для этого технологий, читать «Войну и мир» с электронного носителя? Время покажет. В любом случае мы больше не сможем читать бумажного Толстого и прочих по той простой причине, что они уже

---

⁷ *Филипп Старк* (р. 1949) – всемирно известный французский дизайнер. Одна из его знаменитых работ в промышленном дизайне – соковыжималка для лимона «Juicy Salif». (Прим. О. Акимовой.)

⁸ Электронные книги (устройства для чтения), выпускаемые фирмой Sony.

сейчас, стоя на наших книжных полках, начали портиться. Большинство изданий «Галлимара» и «Врена» 50-х годов уже исчезли. «Философия в Средние века» Жильсона⁹, которая так пригодилась мне, когда я писал диссертацию, – эту книгу теперь невозможно взять в руки. Страницы буквально рассыпаются. Конечно, я мог бы купить новую книжку, но мне дорога та, старая, со всеми пометками, которые я делал цветными карандашами и которые являются историей моих размышлений.

Жан-Филипп де Тоннак: Но отчего бы не вообразить себе такую ситуацию, когда по мере разработки новых носителей информации, все лучше приспособленных к потребностям читателя и годящихся для чтения в любых условиях, – будь то энциклопедии или романы в Сети, – интерес к книге в ее традиционной форме станет несмотря ни на что мало-помалу угасать?

У. Э. : Все может быть. Возможно, завтра книгами будет интересоваться лишь кучка восторженных поклонников, которые отправятся удовлетворять свое пассажиское любопытство в музеи и библиотеки.

Ж.-К. К. : Если таковые еще останутся.

У. Э. : Но почему бы тогда не вообразить, что в будущем исчезнет в свою очередь и такое прекрасное изобретение, как Интернет. Так же как исчезли с наших небосклонов дирижабли. Когда в Нью-Йорке перед самой войной сгорел «Гинденбург»¹⁰, он похоронил вместе с собой будущее дирижаблей. То же самое произошло с «Конкордом»: крушение в Гонесс¹¹ в 2000 году стало для него фатальным. История все-таки вещь необычайная. Был изобретен самолет, который пересекает Атлантику не за восемь часов, а всего за три. Кто может что-то сказать против подобного прогресса? Но после крушения в Гонесс от него отказываются, посчитав, что «Конкорд» обходится слишком дорого. Ну разве это серьезная причина? Атомная бомба тоже ведь обходится недешево!

Ж.-Ф. де Т.: Я процитирую вам замечание Германа Гессе по поводу возможного возвращения книге ее «законной силы»: по его мнению, это должно произойти благодаря техническому прогрессу. В 50-х годах он писал: «Чем больше новые изобретения будут с течением времени удовлетворять потребности массового развлечения и образования, тем большее значение и авторитет будет стяжать книга. Мы еще не достигли той точки, когда новые конкурирующие изобретения, такие как радио, кино и т. д., стали бы способны лишить печатную книгу тех ее функций, которые она могла бы утратить как раз без

---

⁹ «Философия в Средние века» Жильсона – Этьен Жильсон (1884–1978) – французский религиозный философ, ведущий представитель неомизма и крупнейший исследователь западной средневековой философии. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰ «Гинденбург» – немецкий пассажирский дирижабль LZ 129 «Гинденбург» (Hindenburg). Крупнейший из дирижаблей своего времени, «Гинденбург» совершал рейсы через Атлантику. 6 мая 1937 г. при выполнении посадки на главной воздухоплавательной базе военно-морских сил США «Гинденбург» загорелся и потерпел катастрофу, в результате которой погибло 35 из 97 находившихся на борту человек. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹ Крушение в Гонессе – крушение сверхзвукового пассажирского самолета «Конкорд» в Гонессе под Парижем произошло 25 июля 2000 г. Однако эти самолеты продолжали летать до 2003 г., пока, преимущественно по экономическим соображениям, авиакомпании British Airways и Air France не объявили об окончательном решении прекратить коммерческую эксплуатацию своего парка «Конкордов». (Прим. О. Акимовой.)

ущерба для нее»¹².

Ж.-К. К. : В этом смысле он не ошибся. Кино и радио, даже телевидение ничего не отняли у книги, ничего такого, что она могла бы утратить «без ущерба».

У. Э. : В какой-то момент люди изобрели письменность. Можно считать, что письмо – продолжение нашей руки, и в этом смысле оно почти физиологично. Письмо – это технология коммуникации, непосредственно связанная с нашим телом. Раз уж его изобрели, отказаться от него невозможно. Повторюсь: это как изобретение колеса. Колесо, которым мы пользуемся сегодня, ничем не отличается от древнего. Тогда как наши современные изобретения – кино, радио, Интернет – вовсе не физиологичны.

Ж.-К. К. : Вы совершенно справедливо подчеркиваете: у нас никогда еще не было такой потребности читать и писать, как сегодня. Невозможно пользоваться компьютером, если не умеешь писать и читать. Причем делать это сложнее, чем раньше, ибо мы ввели новые знаки, новые коды. Наш алфавит расширился. Научиться читать становится все труднее. Мы могли бы вернуться к устной традиции, если бы наши компьютеры напрямую считывали нашу речь. Но тут возникает другой вопрос: может ли человек хорошо выражать свои мысли, если он не умеет ни читать, ни писать?

У. Э. : Гомер несомненно ответил бы «да».

Ж.-К. К. : Но Гомер принадлежит устной традиции. Все свои знания он приобрел в рамках этой традиции – в ту эпоху, когда в Греции еще не было написано ни строчки. Можно ли в наше время представить себе писателя, диктующего свой роман без письменной фиксации и совершенно не знакомого с предшествующей литературой? Возможно, его произведение будет обладать очарованием наивности, нового открытия, чего-то небывалого. И все же мне кажется, ему будет недоставать того, что мы, за неимением лучшего слова, называем культурой. Рембо был удивительно одаренным молодым человеком, автором неподражаемых стихов. Но он не был, что называется, самоучкой. В шестнадцать лет он уже обладал добротной классической культурой и писал стихи на латыни.

Нет ничего недолговечнее, чем долговременные носители информации

Ж.-Ф. де Т.: *Мы задаемся вопросом о долговечности книг в эпоху, когда культура, похоже, делает выбор в пользу других инструментов, быть может, более конкурентоспособных. Но что можно сказать об этих носителях, призванных долговременно хранить информацию и наши воспоминания? Я говорю о дискетах, кассетах, CD-ROM-ах, к которым мы уже повернулись спиной.*

Ж.-К. К. : В 1985 году министр культуры Жак Ланг попросил меня создать и возглавить новую школу кино и телевидения FEMIS¹³. С этой целью я собрал нескольких

---

¹² Неточная цитата из статьи Г. Гессе «Магия книги» (1930).

¹³ FEMIS (Fondation européenne pour les métiers de l'image et du son, Европейский Институт операторского и звукорежиссерского мастерства) – государственное высшее учебное заведение во Франции под эгидой Министерства культуры, готовящее специалистов в области кино и аудиовизуальных искусств. Первым президентом FEMIS был Ж.-К. Карьер. (Прим. О. Акимовой.)

высококласных специалистов под руководством Джека Гайоша¹⁴ и сам на протяжении десяти лет, с 1985 по 1995 год, возглавлял эту школу. В течение этих десяти лет мне, естественно, приходилось следить за всеми новинками в нашей области.

Одной из реальных проблем, с которыми нам пришлось столкнуться, была элементарная необходимость показывать студентам фильмы. Когда мы смотрим фильм с целью изучить его и проанализировать, нужно, чтобы имелась возможность прервать показ, вернуться назад, остановиться, иногда прокрутить кадр за кадром. С копией на пленке этого сделать нельзя. В те времена у нас были видеокассеты, но они очень быстро затирались. Через три-четыре года использования их можно было выбрасывать. И как раз в это время была создана Парижская видеотека¹⁵, целью которой было сохранение всех фото- и кинодокументов о столице. Тогда для создания архивов изображений у нас был выбор между видеокассетой и компакт-диском, которые мы в те времена называли «долговременными носителями». Парижская видеотека сделала выбор в пользу видеокассет и вложила в это деньги. В других местах были эксперименты с гибкими дисками, о которых разработчики рассказывали чудеса. Через два-три года в Калифорнии появился CD-ROM (Compact Disc Read-Only Memory). Наконец-то мы нашли решение. Повсюду устраивались сногшибательные показы. Я помню первый увиденный нами фильм на CD-ROM: он был о Египте. Мы были поражены, покорены. Все преклонялись перед этой инновацией, которая, казалось, разрешала все трудности, с которыми мы, профессионалы в области изображений и хранения информации, сталкивались на протяжении стольких лет. Однако вот уже семь лет как американские заводы, производившие эти чудеса, закрылись.

Тем не менее возможности наших мобильных телефонов и других iPod-ов беспрестанно расширяются. Говорят, японцы уже пишут романы в телефонах и сразу отправляют в издательства. Интернет, став мобильным, преодолевает пространство. А еще нам сулят триумф технологии VOD¹⁶ и гибких экранов, а также множество других чудес. Как знать.

Я как будто рассказываю вам о каком-то долгом-предолгом периоде, длившемся не один век. Но речь-то идет не более чем о двух десятилетиях. Как быстро все забывается. Может быть, все быстрее и быстрее. Все это, конечно, банальные рассуждения, однако банальность – необходимый багаж. Во всяком случае, в начале пути.

У. Э. : Всего несколько лет назад «Латинская патрология» Миня¹⁷ (221 том!) продавалась на CD-ROM по цене, если мне не изменяет память, в 50 тысяч долларов. За такую цену «Патрологию» могли купить разве что крупные библиотеки, а отнюдь не бедные ученые-исследователи (хотя в среде специалистов по Средневековью тут же стали радостно делать пиратские копии). А теперь, просто купив подписку, вы можете получить доступ к «Патрологии» в Интернете. То же самое с «Энциклопедией» Дидро: еще недавно издательство «Робер» предлагало ее на CD-ROM, а сейчас я совершенно бесплатно могу

---

¹⁴ Джек Гайош – французский кинопродюсер и актер. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵ Парижская видеотека (*Vidéothèque de Paris*) – была открыта 9 февраля 1988 г. в торговом центре «Forum des Halles» в центре Парижа. Сейчас в ее фондах насчитывается более 6000 фильмов с различными видами Парижа. Открывшись после трехлетней реконструкции в 2008 г., она стала называться «Forum des images». (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶ VOD (Video on Demand, «видео по запросу») – система индивидуальной доставки абоненту телевизионных программ или видеофильмов по кабельной сети.

¹⁷ «Латинская патрология» Миня («*Patrologiae Latinae Cursus Completus*») – самая полная по охвату серия текстов восточных и западных Отцов Церкви, изданная в 1844–1855 гг. парижским аббатом Жаком Полем Минем. (Прим. О. Акимовой.)

найти ее в Сети.

Ж.-К. К. : Когда появился DVD, мы думали, что наконец получили идеальное решение, которое навсегда избавит нас от проблем с хранением фильмов и выборочным просмотром. До того у меня никогда не было личной фильмотеки. С приходом DVD я решил, что наконец-то у меня появился свой «долговременный носитель информации». Как бы не так. Сегодня нам заявляют о создании дисков небольшого формата, для которых требуется покупать новые проигрыватели, зато на них, как и в электронных книгах, можно хранить большое количество фильмов. Так что наши старые добрые DVD скоро тоже уйдут в прошлое – если только мы не сохраним проигрыватели, позволяющие смотреть эти диски.

Впрочем, это одна из тенденций нашего времени: коллекционировать состарившуюся технику. Один мой друг, бельгийский кинематографист, держит у себя в подвале восемнадцать компьютеров, просто чтобы иметь возможность просматривать свои старые работы. Все это говорит о том, что нет ничего более эфемерного, чем долговременные носители информации. Эти банальные, набившие оскомину рассуждения о недолговечности современных носителей, вызывают у нас с вами, ценителей первопечатных книг, лишь легкую улыбку, не правда ли? Я принес вам из своей библиотеки вот эту книжицу, изданную на латыни в конце XV века в Париже. Взгляните. Если открыть ее на последней странице, мы увидим надпись, набранную по-французски: «Сей часослов, предназначенный для Римской церкви, закончен в день двадцать седьмого числа сентября в год тысяча четыреста девяносто восьмой для Жана Пуатевена, книготорговца, проживающего в Париже на улице Нёв-Нотр-Дам». Слова написаны в старой транскрипции, форма записи даты давно не используется, но мы все равно легко можем ее прочесть. То есть мы все еще можем прочитать текст, напечатанный пять веков назад. Однако мы не можем просмотреть видеокассету или CD-ROM, которому всего несколько лет. Если только мы не держим у себя в подвале старые компьютеры.

Ж.-Ф. де Т.: *Важно подчеркнуть, что эти новые носители информации устаревают все быстрее и быстрее, вынуждая нас каждый раз настраивать заново наше рабочее и архивное оборудование, перенастраивать весь наш образ мысли...*

У. Э. : Ускорение, вызывающее постепенное ослабление памяти. Наверное, это одна из самых неразрешимых проблем нашей цивилизации. С одной стороны, мы придумываем множество инструментов для сохранения памяти, разнообразные формы регистрации и возможности передачи знаний. Все это, наверное, является существенным преимуществом по сравнению со временами, когда приходилось прибегать к различным мнемотехникам, способам запоминания – ведь тогда у нас не было под рукой всех необходимых знаний. Тогда люди могли полагаться только на свою память. Недолговечность этих инструментов действительно представляет собой проблему, но мы также должны признать, что и по отношению к производимым нами объектам культуры мы бываем несправедливыми. Такой пример: оригиналы великих комиксов стоят неизмеримо дорого, поскольку они являются большой редкостью (в наши дни один лист Алекса Реймонда¹⁸ стоит целое состояние). Но почему это такая редкость? Просто потому, что газеты, публиковавшие эти рисунки, выбрасывали оригиналы, как только номер выходил из печати.

Ж.-Ф. де Т.: *Что это были за мнемотехники, к которым прибегали до изобретения искусственной памяти, то есть книг и жестких дисков?*

---

¹⁸ *Алекс Реймонд* (1909–1956) – американский художник, получивший известность как создатель серии комиксов «Флэш Гордон» (1934–1943). (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Однажды Александру Македонскому в очередной раз предстояло принять решение, последствия которого были непредсказуемыми. Ему сказали, что есть женщина, которая может с достоверностью предсказать будущее. Он велел привести ее, чтобы та научила его своему искусству. Женщина сказала, что нужно разжечь большой огонь и читать будущее по дыму, поднимающемуся над ним, как по раскрытой книге. Однако она предостерегла завоевателя: глядя на дым, он ни в коем случае не должен думать о левом глазе крокодила. Можно на худой конец о правом, но только не о левом.

Тогда Александр отказался узнавать будущее. Почему? Потому что, как только вам выдвинули условие не думать о чем-либо, вы уже не думаете ни о чем другом. Нас вынуждает думать об этом сам запрет. Вы уже не можете не думать о левом глазе крокодила, этот глаз завладел вашей памятью, всем вашим сознанием.

Иногда, как в случае с Александром, память и невозможность забыть о чем-то становятся проблемой, даже целой драмой. Есть люди, наделенные способностью все запоминать благодаря простейшим мнемотехническим методам, такие люди называются мнемониками. Их изучал Александр Лурия¹⁹, русский невролог. Питер Брук²⁰ был вдохновлен книгой Лурии, когда ставил спектакль «Я – феномен». Если рассказать что-либо мнемонику, он уже не сможет это забыть. Он как совершенная, но безумная машина – записывает все без разбора. В данном случае это скорее недостаток, чем достоинство.

У. Э. : Во всех мнемотехнических методиках используется образ города или дворца, где каждая часть или место приводится в связь, ассоциируется с предметом, который необходимо запомнить. Легенда, изложенная Цицероном в трактате «Об ораторе»²¹, рассказывает, как Симонид²² однажды побывал на ужине в обществе высших сановников Греции. В какой-то момент он покинул собрание – и очень вовремя: через мгновение на его сотрапезников обрушилась крыша дома, погибли все. Симонида пригласили, чтобы опознать тела, и он успешно с этим справился, вспомнив те места за столом, где сидели участники собрания.

Таким образом, искусство запоминания – это умение так соотнести пространственные представления с предметами или понятиями, чтобы они стали неотделимы друг от друга. Александр Македонский в вашем примере соотнес левый глаз крокодила с дымом, в который надо всматриваться, и именно поэтому утратил свободу действия. Техники запоминания встречаются еще в Средние века. Казалось бы, со времен изобретения печатного пресса эти мнемотехнические средства должны были давно уже выйти из обихода. Однако именно в нашу эпоху публикуются лучшие руководства по мнемотехнике!

Ж.-К. К. : Вы говорили об оригиналах великих комиксов, которые выбрасываются на помойку сразу после публикации. То же самое происходило и с кино. Сколько фильмов пропало таким образом! «Седьмым искусством» кино становится в Европе лишь с 1920–

---

¹⁹ *Александр Лурия* (1902–1977) – известный советский психолог, основатель отечественной нейропсихологии. Среди прочих его трудов есть книга, посвященная памяти и мнемотехникам: «Маленькая книжка о большой памяти (ум мнемониста)» (1979). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰ *Питер Брук* (р. 1925) – всемирно известный английский режиссер театра и кино. Сценарий спектакля «Я – феномен» («Je suis un phénomène», 1998) основан на упомянутой выше книге Александра Лурия. (Прим. О. Акимовой.)

²¹ «*Об ораторе*» (55 до н. э.) – трактат Цицерона (106–43 до н. э.) «De oratore» (в трех книгах), до настоящего времени служащий учебным пособием по судебной риторике. (Прим. О. Акимовой.)

²² *Симонид* (также Симонид Кеосский или Симонид Младший, 556–468 до н. э.) – один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции, основоположник мнемоники. (Прим. О. Акимовой.)

1930-х годов. Только с этого времени произведения, отныне принадлежащие истории искусства, удостоиваются сохранения. Именно поэтому, сначала в России, а затем и во Франции, создаются первые фильмотеки. Но с точки зрения американцев кино не является искусством, для них до сих пор оно остается заменимым продуктом. Им нужно постоянно снимать новых «Зорро», «Носферату», «Тарзанов», чтобы распродать старые картины, этот залежалый товар. Старый продукт, особенно если он качественный, мог бы запросто конкурировать с новым. Американская фильмотека была создана – держитесь крепче – только в 70-х годах! Это была долгая и упорная борьба за то, чтобы найти способ заинтересовать американцев историей их собственного кино. А первой в мире школой кино стала русская школа. Этим мы обязаны Эйзенштейну, который считал, что необходимо создать школу кино такого же уровня, какими были лучшие школы живописи или архитектуры.

У. Э. : В Италии в начале XX века такой великий поэт, как Габриеле Д'Аннунцио²³, уже писал для кино. Он участвовал в написании сценария «Кабирии»²⁴ вместе с Джованни Пастроне. В Америке его просто не приняли бы всерьез.

Ж.-К. К. : А о телевидении и говорить не стоит. Сохранять архивы телепередач казалось вначале абсурдом. Для сбережения телевизионных архивов было создано INA²⁵, это радикально изменило ситуацию.

У. Э. : Я работал на телевидении в 1954 году и помню, что все шло в прямой эфир, никакой магнитной записи не было. Была такая штука, которую называли «транскрайбер» (transcriber), пока не обнаружили, что на английском и американском телевидении это слово не используют. Суть в том, что телевизионный экран снимается на камеру. Но поскольку это было скучно и затратно, приходилось снимать выборочно. Таким образом, многое оказалось утраченным.

Ж.-К. К. : Я могу привести вам прекрасный пример из этой области. Это почти что инкунабула телевидения. В 1951 или 1952 году Питер Брук поставил для американского телевидения «Короля Лира»²⁶ с Орсоном Уэллсом в главной роли. Но эти передачи транслировались без всякой записи и ничего не сохранилось. И вот оказалось, что «Король Лир» Питера Брука все же был заснят: во время трансляции фильма кто-то снимал экран на камеру. Сегодня это жемчужина коллекции Музея телевидения в Нью-Йорке. Во многом это напоминает мне историю книги.

У. Э. : До некоторой степени. Идея собирать книги очень древняя – так что с ними не было как с фильмами. Культ рукописной страницы, а позднее и книги, – столь же древний,

---

²³ Габриеле д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель, главный представитель итальянской поэзии декаданса. Его творчество во многом повлияло на русских акмеистов. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴ «Кабирия» («Sabiria», 1914) – исторический фильм итальянского режиссера Джованни Пастроне (1883–1959), действие которого разворачивается во времена Третьей пунической войны. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵ INA (Institut National de VAudiovisuel, Национальный институт аудиовизуальных искусств) – созданное в 1974 г. государственное учреждение, призванное способствовать сохранению распространения любой радио- и телепродукции, созданной на территории Франции. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶ «Король Лир» Питера Брука – телевизионная версия спектакля «Король Лир» Питера Брука, была показана по каналу CBS в 1953 г. (Прим. О. Акимовой.)

как и сама письменность. Уже римляне стремились коллекционировать свитки. Если книги и утрачивались, то по каким-то другим причинам. Они истреблялись по соображениям цензуры или из-за того, что библиотеки имели обыкновение воспламеняться по любому поводу, как и церкви: и те, и другие по большей части строились из дерева. В Средние века горящая церковь или библиотека – это как падающий самолет в фильме о войне в Тихом океане: это нормально. То, что в финале «Имени розы» библиотека сгорает, вовсе не является для той эпохи из ряда вон выходящим событием.

Но причины, по которым книги горели, одновременно заставляли прятать их в более надежных местах – то есть, тем самым, собирать их. На этом основано монашество. Вероятно, многочисленные набеги варваров на Рим и их привычка сжигать город перед уходом заставила людей искать для хранения книг надежное место. А что может быть надежнее, чем монастырь? Таким образом, люди начали укрывать некоторые книги, спасая память от нависшей над ней угрозы. Но в то же время – и это вполне естественно – спасая одни книги и оставляя другие, они таким образом фильтровали их и отсеивали.

Ж.-К. К. : В то же время культ редких фильмов лишь зарождается. Сегодня есть даже коллекционеры сценариев. Раньше по окончании съемок сценарий в большинстве случаев выбрасывали, как оригиналы комиксов, о которых вы говорили. Однако, начиная с 40-х годов, некоторые стали задаваться вопросом: а вдруг и после окончания съемок сценарий все же может еще представлять какую-то ценность? Хотя бы рыночную.

У. Э. : Сегодня существует целый культ знаменитых киносценариев – таких как сценарий «Касабланки»²⁷.

Ж.-К. К. : В особенности, конечно, если в сценарии есть рукописные пометки режиссера. Я видел, как сценарии Фрица Ланга²⁸ с его собственными ремарками становились для библиофилов предметами поклонения, граничащего с фетишизмом, и как любители заказывали для других сценариев драгоценные переплеты. Но вернусь ненадолго к вопросу, который я упомянул. Как в наше время обзавестись собственной фильмотекой, какой носитель для этого предпочесть? Хранить дома пленочные копии фильмов невозможно. Нужны проекционная кабина, специальный зал, помещения для хранения. Магнитные кассеты, как мы знаем, теряют яркость цветопередачи, четкость изображения и быстро изнашиваются. Время CD-ROM прошло. DVD тоже долго не продержатся. Впрочем, нет уверенности, что в будущем у нас будет достаточно электроэнергии, чтобы обеспечить ею все наши машины. Вспомним энергетический коллапс в Нью-Йорке в июле 2006 года. Представим, что он примет более широкий масштаб и продлится дольше. Без электричества все погибнет безвозвратно. Зато мы по-прежнему сможем читать книги – при свете дня или вечером, при свече, – тогда как все аудиовизуальное наследие исчезнет. XX век был первым, оставившим движущиеся изображения себя самого, своей истории, запись своих звуков – но пока на не самых совершенных носителях. Странно: от прошлого нам не осталось никаких звуков. Мы можем представить себе пение птиц, шум ручейков, которые, вероятно, были такими же...

У. Э. : Но человеческие голоса были другими. В музеях мы обнаруживаем, что кровати

---

²⁷ «Касабланка» («Casablanca», 1942) – романтическая драма режиссера Майкла Кёртиса (1888–1962) с Хамфри Богартом и Ингрид Бергман в главных ролях, признанная одним из лучших фильмов в истории Голливуда. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸ *Фриц Ланг* (1890–1976) – знаменитый немецкий кинорежиссер австрийского происхождения. Один из наиболее известных фильмов Ланга – триллер «М» (1931), предвосхитивший жанр «нуар». (Прим. О. Акимовой.)

наших предков были небольшого размера: значит, люди были меньше ростом. А это неизбежно подразумевает другой тембр голоса. Когда я слушаю старую пластинку Карузо, я каждый раз раздумываю, почему его голос так отличается от великих теноров современности: то ли причина только в уровне качества записи и носителей, то ли в том, что в начале XX века голоса людей действительно отличались от наших. Голос Карузо отделяют от голоса Паваротти десятилетия протеинов и развития медицины. Итальянские иммигранты в США в начале XX века были ростом примерно метр шестьдесят, тогда как их внуки уже достигали метра восьмидесяти.

Ж.-К. К. : Работая в FEMIS, я несколько раз давал студентам-звукорежиссерам задание воссоздать шум, звуковую атмосферу прошлого. На основе сатиры Буало «О том, как затруднительно жить в Париже»²⁹ я предлагал студентам сделать звуковую дорожку. При этом я обращал их внимание на то, что мостовые были деревянные, колеса повозок железные, дома были более низкие и т. д.

Поэма начинается так: «О, Боже, чей в ночи истошный слышен крик?» Что такое «истошный» крик в XVII веке, в Париже, среди ночи? Такой опыт погружения в прошлое с помощью звуков довольно увлекателен, хотя и труднодостижим. А как проверить?..

Во всяком случае, если вся визуальная и звуковая память о XX веке окажется стертой из-за тотального энергетического коллапса или еще из-за чего-нибудь, у нас по-прежнему и навсегда останутся книги. Мы всегда сможем научить ребенка читать. Эта идея о том, что культура может погибнуть, что память может быть стерта, – она, как мы знаем, совсем не нова. Возможно, ей столько же лет, сколько самой письменности. Приведу еще один пример, иллюстрирующий эту идею, пример из истории Ирана. Известно, что одним из очагов персидской культуры была территория современного Афганистана. Однако когда в XI–XII веках вырисовывается угроза монгольского нашествия, – а монголы уничтожали все на своем пути, – интеллектуалы и люди искусства, жившие, скажем, в Балхе, среди которых был и отец будущего поэта Руми³⁰, уходят, захватив с собой наиболее ценные рукописи. Они отправились на запад, в сторону Турции. Руми до самой своей смерти жил, как и многие иранские изгнанники, в Конье, в Анатолии. В одной легенде рассказывается, как один из этих беженцев, доведенный в дороге до крайней нужды, использовал взятые с собой драгоценные книги как подушку. Эти книги сегодня, наверное, стоят целое состояние. В Тегеране у одного любителя я видел коллекцию древних иллюстрированных манускриптов. Это просто чудо. Так что все великие цивилизации стоят перед одним и тем же вопросом: что делать с культурой, которой грозит опасность уничтожения? Как ее спасти? И что надо спасать?

У. Э. : А когда нужно спасать культурные символы, прятать их в надежное место, проще сберечь рукопись, кодекс, инкунабулу, книгу, чем скульптуру или произведение живописи.

Ж.-К. К. : Тем не менее остается неразрешимая загадка: все volumina, все древнеримские свитки исчезли. Римские патриции содержали, однако, библиотеки, где были собраны тысячи произведений. Некоторые из них мы можем увидеть в библиотеке Ватикана, но большинство рукописей до нас не дошли. Самый древний из дошедших до нас фрагмент рукописного Евангелия относится уже к IV веку. Помню, в Ватикане я любовался

---

²⁹ *Сатира Буало «О том, как затруднительно жить в Париже» («Les Embarras de Paris») – Шестая из «Сатир» (1660) французского поэта и критика Никола Буало-Депрео (1636–1711). (Прим. О. Акимовой.)*

³⁰ *Руми*, Мевляна Джалаледдин Мухаммед (1207–1273) – выдающийся персидский поэт-суфий. (Прим. О. Акимовой.)

манускриптом «Георгик» Вергилия, датированным то ли IV, то ли V веком. Восхитительно. В верхней части каждой страницы расположена иллюстрация. Но я ни разу в жизни не видел ни одного полного римского свитка. Наиболее древние рукописи, в данном случае Кумранские³¹, я видел в Иерусалиме, в музее. Они сохранились благодаря совершенно особым климатическим условиям. То же самое можно сказать о египетских папирусах, которые можно считать одними из древнейших.

Ж.-Ф. де Т.: Говоря о носителях этих письменных памятников, вы упоминаете папирус, бумагу. Вероятно, нам стоит вспомнить здесь и другие, более древние, носители, которые так или иначе относятся к истории книги...

Ж.-К. К. : Разумеется. Носители текстов многообразны: стелы, таблички, ткани. И памятники письменности тоже разные. Гораздо больше носителей нас интересует то послание, которое прорвалось к нам из невообразимого прошлого, было передано нам в этих фрагментах. Я хотел бы показать вам картинку, которую нашел в одном из аукционных каталогов, – я получил ее буквально сегодня утром. Это отпечаток ноги Будды. Давайте хорошенько представим себе, о чем речь. Вот идет Будда. Он шагает, овеянный легендой. Один из отличительных знаков, который он носит на теле, это надписи на подошвах ступней. Надписи, само собой, исключительной значимости. Когда он идет, этот след отпечатывается на земле, каждый его шаг подобен гравюре.

У. Э. : Это то же самое, что отпечатки перед Китайским театром³² на Голливудском бульваре, – только до изобретения письменности!

Ж.-К. К. : Если угодно. Шагая он наставляет – достаточно прочесть его следы. И этот отпечаток конечно же, не просто отпечаток. В нем одном заключен весь буддизм, иначе говоря, сто восемь заповедей, представляющих собой все живые и неживые миры, над которыми возвышается разум Будды.

Но в нем же мы видим всевозможные ступы³³, миниатюрные храмы, колеса дхармы, животных, деревья, воду, свет, нагов³⁴, священные дары – и все это заключено в одном-единственном отпечатке размером с подошву ступни Будды. Это книгопечатание до изобретения печатного пресса. Эмблематическая печать.

Ж.-Ф. де Т.: Сколько отпечатков, столько и посланий, которые будут старательно расшифровываться последователями. В связи с вопросом об истоках истории письменности как не упомянуть о проблеме возникновения наших священных текстов? Однако именно на основе этих текстов, составленных в соответствии с логикой, для нас весьма туманной, возникнут великие верования. Но на чем конкретно они основаны? Какую

---

³¹ *Кумранские рукописи* – название манускриптов, обнаруженных в 1947–1956 гг. в 11 пещерах Кумрана, на северо-западном берегу Мертвого моря. В частности, было найдено более 190 библейских свитков, представляющих огромную ценность для библеистики. До их обнаружения анализ библейского текста основывался только на средневековых рукописях. (Прим. О. Акимовой.)

³² *Китайский театр* Граумана (Grauman's Chinese Theatre) – кинотеатр в Лос-Анджелесе, построенный в 1927 г. по инициативе импресарио Сида Граумана. Здесь традиционно проходят премьеры многих голливудских фильмов. Перед кинотеатром расположена знаменитая голливудская «Аллея славы». (Прим. О. Акимовой.)

³³ Ступ – мемориальное сооружение, хранящее останки Будды.

³⁴ Наги – в индуизме и буддизме – змееподобные мифические существа, полубоги.

ценность представляют для нас эти следы ног или, например, наше Четвероевангелие? Почему их четыре? Почему именно эти?

Ж.-К. К. : В самом деле, почему четыре, хотя их было много? И даже спустя долгое время после того, как эти четыре Евангелия были отобраны священнослужителями на церковном соборе, продолжали обнаруживаться другие. Только в XX веке было найдено так называемое Евангелие от Фомы³⁵, которое древнее, чем Евангелия от Марка, от Луки, от Матфея и от Иоанна, и содержит оно лишь слова Иисуса.

Сегодня большинство специалистов согласны, что существовало даже оригинальное Евангелие, так называемый источник Q³⁶ – то есть Евангелие-первоисточник от немецкого слова Quelle – которое можно восстановить по Евангелиям от Луки, от Матфея и от Марка, так как все эти три Евангелия ссылаются на одни и те же источники. Это оригинальное Евангелие бесследно исчезло. Тем не менее специалисты, предполагая, что оно должно было существовать, работали над его воссозданием.

Итак, что же такое священный текст? Нечто туманное что-то вроде ребуса? В случае с буддизмом все несколько иначе. Сам Будда тоже ничего не написал. Но он говорил на протяжении гораздо более долгого периода, чем Иисус. Принято считать, что Иисусу было отпущено на проповедь не более двух-трех лет. Будда хотя и ничего не написал, но проповедовал свое учение на протяжении по меньшей мере тридцати пяти лет. На следующий день после его смерти Ананда³⁷, один из его ближайших учеников, вместе с группой других последователей начал записывать его слова. Бенаресская проповедь³⁸, первые слова Будды, текст, который содержит знаменитые Четыре Благородные Истины³⁹, заучиваемые наизусть и тщательно переписываемые, лежащие в основе обучения во всех буддийских Школах, – эта проповедь представляет собой всего один-единственный листок. Изначально Буддизм – это один листок. И этот маленький листок в дальнейшем благодаря пересказам Ананды породил миллионы книг.

Ж.-Ф. де Т.: Это до нас дошел один листок. Может, потому, что все остальные были утрачены. Откуда нам знать? Особую ценность этому листку придает вера. Но может быть, настоящее учение Будды было запечатлено в следах его ног или в текстах, которые на сегодняшний день уже стерты или утрачены?

---

³⁵ *Евангелие от Фомы* – один из новозаветных апокрифов. Фрагменты греческого текста известны с 1897 г., папирус с полным коптским переводом Евангелия от Фомы был обнаружен в 1945 г. Современные ученые склонны датировать создание апокрифа 60-140 гг. н. э. Некоторые исследователи подчеркивают независимость этого текста от синоптических Евангелий (см. прим. 172) и сближают его с предшествовавшим им источником Q. (Прим. О. Акимовой.)

³⁶ *Источник Q* – гипотетический сборник изречений Христа, который авторы Евангелий от Матфея и от Луки независимо друг от друга использовали в качестве источника наряду с Евангелием от Марка. Предположение о существовании подобного источника было выдвинуто еще в XIX в. на основании того факта, что значительную часть общего материала Евангелий от Матфея и от Луки, отсутствующего при этом в Евангелии от Марка, составляют изречения Иисуса. (Прим. О. Акимовой.)

³⁷ *Ананда* – один из наиболее известных учеников Будды Шакьямуни. (Прим. О. Акимовой.)

³⁸ *Бенаресская проповедь* – первая речь (сутта), которую Будда произнес после того, как достиг просветления; в ней содержатся основные принципы буддизма. (Прим. О. Акимовой.)

³⁹ *Четыре Благородные Истины* – одно из основных учений буддизма, которого придерживаются все его школы. Четыре Благородные Истины (о страдании, о причине страдания, об устранении причины страдания и о пути к прекращению страданий) были сформулированы в Бенаресской проповеди. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : В самом деле, было бы, наверно, интересно поставить себя в ситуацию классической драмы: миру угрожает опасность, и мы должны спасти самые ценные предметы культуры, поместить их в какое-то надежное место. Например, цивилизации угрожает гигантский природный катаклизм. Надо торопиться. Мы не сможем все сберечь, все унести с собой. Что выбрать? Какой носитель информации?

У. Э. : Мы видели, что современные носители информации очень быстро выходят из употребления. Зачем же рисковать, обременяя себя предметами, которые, возможно, скоро превратятся в мертвый груз, станут нечитаемыми? Научно доказано, что книги превосходят любой объект, выпущенный на рынок нашей культурной индустрией за последние годы. Так что если мне придется спасти что-нибудь, что легко перемещается и доказало свою способность противостоять пагубному воздействию времени, я выберу книгу.

Ж.-К. К. : Сравним современные средства, более или менее приспособленные к нашей торопливой жизни, с книгой и способами ее производства и распространения. Приведу пример того, как книга может идти в ногу с Историей, подчиняясь ее ритму. В период создания «Парижских ночей» Ретиф де ла Бретон⁴⁰ бродил по городу и описывал то, что видел. Видел ли он это на самом деле? Комментаторы расходятся во мнениях. Ретиф был известен как человек, пребывающий во власти своих фантазий, охотно принимающий свой воображаемый мир за реальность. Например, каждый раз, рассказывая, как переспал со шлюхой, он в итоге проговаривается, что это была одна из его бывших подружек.

Два последних тома «Парижских ночей» написаны во времена Революции. Ретиф не только сочиняет рассказы о своих ночных похождениях, но набирает и печатает их по утрам на печатном станке в каком-то подвале. А поскольку в эти беспокойные времена трудно раздобыть бумагу, во время своих прогулок он подбирает на улицах афиши, листовки и варит их, получая таким образом бумажную массу очень низкого качества. Бумага, на которой напечатаны эти два последних тома, совсем не та, что использовалась для первых. Еще одна особенность его работы: из-за нехватки времени он печатает с сокращениями. Например, вместо слова «Революция» он ставит «Рев.». Это удивительно: сама по себе книга передает торопливость человека, который хочет во что бы то ни стало описать увиденное, поспеть за Историей. И если сообщаемые им факты – ложь, значит, Ретиф – феноменальный лжец. Например, он видел одного персонажа, которого назвал «*toucheur*»⁴¹. Этот человек незаметно пробирался сквозь толпу вокруг эшафота, и каждый раз, когда скатывалась отрубленная голова, он клал руку на какой-нибудь женский зад.

Именно Ретиф впервые заговорил о травести, которых тогда, во времена Революции, называли «женоподобными» (*efféminés*). Помню одну сцену, над которой мы с Милошем Форманом долго размышляли. Одного приговоренного везут вместе с остальными смертниками на эшафот в повозке. С ним в повозке его собачка. Перед тем как подняться к месту казни, он поворачивается к толпе и спрашивает, не хочет ли кто взять собаку. Пес очень ласковый, говорит он. Он держит собаку на руках, протягивает к толпе. Но толпа отвечает ему ругательствами. Гвардейцы теряют терпение и вырывают собаку из рук приговоренного, которого тут же казнят. Собака скулит и подбегает к корзине, чтобы слизать кровь хозяина. Рассвирепевшие гвардейцы в итоге приканчивают собаку штыками. И тут толпа с яростью набрасывается на гвардейцев: «Убийцы! И не стыдно? Что она вам такого сделала, эта бедная псина?»

---

⁴⁰ *Ретиф де ла Бретон, Никола* (1734–1806) – французский писатель. Его книга очерков «Парижские ночи, или Ночной зритель» («*Les Nuits de Paris ou Le Spectateur nocturne*», 1788–1794) описывает ночную жизнь Парижа в годы Французской революции и Террора. (Прим. О. Акимовой.)

⁴¹ *Toucheur (фр.)* – букв. «тот, кто трогает».

Меня это несколько сбilo с толку, но смелый эксперимент Ретифа – книга-репортаж, книга «в прямом эфире» – кажется мне уникальным. Но вернемся к вопросу: какие книги мы попытались бы спасти в случае катастрофы? В вашем доме пожар: вы знаете, какие книги вы постараетесь сберечь в первую очередь?

У. Э. : После всего, что я тут наговорил про книги, позвольте сообщить, что сначала я выхватил бы из огня внешний жесткий диск объемом 250 гигабайт, на котором хранятся все мои труды за последние тридцать лет. После чего, если бы у меня еще была возможность, я, разумеется, постарался бы спасти одну из старинных книг, не обязательно самую дорогую, но самую любимую. Только вот как выбрать? Очень многие из них любимые. Надеюсь, у меня не будет времени на долгие размышления. Скажем, я, наверное, возьму «Peregrinatio in Terram Sanctam»⁴² Бернхарда фон Брейденбаха⁴³, изданное в Шпейере Петером Драхом в 1490 году, издание несравненной красоты, с многочисленными гравюрами на раскладных листах.

Ж.-К. К. : Что касается меня, то я взял бы, пожалуй, одну из рукописей Альфреда Жарри, одну рукопись Андре Бретона и книгу Льюиса Кэрролла, в которую вложено его письмо. С Октавио Пасом⁴⁴ однажды произошла печальная история. Его библиотека сгорела. Ужасная трагедия! Можете себе представить, какая библиотека была у Октавио Паса! В ней хранились все произведения, которые ему посвящали сюрреалисты со всего мира. В последние два года жизни для него это стало настоящим горем.

Если бы мне задали тот же вопрос по поводу фильмов, ответить было бы труднее. Почему? Просто, повторяю, потому, что многих фильмов уже нет. Даже некоторые из тех, над которыми я работал, безвозвратно утрачены. Если потерян негатив, фильма больше нет. И даже если негатив где-то существует, найти его иногда бывает очень непросто, а сделать копию стоит целое состояние.

Мне кажется, мир изображения, а в особенности мир кино, как нельзя лучше иллюстрирует проблему экспоненциального ускорения технического прогресса. Мы с вами родились в век, который первым в Истории изобрел новые языки. Если бы наша беседа состоялась сто пятьдесят лет назад, мы могли бы говорить только о театре и книге. Радио, кино, звукозапись, телевидение, цифровая графика, комиксы тогда не существовали. Однако каждый раз, когда появляется новая техника, она словно заявляет, что будет нарушать правила и законы, которые определяли рождение любого прежнего изобретения. Она хочет казаться особенной, уникальной. Как будто бы каждая новая техника автоматически наделяет своих пользователей естественной способностью осваивать ее без труда. Как будто она сама по себе дарует им новый талант. Как будто она собирается стереть все, что ей предшествовало, одновременно превращая всех, кто осмелится отвернуться от нее, в отсталых невежд.

На протяжении всей своей жизни я был свидетелем этого шантажа. На самом же деле все ровно наоборот. Каждая новая техника требует длительного освоения нового языка, тем более что наше мышление уже сформировано языками, предшествовавшими появлению этого новшества. Начиная с 1903–1905 годов формируется новый язык кино, который

---

⁴² «Паломничество в Святую землю» (лат.)

⁴³ Бернхард фон Брейденбах (1440–1497) – уроженец Майнца, совершивший в 1483–1484 гг. паломничество в Святую землю и на Синай. Его записки об этом путешествии, опубликованные в 1486 г. под названием «Паломничество в Святую землю», пользовались большой популярностью и выдержали большое количество переизданий на многих европейских языках. (Прим. О. Акимовой.)

⁴⁴ Октавио Пас (1914–1998) – мексиканский поэт, эссеист-культуролог, переводчик, политический публицист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1990 г. (Прим. О. Акимовой.)

обязателен для изучения. Многие писатели думают, что могут перейти от написания романов к написанию сценариев. Они ошибаются. Они не понимают, что эти два жанра – роман и сценарий – на самом деле используют разные виды письма.

Техника ни в коем случае не является просто одним из удобств. Техника – это требование, предъявляемое нам. Нет ничего труднее, чем переделать театральную пьесу для радиопостановки.

Курицам понадобилось сто лет, чтобы научиться не переходить через дорогу

Ж.-Ф. де Т.: Вернемся к техническим новшествам, которые, как предполагается, отвратят нас от книг. Вероятно, инструменты, которыми пользуется культура сегодня, менее долговечны, чем инкунабулы, которые прекрасно противостоят времени. Однако эти новые средства, хотим мы того или нет, переворачивают наш привычный образ мысли и отдалают нас от мыслительных привычек, приобретенных благодаря книге.

У. Э. : В самом деле, скорость, с которой обновляются технологии, навязывает нам нестерпимый ритм постоянной перестройки наших ментальных привычек. Предполагается, что каждые два года необходимо менять компьютер, потому что именно так эти устройства и задуманы – чтобы через некоторое время устаревать. И это при том, что ремонт компьютера обходится дороже, чем покупка нового. Каждый год нужно менять машину, потому что новая модель лучше в плане безопасности, больше напичкана электронными гаджетами и т. д. И каждая новая технология предполагает приобретение новой системы рефлексов, требующей от нас все новых усилий, причем во все более сжатые сроки. Курицам понадобилось около ста лет, чтобы научиться не переходить через дорогу. В конечном итоге их вид приспособился к новым условиям дорожного движения. Но у нас нет этого времени.

Ж.-К. К. : Можем ли мы адаптироваться к ритму, ускоряющемуся с ничем не оправданной быстротой? Возьмем киномонтаж. С появлением видеоклипов мы дошли до такого ритма, что если пойдем еще дальше, то уже перестанем что-либо видеть. Этим примером я хочу показать, как техника породила свой собственный язык и как этот язык, в свою очередь, заставил технику развиваться во все более торопливом, все более ускоряющемся темпе. В современных американских экшенах или псевдоэкшенах, которые мы смотрим сегодня, ни один план не должен длиться дольше трех секунд. Это стало своеобразным правилом. Человек возвращается домой, открывает дверь, вешает пальто, поднимается на второй этаж. Ничего не происходит, ему не грозит никакая опасность, но эпизод разрезан на восемнадцать планов. Как будто сама техника несет в себе действие, «экшен», как будто экшен находится внутри самой камеры, а не в том, что она показывает.

Вначале техника кино была несложной. Ставится неподвижно камера, и снимается театральная сценка. Актеры входят, делают что нужно и уходят. Затем, очень скоро, люди поняли, что если поставить камеру на движущийся поезд, то картинка перед камерой, а потом и на экране, будет меняться. Камера может управлять движением, производить и воспроизводить его. И тогда камера пришла в движение, сперва осторожно, в студийном павильоне, потом мало-помалу она превратилась в действующее лицо. Она повернулась направо, затем налево. После чего понадобилось склеить полученные таким образом картинки. Это было начало нового языка, языка монтажа. Бунюэль, родившийся в 1900 году, то есть одновременно с кино, рассказывал мне, что, когда он ходил в кино в Сарагосе в 1907–1908 годах, там был «explicador»⁴⁵ с длинной палкой, который должен был объяснять, что происходит на экране. Новый язык был еще непонятен. Он еще не был усвоен. Прошло

---

⁴⁵ Букв. «объясняющий» (исп.).

время, мы к этому языку привыкли, но до сих пор великие режиссеры непрестанно его оттачивают, совершенствуют и даже – к счастью – его извращают.

Как и в литературе, в кино различают «благородный язык» (нарочито напыщенный и помпезный), обыденный язык (разговорный) и даже жаргонный. Также известно, что каждый великий режиссер, как сказал Пруст о великих писателях, изобретает, хотя бы отчасти, свой собственный язык.

У. Э. : В одном интервью итальянский политик Аминторе Фанфани⁴⁶, родившийся в начале прошлого века, то есть когда кино еще не было по-настоящему популярным, объяснял, почему он редко ходит в кино: потому что просто не понимает, что персонаж, которого он видит сзади, – это тот самый человек, лицо которого он видел в предыдущее мгновение.

Ж.-К. К. : Действительно, приходилось принимать меры предосторожности, чтобы не отпугнуть зрителя, ступавшего на территорию нового искусства. В классическом театре действие длится столько же времени, сколько мы его видим. У Шекспира или Расина нет никаких прерываний внутри сцены. Время на сцене равно времени в зале. Кажется, Годар был одним из первых, кто снял сцену в спальне с двумя героями, в фильме «На последнем дыхании»⁴⁷, а потом при монтаже оставил лишь несколько моментов, несколько фрагментов этой длинной сцены.

У. Э. : В комиксах, думается, эта условность времени повествования была осмыслена уже давно. Но мне, любителю и собирателю комиксов 30-х годов, плохо даются альбомы наиболее современных авторов, самых авангардных из них. В то же время не следует от них совсем отворачиваться. Я играл со своим семилетним внуком в одну из его любимых компьютерных игр, и он уложил меня на обе лопатки со счетом 10: 280. При этом я заядлый игрок во «флиппер» и часто, когда у меня есть свободная минутка, играю на компьютере и даже с некоторым успехом убиваю во всяких галактических войнах космических монстров. Но тут мне пришлось признать себя побежденным. Однако даже мой внук, каким бы одаренным он ни был, в свои двадцать лет, вероятно, не сможет понять новую технологию своего времени. Таким образом, есть области знания, где невозможно долго удерживаться на гребне новых веяний. Вы не станете выдающимся физиком-ядерщиком, если до этого в течение нескольких лет не впитывали всю информацию по теме и не старались быть на волне событий. Потом можете спокойно уходить в преподавание или бизнес. В двадцать два года вы гений, потому что всё поняли. Но в двадцать пять вам приходится уступить место другим. То же самое происходит с футбольными игроками: через какое-то время вы переходите в тренеры.

Ж.-К. К. : У меня как-то была встреча с Леви-Строссом⁴⁸ – по настоянию издательства «Одиль Жакоб», которое хотело, чтобы мы вместе с ним сделали книгу-диалог. Он любезно отказался, со словами: «Не хочу повторять то, что раньше сказал лучше». Какая ясность ума!

---

⁴⁶ Аминторе Фанфани (1908–1999) – один из наиболее влиятельных итальянских политиков послевоенного периода, один из лидеров Христианско-демократической партии, пять раз назначался председателем Совета министров Италии. (Прим. О. Акимовой.)

⁴⁷ «На последнем дыхании» («A bout de souffle», 1959) – дебютный полнометражный фильм Жана-Люка Годара (р. 1930), ставший классикой французской «новой волны». (Прим. О. Акимовой.)

⁴⁸ Леви-Стросс, Клод (1908–2009) – французский этнограф, социолог и культуролог, создатель школы структурализма в этнологии, оказавший огромное влияние на развитие гуманитарных наук во второй половине XX в. (Прим. О. Акимовой.)

Даже в антропологии приходит время, когда партия – ваша, наша – уже сыграна. И это говорил Леви-Стросс, который при всем том дожил до ста лет!

У. Э. : По той же причине я уже не могу сегодня преподавать. Наше дерзкое долголетие не должно скрывать от нас тот факт, что мир знаний находится в беспрестанном развитии и что нам удалось в полной мере ухватить из него только то, что вместились в ограниченный отрезок времени.

Ж.-К. К. : Как вы тогда объясните адаптивность вашего внука, способного в семь лет овладевать новыми языками, которые для нас, несмотря на все наши усилия, остаются чужими?

У. Э. : Это такой же ребенок, как и все дети его возраста, с двух лет он ежедневно сталкивался со всякого рода раздражителями, неведомыми нашему поколению. Когда в 1983 году я принес в дом свой первый компьютер, моему сыну было ровно двадцать. Я показал ему новое приобретение, предложив объяснить, как оно работает. Он ответил, что ему неинтересно. Тогда я засел в углу, чтобы исследовать новую игрушку, и конечно же столкнулся с немалыми трудностями (вспомните, что в то время мы писали в DOS на языках программирования, таких как Бейсик или Паскаль, у нас еще не было Windows, которая перевернула нашу жизнь). Мой сын, увидев однажды меня в затруднительном положении, подошел к моему компьютеру и сказал: «Лучше сделать вот так». И компьютер заработал.

Отчасти я решил эту загадку, предположив, что в мое отсутствие он вволю попользовался моим компьютером. Но оставался вопрос, как ему удалось – при том, что мы оба, он и я, имели одинаковый доступ к машине – обучиться работе за компьютером быстрее, чем мне. Значит, у него уже было компьютерное чутье. Мы с вами освоили определенные действия, такие как поворот ключа зажигания, чтобы машина поехала, поворот выключателя. А тут надо было просто кликать, нажимать. Мой сын далеко меня обогнал.

Ж.-К. К. : Поворот или клик. Очень поучительное замечание. Я думаю о том, как мы читаем книги: наш глаз движется слева направо и сверху вниз. В арабской, персидской письменности, в иврите все наоборот: глаз движется справа налево. Я подумал, а не влияет ли эта разница на движение камеры в кино? В большинстве случаев в западном кино камера движется слева направо, тогда как в иранском кино, не говоря о других, я часто замечал обратное движение. Почему бы не представить, что наши читательские привычки могут обуславливать наш способ видения? Инстинктивные движения наших глаз?

У. Э. : В таком случае обращу ваше внимание на то, что западный крестьянин, распахивая поле, сперва идет слева направо, а потом возвращается справа налево, а египетский или иранский крестьянин сначала идет справа налево, а затем возвращается слева направо. Это потому, что направление движения пахаря в точности соответствует направлению бустрофедона⁴⁹. Только в одном случае движение начинается справа, а в другом – слева. Это очень важный и, на мой взгляд, недостаточно изученный вопрос. Нацисты могли бы сразу же идентифицировать крестьянина-еврея. Но вернемся к нашим баранам. Мы говорили об изменениях и об их ускорении. Но мы также сказали, что бывают и такие приспособления, которые не изменяются, а именно книга. Мы могли бы добавить сюда

---

⁴⁹ *Бустрофедон* (или «двунаправленное письмо») – способ письма, при котором направление чередуется в зависимости от четности строки: если первая строка пишется справа налево, то вторая – слева направо, третья – снова справа налево и т. д. (движение, напоминающее движение быка с плугом на поле). При перемене направления письма буквы писались зеркально. Бустрофедон встречается в памятниках лувийского, южноаравийского, этрусского, греческого, малоазийского и др. письма. (Прим. О. Акимовой.)

велосипед и очки, не говоря уж об алфавитной письменности. Когда совершенство достигнуто, дальше двигаться невозможно.

Ж.-К. К. : Если позволите, я вернусь к кино, к его удивительной верности самому себе. Вы говорите, что с приходом Интернета мы возвращаемся в эпоху алфавита? Но кино – это по-прежнему прямоугольник, спроецированный на плоскую поверхность, так было на протяжении более ста лет. Это усовершенствованный волшебный фонарь. Язык эволюционировал, но форма осталась прежней. Залы оснащаются техникой для демонстрации трехмерного кино и даже голографического. Будем надеяться, что это не просто ярмарочные трюки... Сможем ли мы когда-нибудь – я сейчас имею в виду только форму – продвинуться дальше? Кинематограф стар или молод? У меня нет ответа. Я знаю, что литература стара. Так мне сказали. Но может быть, в сущности, она не так уж и стара... Может, нам не стоит строить из себя Нострадамусов, чтобы нас в скором будущем не опровергли.

У. Э. : По поводу опровергнутых предсказаний: я получил однажды урок на всю жизнь. Тогда – я говорю про 60-е годы – я работал в одном издательстве. И вот к нам попадает работа одного американского социолога, где представлен очень интересный анализ новых поколений и возвещается о скором приходе поколения молодых «белых воротничков» со стрижкой «ёжиком» (crew cut), на военный манер, которые будут абсолютно равнодушны к политике и т. д. Мы решили эту книгу перевести, но перевод оказался плохой, и мне пришлось полгода его переделывать. А тем временем прошел 67-й год, а затем случились волнения в Беркли и май 68-го, и аналитические высказывания этого социолога оказались нам в высшей степени несостоятельными. Я взял рукопись и выбросил в мусорное ведро.

Ж.-К. К. : Мы говорили о долговременных носителях информации, подсмеиваясь над самими собой, над нашим обществом, которое не знает, как сохранить нашу память надолго. Но также, мне кажется, нам нужны и долговременные предсказатели. С чего бы оказался прав тот футуролог из Давоса, который, не видя и не слыша надвигающегося финансового кризиса, объявлял, что баррель будет стоить 500 долларов? Откуда у него этот дар провидения? У него что, есть диплом пророка? Баррель подскочил до 150 долларов, а потом на наших глазах упал до 50 без какого-либо разумного объяснения. Может быть, он поднимется вновь, может, опустится еще больше. Мы не знаем. Будущее – это не профессия.

Пророкам, как настоящим, так и мнимым, всегда свойственно ошибаться. Не помню, кто сказал: «Если будущее – это будущее, оно всегда неожиданно». Великое свойство будущего – постоянно удивлять. Меня всегда поражал тот факт, что в золотой век фантастики, продолжавшийся с начала XX века до конца 50-х годов, ни один автор не предугадал появление пластмассы, которая заняла такое значительное место в нашей жизни. Мы все время проецируем себя в воображаемый мир или в будущее исходя из того, что нам известно. Но будущее не берет начало в том, что известно. Я мог бы привести тысячу примеров. Когда в 60-е годы я вместе с Бунюэлем отправлялся работать над сценарием в Мексику, в очень удаленные места, я брал с собой портативную пишущую машинку с черной и красной лентой. Если, к несчастью, лента рвалась, то у меня не было никакой возможности купить взамен другую в соседнем городке Ситакуаро. Представляю, как было бы удобно, если бы у нас тогда был компьютер! Но вряд ли мы тогда могли предвидеть его появление.

Ж.-Ф. де Т.: *Дань почтения, которую мы отдаем здесь книге, – это просто стремление показать, что современные технологии отнюдь не отняли у нее ее достоинств. Впрочем, нам, возможно, стоит в некоторых случаях не придавать абсолютного значения прогрессу, который эти технологии представляет. Я, в частности, имею в виду тот пример, который дали вы, Жан-Клод, когда Ретиф де ла Бретон на рассвете печатал то, чему он был свидетелем ночью.*

Ж.-К. К. : Это несомненный подвиг. Знаменитый бразильский коллекционер Жозе Миндлин⁵⁰ показал мне издание «Отверженных», напечатанное в Рио на португальском языке в 1862 году, то есть в тот же год, что и французское издание. Всего два месяца спустя после публикации в Париже! Пока Гюго писал, его издатель, Этцель⁵¹, по главам пересылал книгу иностранным издателям. Иными словами, публикация произведений осуществлялась по той же схеме, что и распространение нынешних бестселлеров, которые одновременно выходят сразу во множестве стран и на множестве языков. Иногда бывает полезно не придавать абсолютного значения нашим так называемым техническим достижениям. В случае с Виктором Гюго все происходило даже быстрее, чем в наше время.

У. Э. : Пример в том же духе: Алессандро Мандзони⁵² опубликовал «Обрученных» в 1827 году и снискал огромный успех благодаря трем десяткам пиратских изданий по всему миру, которые, однако, не принесли ему ни гроша. Вместе с издателем Редаэлли из Милана и мастером гравюры Гонином⁵³ из Турина он задумал сделать иллюстрированное издание и контролировать его публикацию выпуск за выпуском. Один неаполитанский издатель стал пиратски копировать их каждую неделю и потерял на этом все свои деньги. Вот вам еще один пример относительности наших технических достижений. Но можно привести еще множество примеров. В XVI веке Роберт Фладд⁵⁴ публиковал за год три-четыре книги. Он жил в Англии. А книги печатались в Амстердаме. Он получал гранки, вычитывал их, проверял гравюры и отправлял все обратно... но как ему это удалось? Это книги по шестьсот страниц с иллюстрациями! Надо думать, почтовые службы работали тогда лучше, чем теперь! Галилей состоял в переписке с Кеплером и всеми учеными своего времени. Он немедленно узнавал о новых открытиях.

Однако не стоит ли немного смягчить это сравнение, от которого прошлое явно выигрывает. В 60-е годы (работая в издательстве) я заказал перевод книги Дерек де Солла Прайса⁵⁵ «Малая наука, большая наука». В ней при помощи статистики автор показывал, что число научных публикаций в XVII веке было таково, что хороший ученый мог постоянно быть в курсе всего, что печаталось, тогда как в наше время тому же ученому невозможно даже ознакомиться со всеми «краткими изложениями» (abstracts) статей, касающихся его

---

⁵⁰ *Жозе Миндлин* (р. 1914) – известный бразильский адвокат, предприниматель и библиофил, владелец крупнейшей в Латинской Америке частной коллекции книг. (Прим. О. Акимовой.)

⁵¹ *Этцель*, Пьер Жюль (1814–1886) – французский издатель и детский писатель, известный под псевдонимом П.-Ж. Сталь. Помимо Гюго опубликовал произведения Ламартина, Прудона, Бодлера, издал сказки Шарля Перро с иллюстрациями Гюстава Доре. Наибольший успех Этцелю принесло издание приключенческих романов Жюль Верна. (Прим. О. Акимовой.)

⁵² *Алессандро Мандзони* (1785–1873) – знаменитый итальянский писатель-романтик. Огромную известность принес ему роман «Обрученные» (1827). (Прим. О. Акимовой.)

⁵³ *Гонин*, Франческо (1808–1889) – итальянский художник, гравер, иллюстратор и декоратор. (Прим. О. Акимовой.)

⁵⁴ *Роберт Фладд* (1574–1637) – английский врач, мыслитель-мистик, астролог. Последователь Парацельса, сторонник гностических, неоплатонических и кабалистических воззрений; по своим взглядам был близок к розенкрейцерам. (Прим. О. Акимовой.)

⁵⁵ *Дерек де Солла Прайс* (1922–1983) – английский физик и историк науки. Его книга «Малая наука, большая наука» («Little Science, Big Science», 1963) издана на русском языке в сборнике «Наука о науке» (М.: Прогресс, 1966). (Прим. О. Акимовой.)

области исследований. Несмотря на более эффективные средства связи, ему не хватает времени, которым располагал Роберт Фладд для реализации стольких издательских проектов...

Ж.-К. К. : Возьмите наши «флэшки» и другие устройства, позволяющие хранить и носить с собой информацию. И тут мы ничего не изобрели. В конце XVIII века аристократы брали с собой в путешествия небольшие чемоданчики, дорожные библиотеки. Тридцать-сорок томов карманного формата позволяли им не расставаться со всем тем, что приличный человек обязан был знать. Конечно, эти библиотеки не измерялись гигабайтами, но принцип был такой же.

Это наводит меня на мысль и об иной форме «краткого изложения», на сей раз более спорной. В 70-е годы я жил в Нью-Йорке в квартире, предоставленной в мое распоряжение одним кинопродюсером. В этой квартире не было книг, кроме собрания «шедевров мировой литературы in digest form»⁵⁶. В сущности, нереальная вещь: «Война и мир» на пятидесяти страницах, Бальзак в одном томе. Я был ошарашен. Все было на месте, но в урезанном, искаленном виде. Гигантский труд ради такой нелепой цели!

У. Э. : Краткие изложения тоже бывают разные. В 1930–1940 годы в Италии проводился необычный эксперимент под названием «La Scala d'Oro»⁵⁷. Выпустили серию книг, распределенных по возрастам: была серия для 7–8 лет, серия для 8–9 лет и так до 14, и все это чудесно проиллюстрировали лучшие художники того времени. Все великие шедевры литературы нашли здесь свое место. Чтобы сделать их доступными для соответствующего читателя, каждая книга была пересказана для детей каким-нибудь хорошим писателем. Разумеется, эти книги были, так сказать, *ad usum delphini*⁵⁸. Например, Жавер не кончал жизнь самоубийством, а лишь покидал свой пост. Только когда, уже в возрасте постарше, я прочел «Отверженных» в первоначальной версии, я наконец узнал о Жавере всю правду. Но должен сказать, что суть до меня дошла.

Ж.-К. К. : Одно отличие: те книги в кратком изложении, в квартире продюсера, предназначались для взрослых. И даже, подозреваю, были выставлены напоказ, чтобы на них смотрели, а не читали. Книги, если уж на то пошло, калечили во все времена. Переводы пьес Шекспира, сделанные в XVIII веке аббатом Делилем⁵⁹, все имеют счастливый финал, вполне пристойный и высоконравственный, как ваши «Отверженные» из серии «La Scala d'Oro». К примеру, Гамлет там не умирает. Французская публика – если не считать Вольтера, который перевел (кстати, весьма неплохо) несколько отрывков, – могла познакомиться с Шекспиром только в этой подслащенной версии. Автор, которого называли варварским и кровавым, превратился в сплошной сироп и елей.

Знаете, как Вольтер перевел «To be or not to be, that is the question»? «Arrête, il faut choisir et passer à l'instant / De la vie à la mort ou de l'être au néant»⁶⁰. В сущности, неплохо.

---

⁵⁶ «В кратком изложении» (англ.)

⁵⁷ «Золотая лестница» (ит.)

⁵⁸ «для детей» (лат.)

⁵⁹ *Аббат Делиль, Жак* (1738–1813) – французский поэт и переводчик, член Французской академии. Помимо пьес Шекспира перевел на французский язык «Георгики» Вергилия и поэму Мильтона «Потерянный рай». (Прим. О. Акимовой.)

⁶⁰ «Стой, надо выбирать сейчас и перейти / От жизни к смерти иль из бытия в ничто» (фр.).

Возможно, название «Бытие и ничто»⁶¹ Сартр позаимствовал из этого перевода Вольтера.

Ж.-Ф. де Т.: Жан Клод, вы упомянули первые «флэшки» – дорожные библиотеки, которые образованные люди возили с собой уже в XVIII веке. Нет ли у вас ощущения, что большинство наших изобретений есть воплощение давних мечтаний человечества?

У. Э. : Мечта о полете преследует коллективное воображаемое с незапамятных времен.

Ж.-К. К. : Я действительно полагаю, что многие изобретения нашего времени являются материализацией очень древних мечтаний. Я говорил об этом моим друзьям-ученым Жану Одузу⁶² и Мишелю Кассе⁶³, когда мы работали вместе над «Разговорами о незримом»⁶⁴. Такой пример: недавно я вновь окунулся в удивительную шестую книгу «Энеиды», где Эней спускается в Ад и встречает там тени, которые для римлян были и душами тех, кто уже жил, и душами тех, кто еще будет жить когда-нибудь. Времени здесь не существует. Царство теней Вергилия превосходит эйнштейновское пространство-время. Перечитывая эти страницы про путешествие, я думал о том, что Вергилий уже тогда спустился в виртуальный мир, в недра гигантского компьютера, в котором теснятся молчаливые аватары. Все, кого вы встречаете в этом мире, кем-то были раньше или могут однажды кем-нибудь стать. Марцелл в «Энеиде» – замечательный молодой человек, на которого возлагали большие надежды при жизни Вергилия и который, к сожалению, умер совсем юным. Когда к юноше обращаются со словами: «Будешь Марцеллом и ты!»⁶⁵ (Tu Marcellus eris), в то время как читатели знают, что он мертв, я вижу весь виртуальный размах, весь потенциал человека, который мог бы стать незабываемой личностью, быть может, спасителем, которого все ждали, но он стал всего лишь Марцеллом, почившим юношей.

Вергилий словно предвидел тот виртуальный мир, в котором мы теперь с наслаждением пребываем. Схождение в Преисподнюю – это прекрасная тема, к которой мировая литература подходила по-разному. Это единственное данное нам средство преодолеть сразу и пространство, и время, то есть проникнуть в царство мертвых или теней, совершить путешествие одновременно и в прошлое, и в будущее, в бытие и ничто. Обрести таким образом некую форму виртуального бессмертия.

Еще один пример, который меня всегда поражал. В «Махабхарате» царица Гандхари беременна, но никак не может разродиться. Однако необходимо, чтобы ее ребенок появился на свет раньше, чем ребенок ее свояченицы, ибо первенец станет царем. Она просит крепкую служанку взять железный прут и бить ее по животу изо всех сил. И тогда из ее чрева выскакивает железный шар и катится по полу. Она хочет его выбросить, избавиться от него, но кто-то советует ей разрезать этот шар на сто кусочков и поместить каждый в кувшин, предсказав, что из них родятся сто сыновей. Что и происходит. Это уже представление об искусственном оплодотворении, не так ли? Разве эти кувшины не прообразы современных пробирок?

---

⁶¹ «Бытие и ничто» («L'Être et le Néant», 1943) – самый известный и значительный труд французского философа Ж.-П. Сартра (1905–1980). (Прим. О. Акимовой.)

⁶² Жан Одуз (р. 1940) – астрофизик, руководитель исследований Парижского астрофизического института Национального центра научных исследований (CNRS), автор нескольких книг о космологии. (Прим. О. Акимовой.)

⁶³ Мишель Кассе (р. 1943) – французский астрофизик, писатель и поэт. (Прим. О. Акимовой.)

⁶⁴ J. Audouze, M. Cassé, J.-C. Carrière «Conversations sur l'invisible», Paris, Belfond, 1988.

⁶⁵ Перевод С. Ошерова.

Можно было бы привести еще множество примеров. Там же, в «Махабхарате», сперму хранят, переносят, повторно используют. Однажды ночью в Каланде Дева Мария является испанскому крестьянину, чтобы дать ему новую ногу вместо отрезанной: вот вам уже пересадка конечностей. А сколько примеров клонирования, использования спермы после смерти мужчины! А сколько химер, которые мы считали навсегда исчезнувшими во тьме времен, – голова козла, хвост змеи, когти льва – на наших глазах воскресают в лабораторных фантазиях?

У. Э. : Это не составители «Махабхараты» прозревали будущее. Это настоящее воплощает мечты людей, живших до нас. Вы совершенно правы. Мы, например, вплотную подошли к открытию Источника Жизни⁶⁶. Мы постоянно продлеваем нашу старость и вполне можем окончить свои дни в каком-нибудь совершенно необычном виде.

Ж.-К. К. : Через пятьдесят лет мы все будем бионическими существами. К примеру, я смотрю на вас, Умберто, искусственными глазами. Три года назад, когда у меня начала развиваться катаракта, мне сделали операцию на хрусталиках, благодаря чему отныне, впервые в жизни, я обхожусь без очков. И гарантия на результат операции дается на пятьдесят лет! Сегодня мои глаза пожидают как нельзя лучше, а вот колено подводит. Так что мне придется решать, заменить его или нет. Когда-нибудь меня ждет протез. По меньшей мере, один.

Ж.-Ф. де Т.: Будущее непредсказуемо. Настоящее вошло в стадию непрерывной мутации. Прошлое, которое должно быть ориентирующей и поддерживающей основой, ускользает. Может, нам стоит поговорить о непостоянстве?

Ж.-К. К. : Будущее не принимает в расчет прошлое, так же как и настоящее. Сегодня авиаконструкторы работают над созданием самолетов, которые будут достроены только через двадцать лет. Вот только по задумке они должны летать на керосине, которого тогда, возможно, уже не будет. Что меня действительно поражает, так это полное исчезновение настоящего. Мы как никогда одержимы модой на ретро. Прошлое нагоняет нас с невероятной быстротой, скоро мы будем превозносить моду предыдущего полугодия. Будущее, как всегда, туманно, а настоящее постепенно сужается и исчезает.

У. Э. : Относительно нагоняющего нас прошлого: я установил на своем компьютере лучшие радиостанции мира, у меня в коллекции четыре десятка Oldies. Несколько американских радиостанций предлагают программу, составленную исключительно из музыки 1920-1930-х годов. Все остальные знакомят с хитами 1990-х, уже считающимися далеким прошлым. Недавно в одном опросе Квентина Тарантино назвали лучшим кинорежиссером всех времен и народов. Вероятно, опрашиваемая публика не смотрела ни Эйзенштейна, ни Форда, ни Уэллса, ни Капру, и т. д. Все подобные опросы этим грешат. В 70-е годы я написал книгу о том, как надо писать дипломную работу, книга эта переведена на все языки⁶⁷. Первый совет, который я давал в этой книге, – а в ней я давал советы решительно обо всем, – заключался в том, чтобы никогда не выбирать современную тему. Библиография будет либо скудной, либо недостоверной. Всегда выбирайте, говорил я, классическую тему. Однако большинство диссертаций в наши дни рассматривают

---

⁶⁶ *Источник Жизни* – библейский символ бессмертия и вечной молодости, упоминаемый в легенде о Райском саде: источник у подножия древа познания в самом сердце сада питал своими водами четыре реки Рая. (Прим. О. Акимовой.)

⁶⁷ Имеется в виду книга Умберто Эко «Как написать дипломную работу» (1977).

современные вопросы. Поэтому мне присылают огромное количество научных работ, посвященных моему творчеству. Это безумие! Ну как можно писать диссертацию о человеке, который еще жив?

Ж.-К. К. : Если у нас короткая память, это означает, в сущности, что ближайшее прошлое теснит настоящее и подталкивает его, пододвигает в сторону будущего, которое приняло форму гигантского вопросительного знака. А может, уже и восклицательного. Куда делось настоящее? Тот чудесный миг, который мы проживаем и который пытаются скрыть от нас многочисленные заговорщики? Иногда, в деревне, я вновь соприкасаюсь с этим мгновением, слушая, как церковный колокол спокойно отбивает ежечасное «ля», которое заставляет нас опомниться. «Надо же, всего пять часов...» Я, как и вы, много путешествую, я теряюсь в коридорах времени, в разнице часовых поясов, и у меня все чаще возникает потребность восстановить связь с настоящим, которое от нас ускользает. Иначе мне станет казаться, что я заблудился. И даже, быть может, умер.

У. Э. : Исчезновение настоящего, о котором вы говорите, происходит не только вследствие того факта, что мода, которая раньше властвовала по тридцать лет, теперь длится всего тридцать дней. Это также проблема морального устаревания предметов, о которых мы говорим. Когда-то вы тратили несколько месяцев своей жизни, чтобы научиться кататься на велосипеде, но если вы приобрели этот навык, он остается с вами навсегда. А теперь вы тратите две недели, чтобы разобраться в новой компьютерной программе, и, когда вы ее худо-бедно осваиваете, вам предлагается, навязывается новая программа. Так что это не проблема утрачивания коллективной памяти. По-моему, это скорее проблема лабильности настоящего. Мы больше не живем в спокойном настоящем, а все время стараемся подготовиться к будущему.

Ж.-К. К. : Мы находимся в текучем, изменчивом, постоянно возобновляемом, эфемерном времени, в котором мы, как уже было сказано, парадоксальным образом живем все дольше и дольше. Вероятно, продолжительность жизни наших предков была короче нашей, но они находились в неизменном настоящем. Дедушка моего дяди, землевладелец, первого января уже делал расчеты на следующий год. По результатам предыдущего года можно было примерно представить, что будет в следующем. Ничто не менялось.

У. Э. : Когда-то мы готовились к выпускному экзамену, который ставил точку в долгом периоде обучения: в Италии это экзамен на аттестат зрелости, в Германии – Abitur, во Франции – экзамен на степень бакалавра. После него никто не обязан был учиться, кроме элиты, которая шла в университет. Мир не менялся. Полученные знания вы могли использовать до самой смерти и даже до смерти ваших детей. В восемнадцать-двадцать лет люди уходили в гносеологическую отставку. В наше время работник предприятия должен постоянно обновлять свои знания под страхом увольнения. Обряд перехода, который символизировали эти большие выпускные экзамены, теперь не имеет никакого значения.

Ж.-К. К. : То, о чем вы говорите, относилось также, например, и к врачам. Багаж знаний, который они накопили за время обучения, оставался действительным до конца их карьеры. А то, что вы говорили по поводу бесконечного обучения, к которому всех теперь принуждают, совершенно применимо и к тем, кто, как говорится, «вышел на пенсию». Сколько пожилых людей вынуждены осваивать компьютер, с которым они не могли быть знакомы в период их активной деятельности? Мы приговорены к тому, чтобы быть вечными студентами, как Трофимов из «Вишневого сада». В сущности, может, оно и к лучшему. В обществах, которые мы называем первобытными, которые не изменяются, старики имеют власть, потому что именно они передают знания своим детям. А когда мир находится в состоянии перманентной революции, дети учат родителей осваивать электронную технику.

А дети этих детей, чему они их научат?

Назвать поименно всех участников битвы при Ватерлоо

Ж.-Ф. де Т.: Вы говорили о том, как трудно в наше время найти надежные средства для сохранения необходимой информации. Но должна ли память хранить все подряд?

У. Э. : Конечно, нет. Память – будь то наша индивидуальная память или коллективная, то есть культура, – несет двойную функцию. Одна из них, действительно, – хранить данные, другая – топить в забвении информацию, которая нам не нужна и которая напрасно загромождает наши мозги. Культура, не умеющая отсеивать то, что нам досталось в наследство от прошлых веков, напоминает Фунеса – придуманного Борхесом героя рассказа «Фунес, чудо памяти», который наделен способностью помнить все подряд. А это как раз противоречит культуре. Культура – это кладбище навсегда исчезнувших книг и прочих предметов. Сегодня есть труды, посвященные этому явлению, которое состоит в том, что мы, с одной стороны, молчаливо отказываемся от некоторых пережитков прошлого, то есть отсеиваем их, а с другой стороны, помещаем прочие элементы этой культуры в некий холодильник, для будущих времен. Архивы, библиотеки и есть те самые морозильные камеры, где мы храним память, чтобы не засорять культурное пространство всякой дребеденью, но и не отказываться от нее совсем. В будущем мы всегда сможем к ней вернуться, если сердце прикажет.

Возможно, какой-нибудь историк сумеет откопать имена всех участников битвы при Ватерлоо, однако никто не станет заставлять учить их ни в школе, ни в университете, потому что эти подробности не нужны, а может, даже вредны. Приведу еще один пример. Мы знаем все о Кальпурнии, последней супруге Цезаря, до мартовских ид, то есть до даты его убийства, когда она отговаривала его идти в Сенат из-за того, что ей приснился нехороший сон. Что стало с ней после смерти Цезаря, мы не знаем. Она исчезает из нашей памяти. Почему? Потому что хранить информацию о ней стало бессмысленно. А вовсе не потому, что она была женщиной, как можно было бы предположить. Клара Шуман⁶⁸ тоже была женщиной, но нам известно все, что она делала после смерти Роберта. Вот этот отбор и есть культура. Современная культура, напротив, через Интернет забрасывает нас подробностями обо всех Кальпурниях планеты, и делает это ежедневно, ежеминутно, так что у мальчишки, ищущего материал для своего домашнего задания, может сложиться впечатление, что Кальпурния – фигура не менее важная, чем Цезарь.

Ж.-К. К. : Однако как сделать отбор за те поколения, что придут после нас? Кто будет отбирать? Как предугадать, что будет интересно нашим потомкам, что им будет необходимо, или просто полезно, или хотя бы приятно? Как отсеивать знания, если они, как вы сказали, поступают к нам через компьютер без всякого порядка, классификации, без отбора? Другими словами, как в таких условиях формировать нашу память, если эта память зависит от предпочтений, уклонений, вольных и невольных умалчиваний? И если знать к тому же, что память наших потомков неизбежно будет иной природы, чем наша. Какой, скажем, будет память клона?

Я по образованию историк, и мне известно, как опасно слепо доверять документам, которые по идее должны сообщать нам точную информацию о событиях прошлого. Проиллюстрирую эту проблему примером из личной жизни. Отец моей супруги Нахаль был иранским ученым. Среди прочих работ он написал труд об одном переплетчике из Багдада,

---

⁶⁸ Клара Шуман (1819–1896) – знаменитая немецкая пианистка, композитор и музыкальный педагог, жена композитора Роберта Шумана. (Прим. О. Акимовой.)

жившем в X веке, которого звали Аль-Надим⁶⁹. Вы знаете, что иранцы изобрели переплет, причем такой переплет, который полностью покрывает страницы с текстом и таким образом защищает их. Будучи переплетчиком образованным, а также каллиграфом, этот человек интересовался книгами, которые ему поручали переплетать, прочитывал их и для каждой делал конспект. На сегодняшний день книги, которые он переплетал, в большинстве своем утрачены, и у нас остались только конспекты этого переплетчика, его каталог, озаглавленный «Фихрист». Поэтому мой тесть, Реза Таджадод, задался вопросом: что же в точности мы можем узнать, глядя сквозь призму субъективного отбора – каким неизбежно оказывалась бесценная работа переплетчика, – о книгах, которые он держал в руках и о существовании которых нам известно только благодаря ему.

У. Э. : Некоторые скульптуры и живописные произведения античности известны нам только по описаниям. Эти описания назывались «экфрасис». Когда в Риме во времена Микеланджело была найдена статуя Лаокоона⁷⁰, относящаяся к эллинистической эпохе, ее идентифицировали на основе описания, оставленного Плинием Старшим⁷¹.

Ж.-К. К. : Но если сегодня мы располагаем знаниями обо всем без разбора, неограниченным объемом информации, которая доступна с наших компьютеров, то чем станет для нас память? Каким будет значение этого слова? Когда рядом с нами появится электронный слуга, способный ответить на все наши вопросы – даже на те, которые мы и сформулировать-то не в состоянии, – что останется нам для познания? Когда наш протез будет знать все, то чему нам останется учиться?

У. Э. : Искусству синтеза.

Ж.-К. К. : Да. И самому процессу обучения. Потому что надо учиться учиться.

У. Э. : Да, учиться проверять информацию, достоверность которой не самоочевидна. Вот дилемма, стоящая перед преподавателями. Для выполнения домашнего задания ученики черпают необходимую информацию в Интернете, не зная при этом, насколько эта информация точна. Да и как им узнать? Так что я даю преподавателям такой совет: попросите ваших учеников перед выполнением домашней работы провести следующий поиск: найти на тему задания десять источников, дающих о предмете различные сведения, и сравнить их. Это делается, чтобы развить в учениках критическое отношение к Интернету и научить их не принимать все за чистую монету.

Ж.-К. К. : Проблема фильтрации означает также, что мы должны решать, что нам читать. Каждую неделю журналы предлагают нам по пятнадцать шедевров, которые «нельзя пропустить». И так – в каждой области знаний.

---

⁶⁹ *Аль-Надим* или Ибн ан-Надим (?–995 или 998) – шиитский эрудит и библиограф, автор книги «Китаб аль-Фихрист» (перс. «указатель, опись, индекс»), полного свода библиографических сведений об арабской письменности первых четырех веков ислама. (Прим. О. Акимовой.)

⁷⁰ *Лаокоон* – речь идет о знаменитой античной мраморной группе, найденной в 1506 г. в винограднике одного римского гражданина. Впоследствии она была выкуплена папой Юлием II и ныне находится в Ватикане. (Прим. О. Акимовой.)

⁷¹ *Плиний Старший* – под этим именем известен Гай Плиний Секунд (23–79) – римский писатель-эрудит, автор «Естественной истории». (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : По этому вопросу я придумал теорию децимации⁷². Возьмем область эссеистики. Достаточно прочитать одну книгу из десяти. Что касается остальных, вы обращаетесь к библиографии, к примечаниям, и вам сразу становится понятно, насколько серьезны труды, на которые ссылается автор. Если работа интересная, нет необходимости читать ее, поскольку она, несомненно, будет комментироваться, цитироваться, критиковаться в других работах, включая ту, которую вы решили прочесть. Впрочем, если вы преподаете в университете, вы получаете такое количество печатного материала до публикации книги, что у вас нет времени прочесть ее, когда она выходит в свет. Во всяком случае, зачастую, когда книга доходит до нас, она уже устарела. Не говоря уже о книгах, которые в Италии называются «сварено-съедено», то есть выпущенных в связи с какими-то событиями или по каким-то поводам, и которые не стоят потраченного времени.

Ж.-К. К. : Когда пятьдесят – пятьдесят пять лет назад я учился на историческом, нам давали хронологическую шкалу, чтобы мы могли разрабатывать на ней предложенную тему и в то же время чтобы разгрузить голову. Нам не нужно было заучивать даты, не относящиеся к заданию. К тому же это бесполезно. Если мы будем делать то же самое, основываясь на сведениях, надерганных из Интернета, нам, само собой, придется проверять их достоверность. Этот инструмент, который должен облегчить нам жизнь, предоставляя в наше распоряжение все подряд, и правду и полуправду, на самом деле повергает нас в замешательство. Могу предположить, что сайты, посвященные Умберто Эко, кишат ложными сведениями, ну или, по крайней мере, неточностями. Не понадобится ли нам завтра секретарь-проверщик? Может, мы изобретем новую профессию?

У. Э. : Но задача у такого личного проверщика будет не такой уж и простой. Мы с вами можем позволить себе стать проверщиками в том, что касается лично нас. Но кто станет персональным проверщиком информации, например, о Клемансо⁷³ или Буланже⁷⁴? И кто будет это оплачивать? Только не французское государство, ибо тогда ему придется назначить проверщиков для каждого известного персонажа французской истории!

Ж.-К. К. : И все же я считаю, что потребность в таких проверяющих будет так или иначе постоянно возрастать. Эта профессия станет очень распространенной.

У. Э. : А кто будет проверять проверщика? Раньше проверяющие были членами больших культурных организаций, академий или университетов. Когда господин такой-то, член института такого-то публиковал свое исследование о Клемансо или о Платоне, можно было не сомневаться, что все сведения у него верны, раз он всю жизнь провел сидя в библиотеках и проверяя источники. Но сегодня нет никакой гарантии, что господин такой-то не почерпнул эти сведения из Интернета, так что для всего теперь требуется ручательство. Честно говоря, так могло быть и до Интернета. Личная память, равно как и память коллективная, не является точным слепком происходившего в действительности. Это лишь реконструкция.

Ж.-К. К. : Вам, как и мне, известно, до какой степени национальные амбиции

---

⁷² Децимация – казнь каждого десятого.

⁷³ Клемансо, Жорж Бенжамен (1841–1929) – французский политический и государственный деятель, журналист, член Французской академии. Премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920 гг. (Прим. О. Акимовой.)

⁷⁴ Буланже, Жорж (1837–1891) – французский генерал, политический деятель и вождь реваншистско-антиреспубликанского движения, известного как буланжизм. (Прим. О. Акимовой.)

способствовали искажению наших представлений о некоторых событиях. Даже в наше время историки, сами того не желая, зачастую подчиняются принятой в стране идеологии, явной или скрытой. Китайские историки в настоящий момент рассказывают черт знает что о древних отношениях между Китаем и Тибетом или Монголией, и все это преподается в китайских школах. Ататюрк в свое время заставил полностью переписать историю Турции. Он заставил турок жить в Турции в римскую эпоху, за много веков до их прихода туда. И так далее... Если мы хотим проверить, то где, собственно, проверять? Мы-то знаем наверняка, что турки на самом деле пришли из Центральной Азии, а первые жители современной Турции не оставили после себя никаких письменных следов. Как тут поступить?

У. Э. : Такая же проблема с географией. Лишь недавно мы вернули Африке ее истинные размеры, которые долгое время занижались теоретиками империализма.

Ж.-К. К. : Не так давно я был в Болгарии, в Софии. Остановился в незнакомом отеле «Арена Сердика». Войдя, я понял, что отель построен на развалинах, которые видны сквозь большую стеклянную вставку. Я спросил служащих отеля. Они объяснили, что, действительно, на этом самом месте был римский коллизей. Представьте, каково было мое удивление. Я не знал, что римляне построили в Софии коллизей, а он, как мне сказали, был всего на десять метров меньше в диаметре, чем римский. То есть он был огромен. А на внешних стенах коллизея археологи нашли скульптуры, которые, как афиши, представляли шедшие там спектакли. Там есть танцовщицы, гладиаторы, разумеется, и еще одно, чего я раньше никогда не видел: битва льва и крокодила. В Софии!

В один миг мое представление о Болгарии, уже расшатанное несколько лет назад открытием фракийских сокровищ, открытием, которое отбрасывает эти территории далеко-далеко в прошлое, в догреческие времена, оказалось поколебленным до основания. Зачем в Софии понадобился такой огромный цирк? Потому что здесь, сказали мне, были термальные источники, очень ценившиеся римлянами. Тут я вспомнил, что София находится недалеко от того места, где несчастный Овидий нес бремя изгнания. И вот уже Болгария, которую я считал абсолютно славянской, превращается для меня в римскую колонию!

Прошлое не перестает нас удивлять, больше, чем настоящее, а может, и больше, чем будущее. Чтобы закончить рассказ о неожиданно римской Болгарии, процитирую баварского комика Карла Валентина⁷⁵. Он сказал: «Раньше и будущее было лучше». Кроме того, мы обязаны ему и другим весьма здравым замечанием: «Все уже было сказано раньше, но не всеми».

Во всяком случае, мы подошли к той точке нашей истории, когда мы можем перепоручить умным машинам – умным с нашей точки зрения – обязанность запоминать вместо нас хорошее и плохое. В интервью, которое Мишель Серр⁷⁶ дал журналу «Монд де л'эдюкасьон», он сказал по этому поводу, что поскольку нам больше не требуется прилагать усилий для запоминания, то теперь «нам остается лишь разум».

У. Э. : Конечно, заучивать таблицу умножения в эпоху, когда машины считают лучше, чем кто бы то ни было, не имеет большого смысла. Но остается проблема умственной тренировки. Очевидно, что на машине я могу перемещаться быстрее, чем пешком. Тем не менее нужно каждый день понемногу ходить или бегать, чтобы не превратиться в овощ. Вы, конечно же, знаете сказку о том, как в будущем, в обществе, где вместо нас думают машины,

---

⁷⁵ *Карл Валентин* (наст. имя Валентин Людвиг Фей, 1882–1948) – известнейший немецкий предвоенный кушлетист, артист и автор эстрады. (Прим. О. Акимовой.)

⁷⁶ *Мишель Серр* (р. 1930) – французский философ, член Французской академии. Основные темы его исследований – философия науки, эпистемология, философия литературы и живописного образа. (Прим. О. Акимовой.)

Пентагон обнаружил человека, который еще помнит наизусть таблицу умножения. Тогда военные решили, что это гений, бесценный во время войны, когда в мире полностью прекратится выработка электричества.

Есть и второе возражение. В некоторых случаях тот факт, что вы знаете какие-то вещи наизусть, дает вам большие интеллектуальные возможности. Я согласен, что культура человека не определяется тем, знает ли он точную дату смерти Наполеона. Однако несомненно, что все, что вы способны вспомнить самостоятельно – и даже дату смерти Наполеона: 5 мая 1821 года – дает вам определенную интеллектуальную автономию.

Эта проблема не нова. Изобретение печатного станка уже подарило возможность откладывать произведения культуры, которыми мы не хотим забивать мозги, про запас, в «морозилку», в книги, если мы знаем, где при случае найти нужную информацию. Таким образом, происходит передача части памяти книгам, машинам, но по-прежнему требуется умение извлекать пользу из этих инструментов. А стало быть, и поддерживать свою собственную память.

Ж.-К. К. : Но никто не станет оспаривать тот факт, что для того, чтобы пользоваться всеми этими сложнейшими инструментами, которые, как мы видели, имеют тенденцию устаревать все быстрее и быстрее, нам приходится беспрестанно обзаводиться новыми привычками, осваивать и запоминать новые языки. Наша память испытывает мощнейшую нагрузку. Может, больше, чем когда бы то ни было.

У. Э. : Конечно. Если вы оказались неспособны после появления первых персональных компьютеров в 1983 году постоянно переписывать ваши данные – переходя от гибкого диска к более компактной дискете, затем к компакт-дискету и наконец к «флэшке», – значит, вы многократно теряли свои данные, частично или полностью. Ибо, разумеется, ни один компьютер не может прочитать первые дискеты, которые уже принадлежат доисторической эпохе информатики. Я отчаянно пытался найти первую версию «Маятника Фуко», которую, кажется, записал на дискету в 1984 или 1985 году, – безуспешно. Если бы я печатал свой роман на машинке, рукопись бы сохранилась.

Ж.-К. К. : Вероятно, есть что-то, что не исчезает, – память, которую мы храним, о событиях, пережитых в различные моменты нашей жизни. Драгоценные – а иногда обманчивые – воспоминания о чувствах, переживаниях. Эмоциональная память. Кому может понадобиться отнять ее у нас и зачем?

У. Э. : Но эту биологическую память необходимо ежедневно тренировать. Если бы наша память была такой же, как у дискеты, мы страдали бы болезнью Альцгеймера уже в пятьдесят лет. Потому что один из способов отдалить болезнь Альцгеймера и все остальные формы старческого слабоумия – это как раз постоянно учиться, например каждое утро заучивать наизусть одно стихотворение. Всячески упражнять свой ум, пусть даже разгадывая ребусы или анаграммы. Наше поколение еще заставляли заучивать стихи наизусть в школе. Но последующие поколения делают это все реже и реже. Заучивая наизусть, мы просто тренировали свою память, а значит, и ум. Теперь, когда нас уже не заставляют это делать, нам нужно каким-то образом самим заставлять себя ежедневно проделывать это упражнение, без которого мы рискуем преждевременно впасть в старческий маразм.

Ж.-К. К. : Позвольте мне добавить к вашим словам пару штрихов. В самом деле, память – это в некотором смысле мускул, который мы можем тренировать, наверное как и воображение. Не превращаясь при этом в борхесовского Фунеса, о котором вы недавно упомянули, – в человека, помнящего все, утратившего приятнейшую привилегию забвения. И все же никто не заучивает текстов больше, чем театральные актеры. Однако, несмотря на эту работу, несмотря на эту практику длиною в жизнь, нам известно много случаев болезни

Альцгеймера среди актеров, и мне всегда хотелось знать почему. Кроме того, меня, как и вас, наверное, поражает совпадение во времени развития искусственной памяти, той, что хранится в наших компьютерах, с распространением болезни Альцгеймера – как будто машины восторжествовали над людьми, сделав нашу память тщетной, ничтожной. Нам больше не требуется быть самими собой. Это удивительно и довольно страшно, разве нет?

У. Э. : Нужно все-таки различать функцию и материальный носитель. Ходьба поддерживает функцию моей ноги, но я могу сломать ногу и в этом случае больше не буду ходить. То же самое можно сказать и о мозге. Очевидно, если серое вещество поражено некоей формой злокачественного перерождения, то ежедневного заучивания наизусть десяти стихов из Расина недостаточно. Один из моих друзей, Джордже Проди, брат Романо Проди, очень известный онколог, умерший, кстати, от рака, хотя он знал абсолютно все об этой проблеме, говорил мне: «Если в будущем мы все станем жить до ста лет, большинство из нас будет умирать от рака». Чем больше увеличивается продолжительность жизни, тем больше вероятность, что наше тело начнет барахлить. Я хочу сказать, что болезнь Альцгеймера, возможно, просто следствие того, что мы стали жить дольше.

Ж.-К. К. : Возражение, ваша честь! Недавно в одном медицинском журнале я прочел статью, где говорилось, что болезнь Альцгеймера молодеет. В наше время ею могут болеть даже сорокапятiletние.

У. Э. : Ладно. Тогда я бросаю учить наизусть стихи и начинаю выпивать по две бутылки виски в день. Спасибо, что дали мне надежду. «Срынь!», как говорил Убю⁷⁷.

Ж.-К. К. : Мне как раз вспоминается (кстати – значит, память у меня еще работает!) такая цитата: «У меня сохранилось воспоминание об одном человеке, у которого была феноменальная память. Но я забыл, что он знал». Так что я помню лишь о том, что забыто. А теперь, мне думается, ход нашей беседы позволяет мне напомнить о различии во французском языке между знанием (*savoir*) и познанием (*connaissance*). Знание – это то, чем мы загружены и что не всегда находит себе применение. Познание – это превращение знания в жизненный опыт. Таким образом, вероятно, мы можем доверить обязанность этого беспрестанно обновляемого знания машинам и сосредоточиться на познании. Наверное, именно в этом смысле надо понимать фразу Мишеля Серра. В самом деле, нам остается лишь разум (какое облегчение!). Нужно добавить, что если какая-нибудь глобальная экологическая катастрофа уничтожит человеческий род и если по случайности или просто со временем мы исчезнем, то вопросы памяти, которыми мы задаемся и которые мы обсуждаем, сделаются тщетными, бессмысленными. Мне вспоминается последняя фраза из «Мифологик» Леви-Стросса⁷⁸: «То есть ничто». «Ничто» – последнее слово. Наше последнее слово.

Реванш «отсеянных»

Ж.-Ф. де Т. : Мне кажется, нужно вернуться к вопросу об информации, которая

---

⁷⁷ «Срынь!», как говорил Убю. – Имеется в виду персонаж сатирических пьес французского авангардного драматурга Альфреда Жарри (1873–1907) «Король Убю» (1896), «Убю закованный» (1900) и «Убю роконосеп» (1906). Оригинальное слово «merdre» (от «merde» – дерьмо; «срынь» в переводе Н. Мавлевич) стало для французов шокирующим и знаковым неологизмом. (Прим. О. Акимовой.)

⁷⁸ «Мифологик» Леви-Стросса – одна из ключевых работ французского этнолога, включает в себя четыре тома: «Сырое и приготовленное» (1964), «От меда к пеплу» (1966), «Происхождение застольных обычаев» (1968) и «Человек голый» (1971). (Прим. О. Акимовой.)

попадает в Интернет и не поддается учету. Как быть с этим материалом – со всем этим разнообразием, противоречиями, избытком?

Ж.-К. К. : То, что дает нам Интернет, это на самом деле сырая информация, недифференцированная, неклассифицированная; кроме того, здесь нет никакого контроля над источниками. Однако каждому человеку необходимо, чтобы у него была возможность не только проверить знания, но и придать им смысл, упорядочить их, поместить в собственную систему понятий. Но какими критериями руководствоваться? Наши книги по истории, как мы уже говорили, зачастую писались исходя из национальных предпочтений, мимолетных веяний, идеологических мотивов, которые всплывают то тут, то там. Нет ни одной непогрешимой истории Французской революции. Согласно французским историкам XIX века, Дантон – великий человек, ему ставят памятники, его именем повсюду называют улицы. Потом, избалованный в коррупции, он попадает в немилость. А теперь уже Неподкупный Робеспьер, поддерживаемый марксистскими историками, такими, как Альбер Матъез⁷⁹, вновь обретает силу. Ему удастся присвоить собственное имя нескольким улицам в коммунистических предместьях и даже станции метро в Монтрё-су-Буа. А кто будет завтра? Или что? Мы не знаем. Так что нам необходима точка отсчета или, по крайней мере, несколько ориентиров, чтобы как-то подступиться к этому бурному океану знаний.

У. Э. : Я вижу здесь и другую опасность. Каждая культура отсеивает знания, тем самым диктуя нам, что следует сохранить, а что предать забвению. В этом смысле различные культуры обеспечивают общее поле взаимопонимания, в том числе – общие ошибки. Понять, какую революцию произвел Галилей, можно только отталкиваясь от теории Птолемея. Нам необходимо пройти этап Птолемея, чтобы выйти на этап Галилея и осознать, что первый ошибался. Любая дискуссия между нами может вестись только на основе некоей общей энциклопедии. Я могу доказать вам, что Наполеон никогда не существовал, но только при том условии, что мы все трое до этого знали, что он существовал. В этом гарантия непрерывности культурного диалога. Диалог, творчество, свобода не могли бы возникнуть без подобной стабильности. С Интернетом, который выдает вам все подряд и вынуждает, как вы только что сказали, отсеивать информацию не посредством культуры, а посредством собственных мозгов, мы рискуем обзавестись шестью миллиардами энциклопедий – что станет препятствием ко всякому взаимопониманию.

Допущение, конечно, из области фантастики, поскольку всегда найдутся силы, которые будут подталкивать людей объединяться по схожести убеждений. Я хочу сказать, что всегда будет существовать признанный авторитет под названием международное научное сообщество, которому мы доверяем, потому что видим: оно способно открыто пересматривать и корректировать свои взгляды и делает это каждый день. Именно благодаря нашей вере в научное сообщество, мы твердо верим и в то, что квадратный корень из 2 равен 1,41421356237309504880168872420969807856967187537694807317667973799073 (наизусть не помню, я проверил по карманному компьютеру). Иначе говоря, какая еще гарантия того, что это истина, может быть у нормального человека? Мы могли бы сказать, что научные истины в той или иной степени останутся таковыми для всех, потому что если бы у нас не было согласия относительно математических понятий, было бы невозможно построить дом.

Но достаточно немного побродить по Интернету, чтобы обнаружить группы людей, подвергающих сомнению вещи, которые мы считаем общепризнанными. Утверждают, например, что Земля полая внутри и что мы живем на ее внутренней стороне, или что мир на самом деле был создан за шесть дней. Следовательно, риск столкнуться с многообразием точек зрения существует. Мы были убеждены, что с приходом глобализации все начнут

---

⁷⁹ *Альбер Матъез* (1874–1932) – французский историк социалистических убеждений, автор работ по истории Великой французской революции. В своих трудах проявил себя горячим поклонником Робеспьера, которого до известной степени идеализировал. (Прим. О. Акимовой.)

мыслить одинаково. Результат оказался противоположным во всех отношениях: глобализация способствует дроблению общего опыта.

Ж.-К. К. : По поводу этого изобилия, сквозь которое каждый из нас волей-неволей вынужден продираться: иногда я вспоминаю индийский пантеон с его тридцатью шестью тысячами главных божеств и бесконечным количеством божеств второстепенных. Несмотря на такое распыление божественной сущности, тем не менее есть великие боги, общие для всех индийцев. Почему? Существует точка зрения, которую в Индии называют точкой зрения черепахи. Вы ставите черепаху на пол, чтобы четыре лапы были видны из-под панциря. Эти четыре лапы символизируют четыре стороны света. Вы садитесь верхом на черепаху, которая является одним из воплощений Вишну, и из тридцати шести тысяч божеств вокруг вас выбираете тех, что вам особенно близки. После чего вы прочерчиваете свой путь.

На мой взгляд, примерно так же мы можем прокладывать свой персональный путь в Интернете. У каждого индийца свои собственные божества. И, тем не менее все индийцы разделяют общие верования. Но я возвращаюсь к вопросу о фильтрации знаний. Нас всех воспитывали исходя из отбора, сделанного до нас. Как вы уже напомнили, это свойство любой культуры. Однако, конечно, никому не возбраняется ставить эту фильтрацию под сомнение. И мы не отказываем себе в этом удовольствии. Один пример: с моей точки зрения, самые великие французские поэты, кроме Рембо и Бодлера, никому не известны. Это распутные и жеманные барочные поэты начала XVII века, которых Буало и остальные классики покарали быстрой смертью. Их имена: Жан де Ласепед, Жан-Батист Шассинье, Клод Опиль, Пьер де Марбёф⁸⁰. Некоторые их стихи я знаю наизусть, но найти их можно только в оригинальных изданиях, то есть в изданиях того времени, редких и дорогих. Этих поэтов почти не переиздавали. Я утверждаю, что они входят в число величайших французских стихотворцев и стоят бесконечно выше Ламартина⁸¹ или Альфреда де Мюссе⁸², которых нам тем не менее подавали как наиболее выдающихся представителей нашей поэзии. Мюссе оставил после себя четырнадцать произведений, и я ужасно радовался, когда однажды узнал, что Альфред Жарри назвал его четырнадцатикратным ничтожеством.

Таким образом, наше прошлое не является чем-то застывшим. Нет ничего более живого, чем прошлое. Скажу больше: когда я адаптировал для кино «Сирано де Бержерака»⁸³ Эдмона Ростана, мы с Жан-Полем Раппно решили сделать акцент на Роксане, персонаж, который в пьесе почти не проработан. Я с удовольствием рассказывал эту историю, говоря, что это история женщины. Как это, история женщины? Да, женщины, нашедшей свой идеал мужчины: он красив, умен, великодушен, и у него только один недостаток: его двое.

Роксана особенно любила поэтов того времени, своего времени. Чтобы познакомить

---

⁸⁰ *Жан де Ласепед* (1548–1623), *Жан-Батист Шассинье* (1571–1635), *Клод Опиль* (1585–1633), *Пьер де Марбёф* (1596–1645) – французские поэты, представители религиозной католической поэзии начала XVII в. (Прим. О. Акимовой.)

⁸¹ *Ламартин*, Альфонс де (1790–1869) – французский поэт и политический деятель, представитель французского романтического консерватизма. Его стихам свойственна утонченная чувствительность, уход в идеализированную природу и глубокий пессимизм.

⁸² *Альфред де Мюссе* (1810–1857) – французский поэт, драматург и прозаик, представитель позднего романтизма. Воспевал патриархальную идиллию и «золотой век» человечества – Античность и эпоху Возрождения. (Прим. О. Акимовой.)

⁸³ «*Сирано де Бержерак*» (1990) – фильм Ж.-П. Раппно (р. 1932) по одноименной пьесе Эдмона Ростана (сценарий Ж.-К. Карьера). (Прим. О. Акимовой.)

актрису Анну Броше с ее персонажем, умной и чувствительной провинциалкой, приехавшей в Париж, я дал ей почитать оригинальные издания этих забытых поэтов. И эти поэты так понравились ей, что мы даже организовали их чтения на Авиньонском фестивале. Значит, можно воскресить, хотя бы на мгновение, незаслуженно осужденных смертников.

Я говорю сейчас именно о смертниках, о настоящих смертниках. Не надо забывать, что некоторые из этих поэтов были сожжены на Гревской площади в XVII веке за то, что они были вольнодумцами, бунтарями, зачастую гомосексуалистами, всегда непокорными. Так произошло с Жаком Шоссоном⁸⁴, затем с Клодом Ле Пти⁸⁵. От Ле Пти до нас дошел сонет, написанный на смерть его друга, обвиненного в содомии и вольнодумстве и сожженного на костре в 1661 году. Палач надевал на узника рубаху, пропитанную серой, так что огонь очень быстро охватывал приговоренного и вызывал удушье. «Шоссона больше нет, бедняга был сожжен...» Так начинается сонет Клода Ле Пти. Он повествует об ужасной пытке и в конце, намекая на пропитанную серой рубаху, которая быстро воспламеняется, говорит: «Когда ж огонь, пылая, / Стал побеждать его, упал он, умирая, / И небу показал свой обгоревший зад»⁸⁶.

Клод Ле Пти, в свою очередь, тоже будет сожжен спустя год. Мало кто об этом знает. Для нас это эпоха, когда блистали Корнель и Мольер, строился Версаль, это наш «Великий век»⁸⁷. Вот вам, пожалуйста, еще одна форма отсева: людей сжигают. К счастью – и спасибо за это библиофильству – жил в конце XIX века один книголюб, Фредерик Лашевр, который увлекся этими поэтами и переиздал их небольшим тиражом. Благодаря ему мы сегодня все еще можем их прочесть.

У. Э. : Вы говорите о забытых поэтах французского барокко. В первой половине XX века большая часть итальянской барочной поэзии была полностью вытеснена из программы итальянских школ, потому что считалась упаднической. Я принадлежу к тому поколению, которое лишь в университете, не в лицее, слушая преподавателей-новаторов, вновь открыло для себя период барокко. Меня это даже вдохновило написать роман «Остров накануне», действие которого разворачивается в то время. Но мы также внесли свой вклад в пересмотр представлений о Средневековье, который начался уже во второй половине XIX века. Я занимался эстетикой Средневековья. В то время была еще пара-тройка ученых, которые занимались этой темой на высоком научном уровне, но основная масса интеллектуалов противилась, и надо было проявлять настойчивость. Однако то, что вы, французы, так и не открыли для себя барокко, а нам, итальянцам, пришлось открывать его заново, – это, помимо всего прочего, следствие того, что во Франции не было настоящего архитектурного барокко. Французский XVII век уже был классическим, тогда как в Италии в ту же эпоху были Бернини⁸⁸, Борромини⁸⁹, чья архитектура точно соответствовала той поэзии. Стало быть,

---

⁸⁴ *Жак Шоссон* (1618–1661) – французский литератор, арестованный 16 августа 1661 г. за изнасилование семнадцатилетнего юноши Октава де Валлона. Обвиненный в содомии, он был приговорен к казни на костре с отрезанием языка и без предварительного удушья. (Прим. О. Акимовой.)

⁸⁵ *Клод Ле Пти* (1638–1662) – французский поэт, автор саркастических антиклерикальных и скабрзных стихов, сожженный на костре 1 сентября 1662 г. (Прим. О. Акимовой.)

⁸⁶ Перевод М. Кудинова.

⁸⁷ «Великий век» – XVII век, век Людовика XIV.

⁸⁸ *Бернини*, Джованни Лоренцо (1598–1680) – великий итальянский архитектор и скульптор, крупнейший представитель римского и всего итальянского барокко. В частности, ему принадлежит проект площади Святого Петра в Риме. (Прим. О. Акимовой.)

⁸⁹ *Борромини*, Франческо (1599–1667) – итальянский архитектор, наиболее радикальный представитель

вы не прошли через опьянение архитектурой. Церковь Сен-Сюльпис⁹⁰ – это не барокко. Не хочу злословить, утверждая, как Гюисманс⁹¹, что она прообраз всех французских вокзалов.

Ж.-К. К. : И тем не менее он перенес туда часть действия своего романа «Без дна».

У. Э. : Я люблю весь квартал Сен-Сюльпис, даже церковь. Просто она не напоминает мне великое итальянское барокко, или хотя бы баварское, пусть даже ее архитектор, Сервандони, был итальянцем.

Ж.-К. К. : Когда Генрих IV застраивает площадь Вогезов в Париже, она на самом деле уже выглядит очень упорядоченно.

У. Э. : Хотя замки Луары, такие как Шамбор, задумывались в эпоху Ренессанса, не являются ли они, в конечном счете, единственными примерами французского барокко?

Ж.-К. К. : В Германии барокко приравнивается к классике.

У. Э. : Вот почему для них Андреас Грифиус⁹² – великий поэт, не менее великий, чем ваши забытые французские поэты. Так вот, я вижу и другую причину, которая могла бы объяснить, почему барокко расцветает с той или иной силой в том или ином месте. Барокко возникает в период политического упадка, как это было в Италии, в то самое время, когда центральная власть во Франции, наоборот, заметно усиливается. Слишком могущественный король не может позволить архитекторам давать волю своей фантазии. Барокко – это вольнодумство, анархизм.

Ж.-К. К. : Почти бунт. Значит, Франция находится под диктатом ужасного изречения Буало: «Но вот пришел Малерб⁹³ и показал французам / Простой и стройный стих, во всем угодный музам»⁹⁴. Тот самый Буало, антипоэт в высшей степени. А теперь нужно вспомнить еще об одной исторической фигуре, долгое время остававшейся в неизвестности и лишь недавно открытой вновь, о современнике нашего французского борца за чистоту языка – о Бальтасаре Грасиане⁹⁵, авторе, в частности, «Карманного оракула».

раннего барокко. (Прим. О. Акимовой.)

⁹⁰ *Церковь Сен-Сюльпис* – расположенное в Париже здание с незавершенным фасадом в классическом стиле авторства Джованни Сервандони (1695–1766). (Прим. О. Акимовой.)

⁹¹ *Гюисманс, Жорис-Карл* (1848–1907) – французский писатель. В его романе «Без дна» («Là-bas», 1891) (варианты перевода названия «Бездна» и «Там, внизу») главный герой литератор Дюрталь, говоря об уродливости церкви Сен-Сюльпис, восклицает: «Сен-Сюльпис – это не церковь..., это вокзал!» (Прим. О. Акимовой.)

⁹² *Андреас Грифиус* (1616–1664) – немецкий поэт и драматург эпохи барокко. Один из самых известных немецких сочинителей сонетов в XVII в. (Прим. О. Акимовой.)

⁹³ *Малерб*, Франсуа (1555–1628) – лирический поэт, сыгравший важную роль в становлении принципов классической поэтики и очищении французского языка от диалектизмов, «ученых» слов латинского и греческого происхождения и архаизмов. (Прим. О. Акимовой.)

⁹⁴ Н. Буало-Депрео. «Поэтическое искусство», Песнь I. (Пер. Э. Литецкой.)

⁹⁵ *Бальтасар Грасиан* (1601–1658) – испанский писатель, философ и теоретик литературы, иезуит. Развивал литературное направление «концептизма» (conceptismo), стремившегося к смысловой перенасыщенности слова

У. Э. : Есть и еще одна важная историческая фигура, относящаяся к той же эпохе. Примерно в то время, когда Грасиан в Испании работал над своим «Oráculo p̄nual y arte de prudencia», Торквато Аччетто⁹⁶ в Италии писал «Честное притворство». Грасиан и Аччетто во многом схожи. Только Грасиан советует вести себя при дворе прямо противоположно своей натуре, чтобы лучше блистать, тогда как Аччетто предписывает выбирать такой тип поведения, который позволяет скрыть свою натуру, прежде всего чтобы защитить себя. Разумеется, и то, и другое всего лишь нюансы, к которым прибегают авторы этих двух трактатов о притворстве: один чтобы лучше показать себя, другой чтобы лучше себя скрыть.

Ж.-К. К. : Итальянский автор, которого никогда не требовалось реабилитировать в этой области, это, конечно, Макиавелли. Однако не думаете ли вы, что и в науке можно найти подобные случаи несправедливости по отношению к великим ученым, которые были забыты?

У. Э. : Наука губительна, но в другом смысле. Она убивает идею, если та оказывается отменена более новым открытием. Ученые, например, полагали, что волны распространяются в эфире. С тех пор как было наглядно доказано, что эфир не существует, никто больше не имеет права о нем говорить. И отвергнутая гипотеза остается лишь в истории науки. К несчастью, аналитическая философия⁹⁷ в Соединенных Штатах, в своем несбыточном стремлении стать похожей на науку, переняла тот же подход. Несколько десятилетий назад на кафедре философии в Принстоне можно было прочесть: «Историкам философии вход воспрещен». Гуманитарные науки, напротив, не могут забыть свою историю. Один аналитический философ спросил меня однажды, почему он должен заморачиваться над тем, что сказали стоики по тому или иному вопросу. Либо они сказали глупость, и тогда она нас не интересует. Либо это здравая идея, и маловероятно, что кто-нибудь из нас рано или поздно ее не выскажет.

Я ответил ему, что, возможно, стоики поднимали интересные вопросы, которые с тех пор оказались заброшены и к которым нам нужно вернуться безотлагательно. Если они в чем-то разобрались, не понимаю, зачем ждать, пока какой-нибудь американский гений вновь не откроет эту давнишнюю идею, известную любому европейскому дураку. Или же, если развитие идеи, высказанной в те далекие времена, зашло в тупик, неплохо было бы об этом знать, чтобы больше не ступать на дорогу, ведущую в никуда.

Ж.-К. К. : Я цитировал вам наших неизвестных великих французских поэтов. Расскажите же мне о забытых итальянских авторах. Незаслуженно забытых.

и фразы. В сборнике афоризмов «Карманный оракул, или Наука благоразумия» («Oráculo manual y arte de prudencia», 1647) содержатся советы человеку, стремящемуся преуспеть в светском обществе. (Прим. О. Акимовой.)

⁹⁶ *Торквато Аччетто* (ок. 1590 или 1598–1640) – итальянский писатель и философ. Его морально-политический трактат «Честное притворство» («Della dissimulazione onesta», 1641) был заново открыт и опубликован известным итальянским философом Бенедетто Кроче в 1928 г. и с тех пор регулярно переиздается. В трактате Аччетто излагает теорию благоразумной осторожности, хитрости, скрытности и притворства, необходимых, по его мнению, не только при дворе, но и в обыденной жизни. (Прим. О. Акимовой.)

⁹⁷ *Аналитическая философия* (analytic philosophy) – направление философии, ставшее в XX в. доминирующим в англоязычных странах. Основными методами познания аналитическая философия провозгласила формальную логику и логический анализ языка. Ее истоки были заложены в работах Бертррана Рассела, Готлоба Фреге и Людвиг Витгенштейна. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : Я уже упоминал о малых поэтах барокко, хотя самый значительный из них, Джамбаттиста Марино⁹⁸, был более известен во Франции, чем в Италии. Что касается остального XVII века, самыми великими деятелями были ученые и философы, такие как Галилей, Бруно или Кампанелла, принадлежащие всемирному «силлабусу». Хотя наш XVIII век был весьма слаб в сравнении с тем, что происходило в ту эпоху во Франции, нельзя обойти молчанием Гольдони⁹⁹. Менее известны итальянские философы Просвещения, например, Беккариа¹⁰⁰, который первым высказался против смертной казни. Но величайшим итальянским мыслителем XVIII века был, без сомнения, Вико¹⁰¹, предвосхитивший философию истории XIX века. В англоязычном мире его ценили даже больше, чем во Франции.

Джакомо Леопарди¹⁰² является, наверное, одним из величайших в мире поэтов XIX века, но он по-прежнему мало известен во Франции, несмотря на хорошие переводы. Главное, Леопарди был великим мыслителем, но как мыслитель он не признан даже в Италии. Это странно. Несколько лет назад его огромный труд «Дневник размышлений» (бессистемные философские рассуждения обо всем на свете и даже больше того) был переведен на французский язык, но получил отклик лишь у малой части философов или итальянистов. То же самое произошло с Алессандро Мандзони: его «Обрученные» несколько раз переводились на французский (начиная с первой публикации и до недавнего времени), но он так и не завоевал популярности у широкой аудитории. Жаль, потому что я считаю его великим романистом.

Существуют даже переводы «Исповеди итальянца» Ипполито Ньюво¹⁰³, но почему французы должны его читать, если даже итальянцы его не перечитывают (если только у них нет на то веской причины)? Мне стыдно в этом признаваться, но я сам прочел его целиком только недавно. Это было настоящее открытие. Его называли скучным. Это неправда. Захватывающий роман. Второй том, может, немного тяжеловат, но первый изумителен. Кстати, автор погиб в тридцать лет во время гарибальдийских войн при таинственных обстоятельствах. Роман вышел после его смерти, он не успел его завизировать. Очень интересный случай в литературе и истории.

---

⁹⁸ *Джамбаттиста Марино* (1569–1625) – знаменитый итальянский поэт, один из крупнейших представителей поэзии барокко. Наиболее значительным произведением Марино является поэма «Адонис» (ок. 1620). (Прим. О. Акимовой.)

⁹⁹ *Гольдони*, Карло (1707–1793) – известный итальянский драматург. Большинство его пьес – это комедии из народной жизни или «комедии характера» («Трактирщица», «Благодетельный брюзга» и т. д.). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰⁰ *Беккариа, Чезаре* (1738–1794) – итальянский мыслитель, публицист, правовед. В своем трактате «О преступлениях и наказаниях» («*Dei delitti e delle pene*», 1764) он выразил гуманистические взгляды эпохи Просвещения на систему уголовного правосудия, подвергнув резкой критике феодальный инквизиционный процесс. Одним из первых в Европе выступил за отмену пыток и смертной казни. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰¹ *Вико, Джамбаттиста* (1668–1744) – крупнейший итальянский философ эпохи Просвещения, один из основателей современной философии истории. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰² *Леопарди, Джакомо* (1798–1837) – итальянский поэт-романтик и мыслитель-моралист. Его «Дневник размышлений» («*Zibaldone*») был издан посмертно лишь в 1900 г. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰³ *Ипполито Ньюво* (1831–1861) – итальянский поэт, публицист, драматург, сподвижник Гарибальди и автор романа «Исповедь итальянца» («*Le confessioni di un italiano*», 1858), опубликованного посмертно в 1867 г. под названием «Исповедь восьмидесятилетнего старика». (Прим. О. Акимовой.)

Я мог бы еще назвать Джованни Верга¹⁰⁴. А главное, пожалуй, то литературно-художественное направление 1860–1880 годов, необычайно современное, которое мы называем «Скапильятура». Даже итальянцы мало о нем знают, хотя представители этого направления шли в ногу с тем, что происходило в ту же эпоху в Париже. «Скапильяти» – значит «растрепанные», «цыгане», «богема».

Ж.-К. К. : У нас во Франции конца XIX века это группа «мохнатых», созданная несколькими членами кружка «гидропатов»¹⁰⁵. «Мохнатые» собирались в кафе «Черный кот». Но мне бы хотелось кое-что добавить к тому, что вы говорили о XVIII веке. Во Франции между «Федрой» Расина и романтизмом прошло сто двадцать или сто тридцать лет, в течение которых не было написано ни одного поэтического произведения. Разумеется, стихоплеты сочинили и напечатали тысячи стихов, может быть, миллионы, но ни один француз не может процитировать ни единой строки. Я назову вам имена Флориана¹⁰⁶, заштатного баснописца, аббата Делиля, Жана-Батиста Руссо¹⁰⁷ – но кто их читал, а главное, кто сегодня мог бы их читать? Кто еще может читать трагедии Вольтера? В свое время их превозносили, так что Вольтер еще при жизни был увенчан в зале «Комеди Франсез»¹⁰⁸, а сегодня его трагедии даже не попадают на глаза. Потому что эти «поэты», вернее те, которые считали себя таковыми, довольствовались правилами предыдущего века, предписанными Буало. Никогда еще не писалось так много стихов и так мало поэзии. Ни одного поэтического произведения более чем за век. Когда вы довольствуетесь следованием правилам, улетучивается всякая внезапность, всякая острота, всякое вдохновение. Эту мораль я иногда пытаюсь внушить молодым кинематографистам. «Вы можете продолжать снимать фильмы – это сравнительно нетрудно – и при этом забывать снимать кино».

У. Э. : В данном конкретном случае фильтрация сослужила хорошую службу. Лучше не вспоминать о «поэтах», про которых вы говорили.

---

¹⁰⁴ *Джованни Верга* (1840–1922) – итальянский писатель-реалист, широко известный романами, описывающими жизнь на Сицилии, прежде всего романом «Малаволья» («I Malavoglia») и сборником рассказов «Жизнь среди полей» («Vita dei Campi»). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰⁵ «*Гидропаты*» («les Hydropathes») – парижский литературный кружок, основанный Эмилем Гудо и существовавший в 1878–1880 гг. Группа издавала одноименный журнал, где печатались, в частности, Шарль Кро и Альфонс Алле. В 1881 г. кружок стал собираться на Монмартре в кабаре «Черный кот» («Le Chat Noir»). Многие участники «гидропатов» вошли в созданную тогда же группу «Мохнатых» («les Hirsutes»), просуществовавшую вплоть до 1884 г. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰⁶ *Флориан*, Жан-Пьер Клари де (1755–1795) – французский драматург, романист, поэт и баснописец. В своих баснях продолжил традицию Лафонтена. В России конца XVIII и начала XIX в. Флориан получил широкое признание (Жуковский перевел ряд его басен и новелл, а также роман «Дон Кихот», являющийся вольным переложением романа Сервантеса). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰⁷ *Жан Батист Руссо* (1670–1741) – французский поэт, прославившийся духовными и светскими одами. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁰⁸ ...*Вольтер еще при жизни был увенчан в зале „Комеди Франсез“*... – Триумф Вольтера в театре «Комеди Франсез» состоялся 30 марта 1778 г. Актеры вышли на сцену с гирляндами и пальмовыми ветвями и вынесли на середину бюст Вольтера, увенчанный лавровым венком. Со сцены была прочитана ода маркиза де Сен-Марка, после чего актеры украсили бюст гирляндами. По окончании оваций была сыграна пьеса Вольтера «Норина», затем чествование продолжилось. Автору буквально не давали выйти из зала, а когда ему наконец удалось пробиться сквозь толпу, особенно рьяные поклонники попытались впрячься в его коляску вместо лошадей. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Да, на сей раз отбор оказался безжалостен и справедлив. Всех отправил в бездну забвения. Похоже, талант, новизна, оригинальность стали достоянием таких философов и прозаиков, как Лакло¹⁰⁹, Лесаж¹¹⁰ и Дидро, а также двух драматургов – Мариво¹¹¹ и Бомарше. А потом началось наше великое столетие романа, XIX век.

У. Э. : Между тем великая эпоха английского романа – это XVIII век: Сэмюэл Ричардсон¹¹², Даниэль Дефо... Три великие романские цивилизации – это, без сомнения, Франция, Англия и Россия.

Ж.-К. К. : Всегда поражает то, что творческое вдохновение внезапно исчезает. Если взять историю французской поэзии, скажем, от Франсуа Вийона¹¹³ до сюрреалистов, то можно поочередно называть поэтические школы, господствовавшие в литературе: «Плеяда»¹¹⁴, классицизм, романтики, символисты, сюрреалисты и т. д. Но вы не найдете ни следа поэзии, никакого нового дара в период между 1676 годом, датой создания «Федры»¹¹⁵, и первыми публикациями Андре Шенье¹¹⁶.

У. Э. : Молчание поэзии в одну из самых блистательных эпох в истории Франции.

Ж.-К. К. : Когда французский язык служил языком дипломатии для всей Европы. Могу вас заверить, что я искал весьма тщательно! Повсюду, даже в фольклоре. Ничего стоящего.

У. Э. : В литературе и в живописи жанры создаются путем подражания и благодаря различным влияниям. Например: какой-нибудь писатель первым сочиняет хороший исторический роман, который потом имеет определенный успех, – тут же возникают подражания. Если я вижу, что, написав любовный роман, можно заработать денег, то не

---

¹⁰⁹ *Лакло*, Шодерло де (1741–1803) – французский писатель, автор знаменитого романа «Опасные связи» («Les liaisons dangereuses», 1782). (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁰ *Лесаж*, Ален Рене (1668–1747) – французский сатирик и романист. Наиболее известен как автор романов «Хромой бес» («Le Diable boiteux», 1709) и «История Жиль Блаза из Сантильяны» («L'Histoire de Gil Blas de Santillane», 1715–1735). (Прим. О. Акимовой.)

¹¹¹ *Мариво*, Пьер де (1688–1763) – французский драматург. Одна из его наиболее популярных сегодня пьес – «Игра любви и случая» («Le jeu de l'amour et du hasard», 1730»). (Прим. О. Акимовой.)

¹¹² *Сэмюэль Ричардсон* (1689–1761) – английский писатель, родоначальник «сентиментальной» литературы XVIII– начала XIX в., создатель европейского семейно-бытового романа в эпистолярном жанре. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹³ *Франсуа Вийон* (1431 или 1432 – после 1463, но не позднее 1491) – последний и, по общему признанию, величайший из поэтов французского Средневековья. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁴ «*Плеяда*» – французская поэтическая школа эпохи Возрождения (сформировалась около 1549 г.), в которую входили Пьер Ронсар, Жан Дю Белле, Жан-Антуан Баиф и др. «Плеяда» обогатила французскую поэзию новыми формами и способствовала формированию национального литературного языка. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁵ «*Федра*» (1676) – трагедия французского классического драматурга Жана Расина (1639–1699). (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁶ *Андре Шенье* (1762–1794) – французский поэт, журналист и политический деятель. (Прим. О. Акимовой.)

стану лишать себя удовольствия и тоже попробую. Точно так же в римской культуре образовался кружок поэтов, говоривших о любви: Катулл¹¹⁷, Проперций¹¹⁸. Современный, так называемый «буржуазный» роман зарождается в Англии при весьма специфических экономических обстоятельствах. Авторы пишут романы для жен коммерсантов или моряков – людей, которые, по определению, постоянно путешествуют, – то есть для женщин, умеющих читать и располагающих для этого свободным временем. А также для их горничных, поскольку и у тех и у других есть свечи, чтобы читать по ночам. Буржуазный роман возник в контексте торговой экономики и обращен в основном к женщинам. А когда выяснилось, что господин Ричардсон делает деньги, рассказывая истории о горничных, тут же нашлись и другие претенденты на трон.

Ж.-К. К. : Творческие течения часто возникают внутри небольшой группы людей, которые знают друг друга и разделяют одни и те же устремления. Практически друзей. Все сюрреалисты, с которыми мне довелось встречаться, говорили, что почти сразу после окончания Первой мировой войны они почувствовали зов Парижа. Ман Рэй¹¹⁹ приезжает из США, Макс Эрнст¹²⁰ из Германии, Бунюэль и Дали из Испании, Бенжамен Пере¹²¹ из Тулузы, и все это для того, чтобы встретиться в Париже себе подобных, тех, с кем они будут изобретать новые образы, новые языки. Здесь тот же феномен, что и в случае с «поколением битников», «новой волной», итальянскими кинематографистами, которые собираются в Риме, и т. д. То же самое происходило с неизвестно откуда возникшими иранскими поэтами XII–XIII веков. Мне хотелось бы перечислить этих прекрасных стихотворцев: Аттар¹²², Руми, Саади¹²³, Хафиз¹²⁴, Омар Хайям. Все они были знакомы друг с другом и все признавали то, о чем вы только что говорили, а именно решающее влияние предшественников. Затем внезапно обстоятельства меняются, вдохновение иссякает, группы иногда дробятся, неизбежно распадаются, и все вдруг заканчивается. В случае с иранскими поэтами свою роль сыграли страшные монгольские набеги.

---

¹¹⁷ *Катулл, Гай Валерий* (ок. 87–54 до н. э.) – один из наиболее известных поэтов Древнего Рима и главный представитель римской поэзии в эпоху Циперона и Цезаря. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁸ *Проперций*, Секст (50 – ок. 16 до н. э.) – древнеримский элегический поэт. (Прим. О. Акимовой.)

¹¹⁹ *Ман Рэй* (наст. имя – Эммануэль Радницкий, 1890–1976) – французский и американский авангардный художник, фотограф и кинорежиссер. В 1920-е гг. примыкал к дадаистам и сюрреалистам. (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁰ *Макс Эрнст* (1891–1976) – немецкий и французский художник, крупнейшая фигура мирового авангарда XX в. (Прим. О. Акимовой.)

¹²¹ *Бенжамен Пере* (1899–1959) – французский поэт-сюрреалист, редактор первых номеров журнала «Революсьон сюрреалист». (Прим. О. Акимовой.)

¹²² *Аттар, Фаридаддин* (Фарид ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим Аттар, 1119 или ок. 1148–1221) – персидский суфийский поэт. (Прим. О. Акимовой.)

¹²³ *Саади* (Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах ибн Мушрифаддин; ок. 1181–1291) – персидский поэт и мыслитель-моралист, проповедовал идеи суфизма. (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁴ *Хафиз* (Хаджи Шамсаддин Мухаммад Хафиз Ширази, 1320–1390) – знаменитый персидский поэт и суфийский мастер. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : Вспоминаю одну прекрасную книгу Аллана Чепмена¹²⁵, где показан необычайный расцвет физики в XVII веке вокруг Королевского научного общества в Оксфорде, благодаря присутствию там целой плеяды выдающихся ученых, которые оказывали друг на друга взаимное влияние. Тридцать лет спустя все закончилось. То же самое происходило с математикой в Кембридже в начале XX века.

Ж.-К. К. : В этом смысле возникновение одинокого гения кажется невероятным. Поэты «Плеяды» – Ронсар¹²⁶, Дю Белле¹²⁷, Маро¹²⁸ – были друзьями. То же самое можно сказать о французских классиках. Мольер, Расин, Корнель, Буало были знакомы между собой, так что даже поговаривали (и тут без нелепиц не обошлось), будто Корнель писал пьесы Мольера. Великие русские романисты переписывались между собой и даже со своими коллегами из Франции: Тургенев и Флобер, например. Если писатель не хочет стать жертвой отсева, совет ему такой: вступить в союз, примкнуть к какой-нибудь группе, не оставаться в одиночестве.

У. Э. : Тайна Шекспира возникла потому, что мы не можем взять в толк, как простой актер был способен создать столь гениальные произведения. Доходит даже до предположений, будто пьесы Шекспира могли быть написаны Фрэнсисом Бэконом. Но нет. Шекспир не был одинок. Он жил в просвещенном обществе, в кругу поэтов-елизаветинцев.

Ж.-К. К. : А теперь вопрос, ответа на который я не знаю. Почему определенная эпоха выбирает определенный художественный язык, отбрасывая все остальные? Живопись и архитектура в Италии в эпоху Ренессанса; поэзия в Англии в XVI веке; театр во Франции в XVII веке; затем философия; роман в России и во Франции в следующем веке, и т. д. Я всегда задавался вопросом, чем, например, мог бы заниматься в жизни Бунюэль, если бы не было кино. Я также вспоминаю категоричные заявления Франсуа Трюффо¹²⁹: «Нет английского кино, как нет и французского театра». Как будто театр бывает только английский, а кино только французское. Грубовато как-то получается.

У. Э. : Вы правы, говоря, что нам не под силу разрешить подобную загадку. Для этого пришлось бы принять во внимание бесконечное число факторов. Это все равно что предугадать местонахождение теннисного мяча в океане в конкретный момент времени. Почему в Англии во времена Шекспира не было великих живописцев, зато в Италии во времена Данте был Джотто, а в эпоху Ариосто – Рафаэль? Как возникает Французская школа? Вы, конечно, можете объяснить это тем, что Франциск I пригласил во Францию Леонардо да Винчи, который заронил семена того, что впоследствии станет Французской

---

¹²⁵ Аллан Чепмен (р. 1946) – английский историк науки и ведущий телевизионной передачи об астрономии на британском телеканале «Channel 4». Эко говорит о его книге «Роберт Гук и английский Ренессанс» (2005). (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁶ Ронсар, Пьер де (1524–1585) – французский поэт, глава «Плеяды», автор трактата «Краткое изложение поэтического искусства» (1565). Признан крупнейшим поэтом французского Ренессанса. (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁷ Дю Белле, Жоашен (1522 или 1525–1560) – французский поэт, ближайший друг Ронсара, теоретик «Плеяды» и автор ее манифеста – трактата «Защита и прославление французского языка» (1549). (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁸ Маро, Клеман (1496–1544) – французский поэт, гуманист, литературный новатор. (Прим. О. Акимовой.)

¹²⁹ Франсуа Трюффо (1932–1984) – известнейший французский режиссер, киноактер, сценарист, один из основоположников французской «новой волны». (Прим. О. Акимовой.)

школой. Но что это объясняет?..

Ж.-К. К. : Я, пожалуй, ненадолго остановлюсь, не без некоторой ностальгии, на рождении великого итальянского кино. Почему оно возникло в Италии и именно в конце войны? Влияние вековых традиций живописи встретилось с невероятным интересом молодых кинорежиссеров к жизни простого народа? Легко сказать. Мы можем проанализировать обстоятельства, истинные же причины мы никогда не узнаем. В особенности если зададимся вопросом: почему оно так внезапно исчезло?

Мне часто приходилось сравнивать «Чинечитта»¹³⁰ с огромной мастерской, где одновременно могли бы работать Тициан, Веронезе, Тинторетто и все их ученики. Вы наверняка знаете, что, когда Папа пригласил Тициана в Рим, сопровождающий его кортеж растянулся, по слухам, на семь километров. Как будто переезжала огромная киностудия. Но достаточно ли этого, чтобы объяснить возникновение неореализма и итальянской комедии? И появление Висконти, Антониони, Феллини?

Ж.-Ф. де Т.: *Можно ли представить себе культуру, не создавшую ни одной формы искусства?*

У. Э. : Трудно сказать. О некоторых регионах мира так и думали. Зачастую достаточно отправиться в страну и разузнать о ней побольше, чтобы обнаружить, что и там существуют традиции, о которых только мы-то одни и не знали.

Ж.-К. К. : Надо также учитывать, что в древних традиционных культурах не существует культа великих творцов. Величайшие художники этих культур могли самовыражаться, не «подписывая» своих произведений. А главное, ни они сами, ни остальные не считали их художниками.

У. Э. : У них также нет культуры инновации, которая является отличительной особенностью Запада. Есть культуры, где стремление «художников» состоит в том, чтобы в точности копировать декоративный орнамент и передавать это знание по наследству от учителя к ученику. Если в их искусстве и встречаются какие-то вариации, вы их все равно не заметите. Во время одной поездки в Австралию меня заинтересовал опыт жизни аборигенов, не тех, нынешних, которые почти вымерли под влиянием алкоголя и благ цивилизации, а тех, что жили на этих землях до того, как там высадились европейцы. Но чем они занимались? В бескрайней австралийской пустыне они, будучи кочевниками, осваивали местность, передвигаясь по кругу. Вечером они ловили ящерицу или змею, готовили из нее ужин, а утром отправлялись дальше. Если бы вместо того, чтобы ходить по кругу, они прошли чуть дальше по прямой, то достигли бы моря, где их ждало настоящее изобилие. Во всяком случае, в наше время, как и прежде, в их изобразительном искусстве преобладают круги. Это напоминает абстрактную живопись, впрочем, необычайно красивую. Однажды во время этого путешествия мы отправились в одну резервацию, где была христианская церковь и священник. И этот священник показал нам внутри здания большую мозаику, в которой конечно же использовались одни круги. Он сказал, что эти круги, по словам аборигенов, представляют Страсти Христовы, хотя объяснить, почему это так, он не мог. Мой сын, не имеющий религиозного образования, тогда еще подросток, тут же смекнул, что кругов этих четырнадцать. Очевидно, что это четырнадцать этапов Крестного Пути.

Крестный путь изображался ими как некое непрерывное и кругообразное движение, прерываемое четырнадцатью остановками. Стало быть, они не могли избавиться от

---

¹³⁰ *Чинечитта* (итал. Cinecittà) – всемирно известная итальянская киностудия, расположенная в юго-восточном пригороде Рима. (Прим. О. Акимовой.)

собственных традиционных мотивов, от своего воображаемого. Однако сама их традиция повторения была отмечена некоторой новизной. Но не будем пускаться в фантазии. Возвращаюсь к барокко. Мы объясняли отсутствие барокко во Франции тем, что монархия сосредоточила в себе очень сильную централизованную власть, власть, которая могла ассоциировать себя только с так или иначе понятой классикой. Вероятно, по этой же причине период, о котором вы говорили, то есть конец XVII века и век XVIII, не знал настоящего поэтического вдохновения. Величие Франции требовало в те времена дисциплинированности, которая несовместима с артистической жизнью.

Ж.-К. К. : Можно сказать, что Франция в свой наиболее блистательный исторический период была лишена поэзии. Это период, когда она была почти лишена эмоций, голоса. В то же время Германия переживала революцию «Бури и натиска»¹³¹. Иногда я спрашиваю себя, нет ли в среде современных государственных деятелей, таких как Берлускони или Саркози, кичащихся по любому поводу тем, что ничего не читают, ностальгии по тем временам, когда дерзкие голоса не звучали, а власть была сугубо прозаичной. Иногда кажется, что наш президент питает врожденную антипатию к «Принцессе Клевской»¹³². Будучи человеком, который вечно спешит, он не видит никакой пользы в подобном чтении, о чем сообщает с настораживающим упорством. Представьте, что мы свалим всех писателей во главе с мадам де Лафайет в огромную яму, в долгое безмолвие невостробованности. Кстати, у вас в Италии не было Короля-Солнца¹³³.

У. Э. : Зато у нас были солнечные князья, которые, управляя городами, создавали при этом все условия для невероятного творческого расцвета, продолжавшегося до XVII века. После было только медленное угасание. Аналогом вашего Короля-Солнца был папа римский. И неслучайно, что во времена правления величайших понтификов архитектура и живопись были очень развитыми. А вот литература – нет. Великая литературная эпоха в Италии – это время, когда поэты работали у сеньоров небольших городов, таких как Флоренция или Феррара, а не в Риме.

Ж.-К. К. : Мы постоянно говорим о фильтрации, но как производить отбор, если речь идет об эпохе, которая еще недостаточно удалена от нас? Представим, что меня попросят написать о месте Арагона¹³⁴ в истории французской литературы. Что я расскажу? Арагон с Элюаром¹³⁵ после сюрреалистического периода писали совершенно ужасные тексты,

---

¹³¹ «*Буря и натиск*» («*Sturm und Drang*») – предромантическое литературное движение в Германии 1770-х гг., получившее название по одноименной драме Ф. М. Клингера. Среди его представителей были Гёте, Гердер и Шиллер. (Прим. О. Акимовой.)

¹³² «*Принцесса Клевская*» (1678) – роман французской писательницы Мари-Мадлен де Лафайет (1634–1693), с которого, как считается, берет начало европейская традиция психологического романа. (Прим. О. Акимовой.)

¹³³ *Король-Солнце* – французский король Людовик XIV (1638–1715), чье правление (с 1643) стало апогеем французского абсолютизма. Людовику XIV приписывается изречение «Государство – это я». (Прим. О. Акимовой.)

¹³⁴ *Арагон*, Луи (1897–1982) – французский писатель, стоявший у истоков сюрреализма. В 1927 г. вступил во Французскую коммунистическую партию. Начиная с 1930-х гг. разделял позиции соцреализма. Ему, в частности, принадлежит тенденциозный роман «*Коммунисты*» (1949–1951) и стихотворение «*Прелюдия к времени вишен*» (1931), прославляющее советский политический сыск. (Прим. О. Акимовой.)

¹³⁵ *Элюар*, Поль (наст. имя Эжен Грендель, 1895–1952) – французский поэт-сюрреалист, впоследствии отошедший от сюрреалистического направления. С 1936 г. писал патриотические и антифашистские стихи, а

изобилующие коммунистическими гиперболами: «Мир Сталина постоянно возрождается...». Возможно, Элюар останется в истории как поэт, Арагон, может быть, как автор романов. Однако на сегодняшний день из его творчества я помню только песни, положенные на музыку Брассансом¹³⁶ и другими. «Il n'y a pas d'amour heureux» или «Est ainsi que les hommes vivent?»¹³⁷. Мне до сих пор очень нравятся эти тексты, с ними расцвела моя юность. Но я хорошо понимаю, что это всего лишь эпизод в истории литературы. Что от него останется для будущих поколений?

Еще один пример из кино. Когда я учился пятьдесят лет назад, кинематографу было примерно полсотни лет. В те времена у нас были великие учителя, мы восхищались их произведениями, анализировали их. Одним из этих учителей был Рене Клер. Бунюэль говорил, что только три режиссера могли делать все, что им вздумается (я имею в виду 30-е годы): это Чаплин, Уолт Дисней и Рене Клер. Сегодня в киношколах никто не знает, кто такой Рене Клер¹³⁸. Он, как сказал бы папаша Убю, «отправился в дыру»¹³⁹. Едва ли кто-то помнит его имя. То же самое можно сказать про «немцев» 30-х годов, к которым был так равнодушен Бунюэль: Георг Вильгельм Пабст¹⁴⁰, Фриц Ланг и Мурнау¹⁴¹. Кто их знает, кто их цитирует, кто берет с них пример? Наверное, Фриц Ланг еще жив, по крайней мере, в памяти киноманов, благодаря своему фильму «М». А остальные? Стало быть, отсеивается незаметно, невидимо, внутри самих киношкол, и здесь все решают сами студенты. И вдруг один из этих «отсеянных» возникает вновь, потому что где-то показали какой-то его фильм, который произвел впечатление. Или потому что выпустили книгу об этом авторе. Но это такая редкость. Таким образом, можно сказать, что едва фильм входит в историю, как он сразу погружается в забвение.

У. Э. : То же самое можно сказать об эпохе рубежа XIX и XX веков и о трех королях итальянской поэзии: д'Аннунцио, Кардуччи¹⁴² и Пасколи¹⁴³. До прихода фашизма

также стихи, прославляющие СССР и «вождя народов». В частности, ему принадлежит поэма «Иосиф Сталин» (1948), а также «Ода Сталину» (1950). (Прим. О. Акимовой.)

¹³⁶ *Брассанс*, Жорж (1921–1981) – известный французский бард и композитор. (Прим. О. Акимовой.)

¹³⁷ «Счастливой любви не бывает» и «Неужели люди так живут?» (*фр.*).

¹³⁸ *Рене Клер* (1898–1981) – один из наиболее значительных французских кинорежиссеров 1920-х и 1930-х гг. Широко известны его комедия «Под крышами Парижа» (1930) и мелодрама «Большие маневры» (1955), в которой снялись Жерар Филипп и Брижит Бардо. (Прим. О. Акимовой.)

¹³⁹ *Он, как сказал бы отец Убю, «отправился в дыру».* – Цитируется пьеса Альфреда Жарри «Король Убю» (1896). Распоясавшийся Убю спускал в подвал Потропильной башни всех приговоренных к смертной казни. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴⁰ *Георг Вильгельм Пабст* (1885–1967) – австрийский кинорежиссер, внесший значительный вклад в киноискусство Германии. Известен главным образом своими немыми картинками. В его фильме «Дон Кихот» (1933) снялся Федор Шалапин. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴¹ *Мурнау*, Фридрих Вильгельм (настоящее имя Фридрих Вильгельм Плумпе, 1888–1931) – выдающийся немецкий кинорежиссер эпохи немого кино. Один из его шедевров – экспрессионистский фильм «Носферату. Симфония ужаса» (1922). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴² *Джозуэ Кардуччи* (1835–1907) – итальянский поэт, писатель, критик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1906 г. Автор исследований по истории итальянской литературы. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴³ *Пасколи*, Джованни (1855–1912) – итальянский поэт, один из крупнейших поэтов своей эпохи, ученик Кардуччи. Его проникнутые гуманизмом стихи были мало известны в фашистской Италии. (Прим. О.

Д'Аннунцио был великим национальным поэтом. После войны творчество Пасколи было открыто заново как авангард поэзии XX века. Кардуччи в то время считали знатоком риторики. Он исчез. Но сейчас существует движение в защиту Кардуччи, которое утверждает, что, в конечном счете, его поэзия была не такой уж и плохой.

Три короля следующего поколения – это Джузеппе Унгаретти¹⁴⁴, Эудженио Монтале¹⁴⁵ и Умберто Саба¹⁴⁶. Никак не могли решить, кто из них троих достоин Нобелевской премии, и в 1959 году ее дали Сальваторе Квазимодо¹⁴⁷. Монтале, который является, наверное, самым крупным поэтом XX века в Италии (а по моему мнению – одним из величайших поэтов XX века вообще), получил Нобелевскую премию лишь в 1975 году.

Ж.-К. К. : Для моего поколения лучшим в мире в течение двадцати пяти – тридцати лет было кино итальянское. Каждый месяц мы ждали выхода двух-трех итальянских фильмов, их ни в коем случае нельзя было пропустить. Они были частью нашей жизни даже больше, чем наша собственная культура. В один печальный день это кино иссякло и быстро угасло. Этому, как нам сказали, во многом поспособствовало итальянское телевидение, продюсировавшее кинофильмы. Но этот кинематограф, несомненно, пострадал и от таинственного истощения, о котором мы уже говорили: вдруг все силы исчерпываются, режиссеры стареют, актеры тоже, фильмы становятся похожи один на другой, и что-то главное теряется по дороге. Того итальянского кино больше нет, но оно было одним из величайших в мире.

Что же осталось от тех тридцати лет, заставлявших нас смеяться и дрожать от волнения? Я до сих пор очарован Феллини. Антониони, как мне кажется, и сейчас пользуется популярностью. Вы смотрели «Взгляд Микеланджело», его последний короткометражный фильм? Это одна из прекраснейших кинокартин в мире! В 2000 году Антониони снял этот фильм¹⁴⁸ длительностью не более пятнадцати минут, где нет ни единого слова и где единственный раз в жизни он запечатлел самого себя. Мы видим, как он один входит в церковь Сан-Пьетро-ин-Винколи¹⁴⁹ в Риме и медленно приближается к могиле Юлия II. Весь фильм – это диалог без слов, обмен взглядами между Антониони и «Моисеем»

Акимовой.)

¹⁴⁴ *Джузеппе Унгаретти* (1888–1970) – итальянский поэт. В конце 1910 – начале 1920-х был идейно близок к итальянскому фашизму, второе издание книги его стихов «Погребенный порт» вышло в 1923 г. с предисловием Муссолини. Позднее обратился в католицизм. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴⁵ *Эудженио Монтале* (1896–1981) – итальянский поэт, прозаик, литературный критик. Отказался сотрудничать с фашистским режимом, из-за чего на родине его долгое время не печатали. В 1967 г. за заслуги перед итальянской культурой он получил звание пожизненного сенатора, а в 1975 г. Нобелевскую премию по литературе. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴⁶ *Умберто Саба* (настоящая фамилия Поли, 1883–1957) – итальянский писатель, поэт, опиравшийся в своем творчестве на традиции Возрождения, а также на творчество д'Аннунцио, Пасколи и Кардуччи. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁴⁷ *Сальваторе Квазимодо* (1901–1968) – итальянский писатель, поэт, переводчик. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1959 г., которая была присвоена ему «за лирическую поэзию, которая с классической живостью выражает трагический опыт нашего времени».

¹⁴⁸ «Взгляд Микеланджело» М. Антониони на самом деле вышел в 2004 г.

¹⁴⁹ *Сан-Пьетро-ин-Винколи* (San Pietro in Vincoli – «Святой Петр в веригах») – одна из семи больших (паломнических) базилик Рима. В храме покоится папа Юлий II, проект гробницы которого был создан Микеланджело. Здесь также находится его знаменитая статуя Моисея. (Прим. О. Акимовой.)

Микеланджело. Все, о чем мы тут говорим, все это неистовое стремление казаться и высказаться, отличающее нашу эпоху, весь этот беспредметный ажиотаж, все это здесь ставится под сомнение молчанием и взглядом режиссера. Он пришел попрощаться. Он больше не вернется, он это знает. Он, уходящий, пришел с последним визитом к непостижимому шедевру, который пребудет вовек. Словно чтобы в последний раз попытаться найти в нем ответ. Попытаться проникнуть в тайну, в которую заказан вход словам. Взгляд, который Антониони бросает на него, уходя, полон патетики.

У. Э. : Мне кажется, в последние годы мы несколько подзабыли Антониони. Феллини же, напротив, после смерти не перестает расти.

Ж.-К. К. : Мне, наверное, ближе Феллини, хотя он все еще не занял заслуженного им места.

У. Э. : При жизни, во времена всеобщей политической ангажированности, его воспринимали как мечтателя, не интересующегося социальными вопросами. То, что после смерти его кино было открыто заново, позволило дать новую оценку его творчеству. Недавно я еще раз посмотрел по телевизору «Сладкую жизнь». Это шедевр.

Ж.-К. К. : Когда говорят об итальянском кино, многие в первую очередь имеют в виду Пьетро Джерми, Луиджи Коменчини, Дино Ризи¹⁵⁰, то есть итальянскую комедию. Я немного опасаясь, что в конце концов люди забудут тех, что в свое время были для нас полубогами. Милош Форман решил стать режиссером кино, посмотрев в юности фильмы итальянского неореализма, в особенности – картины Витторио де Сики. Для него существовали только итальянское кино и Чаплин.

У. Э. : Мы возвращаемся к своей гипотезе. Когда государство слишком могущественно, поэзия умолкает. Когда государство находится в кризисе, как в Италии послевоенного периода, искусство может говорить свободно то, что считает нужным. Великий период неореализма разворачивается, когда Италия лежит в руинах. Тогда мы еще не вошли в эпоху так называемого итальянского чуда (то есть возрождения промышленности и торговли 1950-х годов). «Рим – открытый город»¹⁵¹ снят в 1945-м, «Пайза»¹⁵² в 1947-м, «Похитители велосипедов»¹⁵³ в 1948-м. Венеция в XVIII веке все еще была могучей торговой державой, но уже клонилась к упадку. Тем не менее там работали Тьеполо¹⁵⁴, Каналетто¹⁵⁵,

---

¹⁵⁰ Пьетро Джерми (1914–1974), Луиджи Коменчини (1916–2007), Дино Ризи (1916–2008) – итальянские кинорежиссеры, работавшие в жанре «итальянской комедии» («commedia all'italiana»). Во многих из этих фильмов снялся Адриано Челентано (например, «Развод по-итальянски» Пьетро Джерми, 1961). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵¹ «Рим – открытый город» («Roma, città aperta», 1945) – кинокартина Роберто Росселлини (1896–1977), сыгравшая важную роль в становлении итальянского неореализма и получившая «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля. Соавтором сценария был Федерико Феллини. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵² «Пайза» («Paiza», 1946) – знаменитый фильм Роберто Росселлини, одним из соавторов которого снова был Федерико Феллини. В другом переводе на русский – «Земляк». (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵³ «Похитители велосипедов» («Ladri di biciclette», 1948) – кинокартина режиссера Витторио де Сики (1901–1974), один из важнейших фильмов итальянского неореализма. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵⁴ Тьеполо, Джованни Баттиста (1696–1770) – крупнейший художник итальянского рококо, мастер фресок и гравюр, последний великий представитель венецианской школы. (Прим. О. Акимовой.)

Гварди¹⁵⁶ и Гольдони. Значит, когда власть переживает закат, одни искусства оживают, другие – наоборот.

Ж.-К. К. : За все время, пока Наполеон был у власти, то есть в период с 1800 по 1814 год, во Франции не было опубликовано ни одной книги, которая бы читалась до сих пор. Живопись той эпохи помпезна и быстро становится банально-напыщенной. Давид¹⁵⁷, который до «Посвящения...» был великим художником, в итоге сделался совершенно бесцветным и плоским. Он безрадостно закончил свои дни в Бельгии, изображая слащавые античные сцены. Музыки не было. Театра тоже. На сцене шли старые пьесы Корнеля: Наполеон смотрит в театре «Цинну»¹⁵⁸. Мадам де Сталь¹⁵⁹ вынуждена уехать в изгнание. Шатобриана¹⁶⁰ власти ненавидят. Его шедевр, «Замогильные записки», который он пишет тайно, будет опубликован при жизни автора лишь частично и с большим запозданием. Романы, прославившие его, сегодня, увы, читать невозможно. Странный случай фильтрации: то, что он писал для своих многочисленных читателей, невероятно скучно, а то, что он писал в одиночестве, для себя, нас очаровывает.

У. Э. : Такая же история и с Петраркой. Он всю жизнь работал над огромной поэмой на латыни – «Африка»¹⁶¹, – убежденный, что она станет новой «Энеидой» и принесет ему славу. А сонеты, которые навсегда прославили его, он писал, лишь когда у него не было других дел.

Ж.-К. К. : Обсуждаемое нами понятие фильтрации естественно наводит меня на мысль о вине, которое процеживают перед употреблением. А теперь существует и «нефильтрованное» вино. Оно сохраняет все примеси, которые иногда придают вину весьма необычный привкус. Может быть, в школе мы вкушали слишком «отфильтрованную» литературу – то есть лишённую посторонних привкусов.

---

¹⁵⁵ *Каналетто* (настоящее имя Джованни Антонио Каналь, 1697–1768) – венецианский художник, мастер городского пейзажа в стиле барокко – vedute. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵⁶ *Гварди*, Франческо (1712–1793) – итальянский художник, представитель венецианской школы vedutisti. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵⁷ *Жак Луи Давид* (1748–1825) – французский художник, основоположник французского неоклассицизма. Его картина «Коронация императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года» была создана по заказу самого Наполеона, на ней изображен эпизод коронации императора. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵⁸ «*Цинна*» («*Cinna*», 1640) – трагедия французского драматурга Пьера Корнеля (1606–1684). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁵⁹ *де Сталь*, Луиза Жермена (1766–1817) – французская писательница, автор романов «Дельфина» (1802), «Коринна, или Италия» (1807), в которых романтические героини проповедуют свободу личности. Оказала большое влияние на французских романтиков. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶⁰ *Шатобриан*, Франсуа Рене де (1768–1848) – французский писатель и дипломат, один из основоположников романтизма во французской литературе. Его мемуары были изданы посмертно под названием «Замогильные записки» («*Mémoires d'outre-tombe*», 1849–1850). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶¹ «*Африка*» (9 книг, 1338–1342) – эпопея на латинском языке, воспевавшая завоевание Карфагена римским полководцем Сципионом. Еще до своего завершения «Африка» принесла Петрарке славу великого поэта и коронование лавровым венком в Риме на Капитолии. (Прим. О. Акимовой.)

Каждая напечатанная сегодня книга – это пост-инкунабула

Ж.-Ф. де Т.: Эта беседа представляет, вероятно, тем больший интерес, что вы являетесь не только писателями, но и библиофилами, и потратили немало времени и средств на соби́рание редких и дорогих книг... В чем состояла логика их отбора?

Ж.-К. К. : Прежде чем ответить, расскажу историю, поведенную мне Питером Бруком. Во время Первой мировой войны Эдвард Гордон Крэг¹⁶² – великий театральный режиссер, Станиславский английского театра – оказывается в Париже и не знает, чем заняться. У него небольшая квартирка, немного денег, и в Англию он, разумеется, вернуться не может. Чтобы развлечься, он ходит к букинистам на берег Сены. Как-то раз он купил там две вещи: первая – перечень улиц Парижа времен Директории со списком людей, живущих по тому или иному адресу, вторая – относящийся к тому же периоду дневник обойщика, продавца мебели, который записывал в нем свои визиты к клиентам. Крэг положил рядом перечень и дневник и два года потратил на то, чтобы восстановить точные маршруты обойщика. На основе этих данных, невольно предоставленных мастером, он сумел воссоздать некоторые любовные истории и даже случаи супружеских измен времен Директории. Питер Брук, который хорошо знал Крэга и представлял, насколько тщательной была его работа, говорил, что эти всплывшие истории были совершенно очаровательны. Так, чтобы добраться от одного клиента к другому, мастеру требовался час, а если он затратил вдвое больше времени, то, вероятно, где-то останавливался: спрашивается – для чего?

Как и Крэг, я люблю покупать книги, принадлежавшие до меня другим людям. Особенно мне нравится народная французская литература XVII века, гротесковая и бурлескная, – как я уже говорил, она до сих пор не в почете. Однажды я нашел одну из таких книг, с переплетом, изготовленным в эпоху Директории (то есть почти через два века), из настоящего сафьяна: большая честь для столь дешевого по тем временам издания. Стало быть, во времена Директории жил человек, разделявший мои вкусы, и это в эпоху, когда подобная литература не была интересна ровным счетом никому.

Лично я нахожу в этих текстах некий блуждающий, непредсказуемый, ни на что не похожий ритм, радость, дерзость, всю ту лексику, которая была изгнана классицизмом. Французский язык был изуродован такими евнухами, как Буало: они его отфильтровывали в соответствии со своим представлением об «искусстве». Пришлось дожидаться Виктора Гюго, чтобы возратить хоть малую часть этого отнятого народного богатства.

А еще у меня есть книга писателя-сюрреалиста Рене Кревеля¹⁶³, принадлежавшая Жаку Риго¹⁶⁴ и подписанная для него автором. Оба они покончили жизнь самоубийством. Эта книга – и, пожалуй, только она – создает некую тайную, призрачную и вместе с тем кровавую связь между двумя этими людьми, которых таинственным образом сблизил смерть.

У. Э. : У меня есть книги, ставшие ценными не столько благодаря содержанию или раритетности издания, сколько благодаря следам, которые оставил на их страницах

---

¹⁶² Эдвард Гордон Крэг (1872–1966) – английский актер, театральный и оперный режиссер эпохи модернизма, крупнейший представитель символизма в театральном искусстве. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶³ Рене Кревель (1900–1935) – французский писатель-сюрреалист. Основные произведения: «Мое тело и я» («Mon Corps et moi»; 1925) и «Клавесин Дидро» («Le Clavecin de Diderot»; 1932). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶⁴ Жак Риго (1898–1929) – французский писатель-сюрреалист. Основатель Генерального агентства самоубийства, обещавшего своим клиентам «надежную и немедленную смерть» при помощи современных методов. В своей статье, вышедшей посмертно, Риго писал: «Самоубийство должно быть призванием». Покончил с собой с четвертой попытки. (Прим. О. Акимовой.)

какой-нибудь известный человек – подчеркивая текст, иногда даже разными цветами, или ставя на полях пометки... Так, у меня лежит книга Парацельса, каждая страница которой похожа на кружево, и кажется, будто пометки читателя сплетены с печатным текстом в один узор. Я всегда говорю себе: да, конечно, нельзя подчеркивать слова или писать на полях в старинных, дорогих книгах. И в то же время, представьте себе экземпляр старинной книги с пометками, сделанными рукой Джеймса Джойса... Тут моим предубеждениям наступает конец!

Ж.-К. К. : Для некоторых все книги делятся на две категории: те, которые пишет автор, и те, которые приобретает читатель. Для меня также интересен и тот, кто владеет книгой. Это то, что называют «происхождением», когда говорят, что такая-то книга «принадлежала тому-то». Если у вас есть книга из личной библиотеки Мазарини, вы владеете кусочком королевской власти. Знаменитые парижские переплетчики XIX века не брались переплести невесть какую книгу. Один тот факт, что книга переплетена Мариусом Мишелем¹⁶⁵ или Трауцем-Бозонне¹⁶⁶, даже в наше время является доказательством, что она имела в их глазах определенную ценность. Это похоже на то, что я рассказывал об иранском переплетчике, который всегда читал книги и делал их конспекты. И главное: если вы хотели переплести свою книгу у Трауца-Бозонне, ждать иногда приходилось по пять лет.

У. Э. : Я являюсь владельцем первопечатного издания «Молота ведьм»¹⁶⁷, этого великого и злополучного учебника для инквизиторов и охотников на ведьм, переплетенного неким «Моисеем Корню»¹⁶⁸ – иначе говоря, евреем, который выполнял работы только для цистерцианских библиотек и ставил на каждом переплете свой знак (что само по себе редкость для той эпохи, то есть конца XV века), изображающий как раз Моисея с рогами. Это настоящий сюжет.

Ж.-К. К. : Проследив историю книги, можно восстановить историю цивилизации – вы прекрасно показали это в «Имени розы». В эпоху религий Писания¹⁶⁹ книга служила не только вместилищем, сосудом, но и «широкоугольным объективом», позволявшим все видеть, все описывать, может даже, обо всем делать выводы. Книга была отправной и конечной точкой, она являла собой картину мира и даже конца света. Но вернемся на миг в

---

¹⁶⁵ *Мариус-Мишель* (настоящее имя Анри Мишель, 1846–1925) – французский мастер переплета, новатор в этом виде ремесла. Автор книги «Французский переплет» («Reliure française», 1880). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶⁶ *Жорж Трауц* (1808–1879) – немецкий переплетчик. В 1830 г. эмигрировал во Францию и поступил на работу в мастерские Антуана Бозонне. До 1848 г. переплеты мастерской Бозонне подписывались «Бозонне-Трауц», а затем Трауц, вероятно, выкупил дело, и переплеты стали носить марку «Трауц-Бозонне», которая вскоре стала одной из самых известных во Франции XIX в. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶⁷ «*Молот ведьм*» («Malleus Maleficarum», 1486) – известнейший трактат по демонологии, написанный двумя германскими монахами, доминиканскими инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером. Эта инструкция по распознаванию ведьм, выдержавшая в короткий срок множество изданий, стала наиболее популярным руководством в последовавшей вскоре «Охоте на ведьм» конца XV – середины XVII в. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁶⁸ *Moïse Cornu* (фр.) – букв. «Моисей Рогатый».

¹⁶⁹ *Религии Писания* – исламское название монотеистических религий, предшествовавших исламу и основанных на Библии, то есть иудаизма и христианства. Это выражение восходит к принятому в Коране понятию «ахл аль-китаб» («люди Писания»), обозначающему немусульман, которые сообразуют свою жизнь с божественным откровением, изложенным в священных книгах. (Прим. О. Акимовой.)

Иран, туда, где жил Мани, основатель манихейства¹⁷⁰, христианский еретик, которого маздеисты¹⁷¹ почитают за своего. Главный упрек Мани Иисусу состоял в том, что тот ничего не написал.

У. Э. : Лишь однажды, на песке.

Ж.-К. К. : Ах! Если бы Иисус писал сам, – говорил он, – вместо того чтобы переключать это дело на других! Вот это был бы престиж, авторитет, слово, против которого не попрешь! Ну что ж, Иисус предпочитал говорить. Книга еще не была тем, что мы привыкли называть книгой, а Иисус не был Вергилием. Кстати, к вопросу о предшественниках книги, о римских свитках (*volumina*): я вернусь на секунду к проблеме адаптации, которой требует нарастающий технический прогресс. Здесь есть еще один парадокс. Когда мы прокручиваем текст на экране, не напоминает ли это то, что проделывали когда-то читатели свитков, *volumina*, которым приходилось раскручивать текст, намотанный на деревянный носитель? Такие приспособления до сих пор встречаются в некоторых старых венских кафе.

У. Э. : Только свитки разворачивались не вертикально, как у нас в компьютерах, а горизонтально. Достаточно вспомнить синоптические Евангелия¹⁷², представленные в виде сопоставленных друг с другом колонок текста: они читались слева направо по мере разворачивания свитка. А поскольку свитки были тяжелыми, их приходилось класть, например, на стол.

Ж.-К. К. : Или разворачивать свиток поручали паре рабов.

У. Э. : Не забывайте, кстати, что до Святого Амвросия¹⁷³ читали только вслух. Он первым начал читать, не произнося вслух слова. Это повергло Святого Августина в крайнее замешательство. Почему вслух? Если вы получаете письмо, написанное от руки, да еще неразборчивое, вам иногда приходится помогать себе, проговаривая его. Я часто читаю вслух, когда получаю письма от французов, – они последние в мире пишут письма от руки.

Ж.-К. К. : Неужели мы правда последние?

У. Э. : Да. Здесь есть влияние определенного воспитания – этого нельзя отрицать. Впрочем, нам советовали делать так еще давным-давно. Письмо, напечатанное на машинке, сродни деловой переписке. В других странах принято считать, что для лучшего чтения и понимания необходимо писать удобочитаемыми буквами – в таком случае компьютер наш лучший помощник. У французов иначе. Французы продолжают слать вам письма, написанные от руки, которые невозможно расшифровать. За исключением редчайшего

---

¹⁷⁰ *Манихейство* – дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Основано в III в. персидским пророком Мани (216–273 или 276). (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷¹ *Маздеисты* – приверженцы маздеизма (зороастризма) – религии древнего Ирана. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷² *Синоптические Евангелия* – три первые книги Нового Завета (Евангелия от Матфея, Марка и Луки), имеющие, в отличие от Евангелия от Иоанна, значительное текстуальное сходство. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷³ *Святой Амвросий* Медиоланский (ок. 340–397) – миланский епископ, проповедник и гимнограф. Один из четырех великих латинских учителей церкви, который обратил в христианство и крестил Блаженного Августина. (Прим. О. Акимовой.)

примера Франции, люди повсеместно утратили не только привычку писать от руки, но и читать написанное таким образом. В былые времена типограф был способен распознавать каллиграфические начертания со всего света.

Ж.-К. К. : Единственное, что по-прежнему пишется от руки – и то не всегда, – это медицинские рецепты.

У. Э. : Общество придумало фармацевтов, чтобы расшифровывать их почерк.

Ж.-К. К. : Если переписка от руки исчезнет, исчезнут и целые профессии. Графологи, общественные писари, коллекционеры и продавцы автографов... Чего мне не хватает, когда я использую компьютер, так это черновики. Особенно когда дело касается диалогов. Мне не хватает зачеркиваний, набросков на полях, этого первичного хаоса, стрелочек, расходящихся во все стороны, этих признаков жизни, движения, еще смутного поиска. И еще одно: видения общей картины. Когда я пишу сцену для кино и мне нужно шесть страниц, чтобы ее рассказать, я предпочитаю держать эти шесть страниц перед глазами, чтобы оценить ритм, чтобы на глаз выявить возможные длинноты. Компьютер мне этого не позволяет. Я должен распечатать все страницы и разложить их перед собой. А что еще вы пишете от руки?

У. Э. : Записки для секретаря. Но не только. Я всегда начинаю писать новую книгу с рукописных заметок. Я делаю наброски, схемы, которые непросто сделать на компьютере.

Ж.-К. К. : Проблема черновики вдруг напомнила мне об одном приезде Борхеса в 1976 или 1977 году. Я тогда только что купил дом в Париже, и там шел ремонт, царил беспорядок. Я зашел за Борхесом в его гостиницу. И вот мы подходим к дому, идем через двор, он держит меня под руку, поскольку почти ничего не видит, мы поднимаемся по лестнице, и, не замечая своей оплошности, я счел уместным извиниться за кавардак, которого он, разумеется, не мог видеть. А Борхес мне отвечает: «Да, понимаю. Это черновик». Всё, даже дом, в котором идет ремонт, навевало ему мысли о литературе.

У. Э. : По поводу черновики: я хотел бы упомянуть об одном ярком феномене, который связан с культурными изменениями, вызванными появлением технических новшеств. Набирая текст на компьютере, мы распечатываем все подряд как оговоренные. Ради создания текста в десять страниц я распечатываю его раз пятьдесят. Тем самым я гублю дюжину деревьев, тогда как до появления в моей жизни компьютера я губил, наверное, всего лишь десяток.

Итальянский филолог Джанфранко Контини¹⁷⁴ занимался тем, что он называл «критикой scartafacci»¹⁷⁵ – изучением различных фаз, через которые приходит произведение, прежде чем обрело свой окончательный вид. Как продолжать изучение этих вариантов с приходом компьютера? Так вот, против всякого ожидания компьютер не сокращает промежуточные этапы, он умножает их количество. Когда я писал «Имя розы», то есть в тот период, когда у меня в распоряжении не было текстового редактора, я поручал кому-нибудь перепечатать исправленную мной рукопись. После чего вносил правку в новую версию и опять отдавал в перепечатку. Но так не могло продолжаться до бесконечности. В определенный момент я был вынужден рассматривать версию, имевшуюся на руках, как окончательную. У меня больше не было сил.

---

¹⁷⁴ *Джанфранко Контини* (1912–1990) – итальянский филолог и литературный критик. Автор книг, посвященных творчеству Данте, Эудженио Монтале и др. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷⁵ Черновые тетради (*устар. шт.*).

С компьютером, напротив, я распечатываю, исправляю, вношу исправления, снова распечатываю и так далее, – то есть умножаю количество черновиков. Таким образом можно получить двести версий одного текста. Вы прибавляете филологу работы. И, тем не менее этот список вариантов будет неполным. Почему? Всегда будет существовать некая «фантомная версия». Допустим, я пишу некий текст А на компьютере. Распечатываю. Правлю на бумаге – это уже текст В. Вношу исправления в файл. После чего я снова распечатываю и полагаю, что на руках у меня текст С (именно так будут считать филологи будущего). Но на самом деле речь идет о тексте D, потому что пока я вносил изменения в файл, я наверняка сделал множество дополнительных поправок. Так что между В и D, между исправленным мною текстом и версией, вобравшей в себя эти исправления в компьютере, есть еще одна, фантомная версия, которая и есть настоящая версия С. То же самое можно сказать и о последовательных исправлениях. Так что филологам придется восстанавливать столько фантомных версий, сколько было переходов от экрана к бумаге.

Ж.-К. К. : Пятнадцать лет назад один американский университет, готовящий литераторов, восстал против использования компьютера под тем предлогом, что еще не доработанный текст появляется на экране уже напечатанным – то есть наделенным неким авторитетом. Из-за этого его якобы становится труднее критиковать и править. Экран придает ему вес, авторитет уже изданного текста. Другое учебное заведение для писателей, напротив, считает, что компьютер предоставляет, как вы говорите, возможность бесконечно исправлять и улучшать.

У. Э. : Ну да, разумеется, поскольку текст, который мы видим на экране, уже чужой. Так что вы можете обрушить на него всю ярость своей критики.

Ж.-Ф. де Т.: *Жан Клод, вы говорили о книге до появления книги, даже до появления кодексов* ¹⁷⁶, *то есть о папирусах, свитках. Наверное, это та часть истории книги, о которой нам известно меньше всего.*

У. Э. : В Риме, например, наряду с библиотеками существовали лавки, где книги продавались в виде свитков. Какой-нибудь любитель заходил в книжную лавку и заказывал, скажем, экземпляр Вергилия. Книготорговец просил его зайти через две недели, за которые книга переписывалась специально для покупателя. Возможно, какое-то количество экземпляров самых востребованных книг имелось на складе. Мы имеем весьма приблизительные представления о процессе покупки книг, даже в период после изобретения печатного станка. Первые печатные книги покупались, однако, не в переплетенном виде. Необходимо было сначала приобрести листы, которые отдавались затем в переплет. А разнообразие переплетов коллекционируемых нами книг – это одна из причин, по которой мы получаем от библиофилии такое удовольствие. Благодаря переплетам два экземпляра одной и той же книги могут существенно различаться в глазах как любителя, так и антиквара. Первые книги, продаваемые уже в переплете, появляются, по-моему, только в период между XVII и XVIII веками.

Ж.-К. К. : Это так называемые «издательские переплеты».

У. Э. : Те самые, что стоят на полках у нуворишей, погонными метрами закупленные у букинистов дизайнерами по интерьеру. Но был и еще один способ персонализировать печатные книги: не печатать начальные заглавные буквы каждой главы, чтобы позволить художникам-миниатюристам убедить владельца в том, что он и в самом деле обладает

---

¹⁷⁶ Зд.: *кодекс* – старинная рукопись в переплете.

уникальной рукописью. Вся эта работа, разумеется, делалась вручную. То же самое, если книга содержала гравюры: каждая гравюра раскрашивалась.

Ж.-К. К. : Надо также уточнить, что книги были очень дорогими, и только короли, князья, богатые банкиры могли их приобрести. Цена этой небольшой инкунабулы, которую я захватил из своей библиотеки, была, когда ее только напечатали, наверняка выше, чем сегодня. Подумайте, сколько телят нужно убить, чтобы создать такое произведение, где все страницы напечатаны на веленовой бумаге, то есть на коже мертворожденного теленка. Режи Дебре¹⁷⁷ задавался вопросом, что было бы, если бы римляне и греки были вегетарианцами. У нас не было бы ни одной из книг, оставленных нам в наследство античностью, которые писались на пергаменте – на крепкой, выдубленной коже животного. Это были очень дорогие книги. Но наряду с ними существовали, причем уже начиная с XV века, книги, распространявшиеся бродячими торговцами, без переплетов, напечатанные на плохой бумаге, и продавались они за несколько су. Эти книги путешествовали по всей Европе в заплечных корзинах бродячих торговцев. А некоторые ученые мужи пересекали Ла-Манш и Альпы, чтобы добраться до какого-нибудь итальянского монастыря, где хранилась очень редкая книга, в которой у них внезапно возникла надобность.

У. Э. : Известна прекрасная история о Герберте Орильякском, римском папе Сильвестре II¹⁷⁸, жившем на рубеже первого и второго тысячелетий. Он как-то узнал, что некий человек, владеющий копией «Фарсалии» Лукана¹⁷⁹, готов ее продать. В обмен папа предложил армиллярную сферу (сферическую астролябию)¹⁸⁰ из кожи. Но, получив рукопись, он обнаружил, что не хватает двух последних песен. Он не знал, что Лукан покончил с собой, так и не написав их. Тогда в отместку он послал только половину армиллярной сферы. Этот Герберт был ученым и эрудитом, но также и коллекционером. Рубеж тысячелетий часто представляют как какой-то неандертальский период. Конечно, это не так. И здесь мы имеем тому подтверждение.

Ж.-К. К. : Также неверно думать, что на африканском континенте не было книг, как будто книги – отличительная особенность нашей цивилизации. Библиотека Тимбукту¹⁸¹ на протяжении всей своей истории обогащалась книгами, которые студенты, встречавшиеся уже начиная со Средних веков с черными мудрецами Мали, привозили с собой в качестве разменной монеты и оставляли здесь.

---

¹⁷⁷ Режи Дебре (р. 1940) – французский левый философ, политик. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷⁸ Сильвестр II, в миру Герберт Орильякский (ок. 946–1003) – средневековый ученый и церковный деятель, папа римский (999–1003). Популяризировал арабские научные достижения в математике и астрономии в Европе, возродил использование абака, армиллярной сферы и астролябии, забытых в Европе после падения Римской империи. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁷⁹ Лукан, Марк Анней (39–65) – римский поэт, племянник Сенеки и участник заговора Пизона, автор исторической поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне», где в хронологическом порядке рассказывается о борьбе Цезаря с Помпеем, начиная от переправы Цезаря через Рубикон и заканчивая битвой при Фарсале. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁸⁰ Армиллярная сфера – астрономический инструмент, использовавшийся для определения экваториальных или эклиптических координат небесных светил.

¹⁸¹ Библиотека Тимбукту (Мали) хранит более 100 000 рукописей, некоторые из которых датируются XII в. Большинство из них посвящены астрономии, музыке, биологии и науке благочестия и написаны на арабском языке исламскими учеными, прибывшими в Мали. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : Я был в этой библиотеке. Я всегда мечтал побывать в Тимбукту. По этому поводу могу рассказать историю, которая, вероятно, не имеет никакого отношения к нашей теме, зато кое-что говорит нам о силе книг. Именно во время поездки в Мали мне довелось познакомиться со страной догонов, чья космология описана Марселем Гриолем¹⁸² в его знаменитом труде «Бог воды». Однако злые языки утверждают, что Гриоль многое выдумал. Но если вы сегодня спросите старого догона о его религии, он расскажет вам точно то, что писал Гриоль, – иными словами, написанное Гриолем стало исторической памятью догонов... Когда вы туда приезжаете и забираетесь на самую высокую скалу, вас тут же окружают дети и засыпают вас всевозможными вопросами. Я спросил одного из этих детей, является ли он мусульманином. «Нет, – ответил он, – я анимист». Однако чтобы анимист мог сказать, что он анимист, он должен четыре года отучиться в ЕРНЕ¹⁸³, потому что анимист попросту не может знать, что он анимист, как неандерталец не знал, что он неандерталец. Вот пример устной культуры, которая отныне формируется книгами.

Но вернемся к старинным книгам. Мы говорим, что печатные книги больше циркулировали в образованных кругах. Но они, несомненно, были распространены гораздо более, чем рукописи, то есть чем предшествовавшие им кодексы, а значит, изобретение печатного станка, без всякого сомнения, представляет собой настоящую демократическую революцию. Невозможно представить Реформацию и распространение Библии без печатного пресса. В XVI веке венецианскому печатнику Альду Мануцию¹⁸⁴ даже пришла в голову великая идея сделать книгу карманного формата, которую гораздо легче возить с собой. Насколько я знаю, более эффективного способа перемещения информации так и не было изобретено. Даже компьютер со всеми его гигабайтами должен быть включен в сеть. С книгой таких проблем нет. Повторяю: книга – как колесо.

Ж.-К. К. : Кстати о колесе: это одна из великих загадок, которую еще предстоит решить специалистам по доколумбовым цивилизациям. Как объяснить, что ни одна из этих цивилизаций не изобрела колесо?

У. Э. : Может быть, потому, что большинство этих цивилизаций сидели так высоко в горах, что колесо не могло конкурировать с ламой.

Ж.-К. К. : Зато в Мексике есть огромные равнины. Это действительно интересная загадка, ведь там изготавливали игрушки, в которых есть колесо.

У. Э. : Вы знаете, что Герон Александрийский¹⁸⁵, живший в I веке до нашей эры, был

---

¹⁸² *Марсель Гриоль* (1898–1956) – французский этнограф-африканист. Основные его труды посвящены духовной культуре и археологии западно-суданских народов и имеют ярко выраженную антирасистскую направленность. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁸³ *ЕРНЕ* (École Pratique des Hautes Études) – Практическая школа высшего образования (Париж).

¹⁸⁴ *Альд Мануций* (1449–1515) – венецианский печатник и гуманист. Издавал греческих и латинских классиков, впервые применил формат in octavo, раньше употреблявшийся лишь для богослужебных книг. По его примеру печатание классических произведений распространилось по всей Европе. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁸⁵ *Герон Александрийский* (10–75) – древнегреческий математик и механик. В трактате «Пневматика» описал различные сифоны, хитроумно устроенные сосуды и автоматы, приводимые в движение сжатым воздухом или паром. Первым изобрел автоматический театр кукол, автомат для продажи «святой» воды, автомат для открывания дверей, скорострельный самозаряжающийся арбалет, паровую турбину, прибор для измерения протяженности дорог и др. (Прим. О. Акимовой.)

отцом множества невероятных изобретений, так и оставшихся на уровне игрушек.

Ж.-К. К. : Рассказывают даже, что он придумал храм с автоматически открывающимися дверями – как двери современных гаражей. Чтобы еще больше повысить авторитет богов.

У. Э. : Только в те времена было проще заставить трудиться рабов, нежели воплотить в жизнь эти изобретения.

Ж.-К. К. : Поскольку Мехико на четыреста километров удален от обоих океанов, существовали курьерские эстафеты, которые доставляли на стол императора свежую рыбу меньше чем за сутки. Каждый из гонцов бежал изо всех сил четыреста-пятьсот метров, затем передавал свою ношу. Это подтверждает вашу гипотезу.

Вернусь к вопросу о распространении книг. К этому, как вы говорите, «совершенному колесу знания». Необходимо напомнить, что XVI и даже уже XV век были в Европе временами весьма беспокойными, когда те, кого мы назвали бы сейчас интеллектуалами, поддерживали между собой постоянные эпистолярные отношения. Они переписывались на латыни. А книга в эти непростые времена – это предмет, который имеет хождение повсюду, без преград. Она является одним из средств сохранения знаний. Точно так же на закате Римской империи некоторые интеллектуалы удалялись в монастыри, чтобы скопировать все оставшееся от гибнущей (они это чувствовали) цивилизации, все, что еще можно спасти. Это происходит практически во все эпохи, когда культура оказывается в опасности.

Жаль, что кино не знало этого принципа сохранения. Вам знакома книга, вышедшая в США, под красивым заглавием «Фотографии утраченных кинолент»? От этих фильмов осталось только несколько кадров, на основании которых мы должны попытаться восстановить сам фильм. Это немного похоже на историю про иранского переплетчика.

Скажу больше. Новеллизация фильмов, то есть иллюстрированная книга, сделанная на основе фильма, – причем уже не новый. Он восходит к эпохе немого кино. До нас дошли некоторые из таких книг, тогда как сами фильмы исчезли. Книга пережила вдохновивший ее фильм. Таким образом, уже сейчас существует археология кино. Наконец, задам вам вопрос, на который я не нашел ответа: можно ли было войти в Александрийскую библиотеку так же, как мы входим в нашу Национальную библиотеку, сесть и почитать книжку?

У. Э. : Мне это тоже неизвестно – и вряд ли известно хоть кому-нибудь. Сначала нам надо задаться вопросом, сколько людей умело тогда читать. Мы даже не знаем, сколько томов насчитывала Александрийская библиотека. Мы гораздо более осведомлены о средневековых библиотеках, но все равно мы знаем гораздо меньше, чем нам кажется.

Ж.-К. К. : Расскажите мне о вашей коллекции. Сколько у вас инкунабул в точном смысле этого слова?

Ж.-Ф. де Т. : *Вы уже много раз упоминали об инкунабулах. Насколько мы поняли, речь идет о старинных книгах. Но о каких именно?*

У. Э. : Один итальянский журналист, человек, впрочем, весьма начитанный, написал однажды по поводу одной библиотеки в Италии, что в ней находятся инкунабулы XIII века! Часто думают, что инкунабула – это рукопись, украшенная миниатюрами...

Ж.-К. К. : Инкунабулами называются все печатные книги, изданные начиная от изобретения печатного станка до полуночи 31 декабря 1500 года. «Инкунабула» – от латинского *incunabula* – это «колыбель» печатной книги, иными словами, это все книги, напечатанные в XV веке. Принято считать, что наиболее вероятной датой выхода печатной

42-строчной Библии Гутенберга¹⁸⁶ (в которой, к сожалению, не указано никакой даты в колофоне, то есть в записи, содержащей выходные данные, которая находилась на последней странице старинных книг) был 1452–1455 год. Последующие годы и являются этой «колыбелью», периодом, завершением которого принято считать последний день 1500 года, поскольку 1500 год принадлежал еще к XV веку. Точно так же 2000 год является еще частью XX века. Вот почему, заметим, было совершенно неуместно праздновать начало XXI века 31 декабря 1999 года. Надо было отпраздновать его 31 декабря 2000 года, в день действительного окончания века. Мы говорили об этом во время нашей предыдущей встречи¹⁸⁷.

У. Э. : Достаточно сосчитать на пальцах, не так ли? 10 входит в первую десятку. Значит, 100 входит в сотню. Нужно дождаться 31 декабря 1500 года – 15 раз по 100, – чтобы начать новую сотню. То, что была произвольно выбрана эта дата, это чистейший снобизм, ибо ничто не отличает книгу, напечатанную в 1499 году, от книги, напечатанной в 1502. Чтобы подороже продать книгу, которая, к несчастью, была напечатана лишь в 1501 году, антиквары весьма ловко называют ее «пост-инкунабулой». В этом смысле даже эта книга, которая получится из наших бесед, будет пост-инкунабулой.

А теперь отвечаю на ваш вопрос: у меня есть всего около тридцати инкунабул, но, несомненно, из разряда «обязательных», например, «*Hypnerotomachia Poliphili*»¹⁸⁸, «Нюрнбергская хроника»¹⁸⁹, оккультные книги в переводе Фичино¹⁹⁰: «*Arbor vitae crucifixa*»¹⁹¹ Убертина Казальского, ставшего одним из персонажей моего романа «Имя розы», и так далее. Моя коллекция имеет очень четкую направленность. Я собираю «*Bibliotheca Semiologica Curiosa Lunatica Magica et Pneumatica*», иными словами, коллекцию, посвященную оккультным и ложным наукам. У меня есть Птолемей, заблуждавшийся насчет движения Земли, но нет Галилея, который был прав.

Ж.-К. К. : Значит, у вас наверняка есть труды Атанасиуса Кирхера¹⁹², человека

---

¹⁸⁶ 42-строчная Библия Гутенберга – первопечатное издание Вульгаты ин-фолио, предпринятое в Майнце в начале 1450-х гг. Иоганном Гутенбергом и служащее традиционной точкой отсчета истории книгопечатания в Европе. Хотя это не первая инкунабула, среди других первопечатных изданий ее выделяет исключительное качество оформления. Библия Гутенберга именуется 42-строчной, так как на каждый лист печатник смог уместить по 42 строки текста. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁸⁷ «Беседы о конце времен» (*Entretiens sur la fin des temps*) с участием Ж.-К. Карьера, Ж. Деломо, У. Эко и С. Д. Гулда, под ред. К. Давид, Ф. Ленуара и Ж.-Ф. де Тоннака. Париж: «Покет», 1999. (Прим. автора.)

¹⁸⁸ «*Hypnerotomachia Poliphili*» («Гипнеротомахия Полифила» или «Любовное бореие во сне Полифила») – эзотерический роман-трактат, один из наиболее примечательных памятников итальянской литературы XV в. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁸⁹ «Нюрнбергская хроника» (1493) – знаменитая инкунабула, изданная Антоном Кобергером. Автор книги Гартман Шедель (1440–1514) – немецкий врач, гуманист и историк. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹⁰ Фичино, Марсилио (1433–1499) – итальянский гуманист, философ и астролог, основатель и глава флорентийской Платоновской академии, один из ведущих мыслителей раннего Возрождения. Перевел на латынь Платона и Плотина. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹¹ «*Arbor vitae crucifixa*» (1305) – «Древо крестной жизни», трактат Убертина Казальского (1259–1330), итальянского предсказателя и теолога, принадлежавшего к ордену францисканцев. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹² Атанасиус Кирхер (1602–1680) – немецкий ученый, иезуит, занимавшийся физикой, естественными науками, лингвистикой, древностями, теологией, математикой. Словарь Брокгауза и Ефрона характеризует его следующим образом: «Один из учнейших людей своего времени, он написал много трактатов по самым

энциклопедического склада ума, что должно быть вам близко, и распространителя многих ложных идей...

У. Э. : У меня есть все его книги, кроме первой, «Ars magnetica», которой нет в продаже, хотя это всего лишь маленькая книжка без картинок. Вероятно, она была напечатана всего в нескольких экземплярах, поскольку в те времена Кирхер еще не был известен. Эта книжка была настолько лишена привлекательности, что никто всерьез и не подумал о том, чтобы хранить ее. Но у меня еще есть труды Роберта Фладда и нескольких других мыслителей-чудаков.

Ж.-Ф. де Т. : Не могли бы вы сказать пару слов об этом Кирхере?

Ж.-К. К. : Это немецкий иезуит XVII века, долго живший в Риме. Он автор тридцати книг, в том числе по математике, астрономии, музыке, акустике, археологии, вулканологии, о Китае, о Лации¹⁹³, – прочих не буду перечислять. Иногда его рассматривают как родоначальника египтологии, хотя его понимание иероглифов как символов было полностью ошибочным.

У. Э. : Тем не менее Шампольон¹⁹⁴ смог осуществить свой труд лишь потому, что опирался не только на Розеттский камень¹⁹⁵, но и на репродукции, опубликованные Кирхером. В 1992 году в Коллеж де Франс¹⁹⁶ я читал курс лекций о поисках совершенного языка и посвятил одно из занятий Атанасиусу Кирхеру и его толкованию иероглифов. В этот день служащий университета сказал мне: «Господин профессор, будьте осторожны. В зале собрались все египтологи Сорбонны, они сидят в первом ряду». Я решил, что пропал. Я был осторожен, не стал высказываться по поводу иероглифов, а изложил лишь позицию Кирхера. И тогда я понял, что египтологи никогда не занимались Кирхером (о котором они слышали только как о сумасшедшем). Они здорово повеселились. Так я познакомился с Жаном Йойотом¹⁹⁷, который передал мне ценную библиографию по теме утраченного и вновь найденного ключа к иероглифам. Сейчас, когда мы чувствуем, что над наследием всемирной культуры нависли новые угрозы, исчезновение языка древних египтян, несомненно,

---

разнообразным предметам, где рядом с точными сведениями сообщаются басни без малейшего критического к ним отношения». (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹³ *Лаций* – область в античной Италии, прародина современных романских народов.

¹⁹⁴ *Шампольон*, Жан-Франсуа (1790–1832) – великий французский историк-ориенталист и лингвист, признанный основатель египтологии. Благодаря проведенной им расшифровке текста Розеттского камня 14 сентября 1822 г. стало возможным чтение иероглифов и дальнейшее развитие египтологии как науки. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹⁵ *Розеттский камень* – базальтовая плита с параллельным текстом, относящимся к 196 г. до н. э., на греческом и древнеегипетском языках, найденная в Египте, неподалеку от города Розетта в 1799 г. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹⁶ *Коллеж де Франс* (Collège de France) – парижское учебно-исследовательское учреждение, предлагающее бездипломные курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из высших отличий в области французского высшего образования. (Прим. О. Акимовой.)

¹⁹⁷ *Жан Йойот* (1927–2009) – известный французский египтолог, профессор. В соавторстве с Паскалем Верюсом написал «Словарь фараонов» (2004), где в популярной манере рассказывается обо всем, что в той или иной мере связано с древнеегипетскими правителями. (Прим. О. Акимовой.)

интересует нас как пример.

Ж.-К. К. : Кирхер также был первым, кто опубликовал нечто вроде энциклопедии о Китае, «China monumentis illustrata».

У. Э. : Он первым заметил, что китайские идеограммы имеют иконическое происхождение.

Ж.-К. К. : Нельзя не упомянуть и о его восхитительном «Ars magna lucis et umbrae», где содержится первое изображение глаза, глядящего на движущиеся картинки сквозь вращающийся диск: это делает Кирхера изобретателем кино – на чисто теоретическом уровне. Впрочем, говорят, что именно он ввел в европейский обиход волшебный фонарь. Это значит, что он оказал влияние на все области знания своего времени. Кирхер, можно сказать, был своего рода ранним Интернетом, то есть он знал все, что только можно знать, и эти знания на 50 % были истинными и на 50 % ложными либо фантазийными: пропорция, вероятно, близкая к тому, что мы сегодня можем почерпнуть с наших мониторов. Добавим (и за это мы его тоже любим), что он придумал кошачий оркестр (когда котов тянут за хвосты) и машину для чистки вулканов. Он заставлял целую армию иезуитов спускать его в огромной корзине в гущу дыма, поднимающегося из Везувия.

Но коллекционеры гонятся за Кирхером прежде всего потому, что его книги необыкновенно красивы. Мне кажется, мы оба являемся поклонниками Кирхера, во всяком случае его столь великолепно изданных книг. У меня не хватает единственной, пожалуй, одной из самых значительных – «Edipus aegyptiacus». Это, как считается, одна из самых красивых книг в мире.

У. Э. : Для меня самая любопытная его книга – это «Arca Noe» со сложенной во много раз вставной гравюрой, изображающей Ковчег в разрезе со всеми животными, включая змей, прячущихся в глубине трюма.

Ж.-К. К. : А еще там есть великолепная гравюра, на которой изображен потоп. И конечно же его книга «Turgis Babel»: в ней он показывает, основываясь на расчетах ученых, что Вавилонская башня не могла быть достроена, потому что, если бы это, к несчастью, все же случилось, она, в силу своей величины и веса, сдвинула бы Землю с оси.

У. Э. : На этой картине вы видите опрокинувшуюся Землю и башню, торчащую из ее бока горизонтально, наподобие мужского полового органа. Гениально! У меня также есть работы Гаспара Шотта¹⁹⁸, ученика Кирхера, еще одного немецкого иезуита, но я не буду хвастаться всеми своими приобретениями. Мы можем спросить себя, какими мотивами руководствуются библиофилы при выборе тех или иных предметов коллекционирования. Почему мы оба собираем работы Кирхера? Есть несколько соображений, которые обычно принимают во внимание при выборе старинной книги. Это может быть просто любовь к книге как объекту. Есть коллекционеры, которые, владея книгой XIX века с неразрезанными страницами, ни за что не согласятся их разрезать. Идея в том, чтобы хранить объект ради самого объекта, сохранять его нетронутым, чистым. Еще есть коллекционеры, интересующиеся только переплетами. Им безразлично содержание книг, которыми они владеют. Есть и те, кто интересуется определенным издателем и старается приобрести все книги, напечатанные, например, Мануцием. Некоторые питают страсть только к какой-то одной книге: они хотели бы приобрести все издания, например, «Божественной комедии».

---

¹⁹⁸ *Гаспар Шотт* (1608–1666) – немецкий ученый, иезуит, занимавшийся физикой, математикой и естественными науками. (Прим. О. Акимовой.)

Другие ограничиваются какой-либо областью знаний: скажем, французской литературой XVIII века. Есть также и те, кто собирает библиотеку по какой-то одной теме. Это как раз мой случай: как я уже говорил, я собираю все, что имеет отношение к ложным, необычным, оккультным наукам, а также к несуществующим языкам.

Ж.-К. К. : Не могли бы вы объяснить этот странный выбор?

У. Э. : Меня притягивают заблуждения, заведомый обман и глупость. Я убежденный флоберианец¹⁹⁹. Как и вы, я обожаю глупость. Я уже описывал в книге «Борьба за ложь»²⁰⁰, как ходил по американским музеям, где размещены репродукции известных произведений искусства (в том числе там есть восковая Венера Милосская с руками). В книге «Пределы интерпретации»²⁰¹ я выработал теорию фальсификаций и фальсификаторов. И наконец, если брать мои романы, «Маятник Фуко» был навеян образом оккультистов, фанатично верящих во что угодно. Что же касается «БAUDОЛИНО», то там центральным персонажем является гениальный фальсификатор, который, в конечном счете, оказывается благодетелем человечества.

Ж.-К. К. : Вероятно, еще и потому, что ложь – это единственный путь к истине.

У. Э. : Подделка ставит под вопрос любую попытку создать теорию истины. Раз подделку можно сравнить с вдохновившим ее подлинником, значит, существует и способ узнать, подделка это или нет. Гораздо труднее доказать, что подлинник – это подлинник.

Ж.-К. К. : Я не настоящий коллекционер. Всю жизнь я покупал книги просто потому, что они мне нравились. Больше всего в собрании книг я люблю разнородность, соседство разных предметов, противоречащих друг другу, борющихся между собой.

У. Э. : Мой сосед в Милане, как и вы, собирает только книги, которые он считает красивыми. Так, у него может быть книга Витрувия²⁰², первопечатное издание «Божественной комедии» и альбом какого-нибудь современного художника. В моем случае все совершенно по-другому. Я уже говорил о своем увлечении Кирхером. Чтобы обладать всеми этими книгами, чтобы приобрести, к примеру, этот экземпляр «Ars magnesia» – без сомнения, самый невзрачный в моей коллекции, – я готов заплатить целое состояние. Кстати о моем соседе: оказывается, у него, как и у меня, есть экземпляр «Nupnerotomachia poliphili» или «Любовное борение Полифила», может быть, самая прекрасная книга в мире. Мы

---

¹⁹⁹ *Я убежденный флоберианец.* – Как известно, Флобер коллекционировал всяческие «благоглупости». Читая, он тут же выписывал замеченные в тексте оплошности. Роман Флобера «Бувар и Пекюше» представляет собой лишь первую часть задуманной автором двухтомной «Энциклопедии человеческой глупости». Вторую часть Флобер собирался написать, основываясь на собранных им цитатах. Это собрание цитат было опубликовано через много лет после смерти писателя, в 1913 г., под названием «Лексикон прописных истин» («Le Dictionnaire des idées reçues»). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰⁰ «Борьба за ложь» («La Guerre du faux», 1985) – сборник эссе У. Эко, изданный на французском языке. В него вошли переводы текстов, изданных между 1963 и 1983 гг. и выходивших на итальянском языке в сборниках: «Il costume di casa», 1973; «Dalla periferia dell'impero», 1977; «Sette anni di desiderio», 1983. В названии книги содержится намек на фантастический роман Жозефа Рони-старшего «Борьба за огонь» (1909). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰¹ «Пределы интерпретации» («I limiti dell'interpretazione», 1990) – эссе У. Эко. (Прим. О. Акимовой.)

²⁰² *Витрувий*, Марк Поллион – римский архитектор, инженер, теоретик архитектуры второй половины I в. до н. э. (Прим. О. Акимовой.)

смеемся, потому что напротив нашего дома, в замке Сфорца, есть знаменитая библиотека Тривульцио, в которой хранится третий экземпляр «Нурнеротомачиа», что, безусловно, должно представлять наивысшую концентрацию «Нурнеротомачиа» в радиусе пятидесяти метров! Разумеется, я говорю о первопечатном издании 1499 года, а не о последующих переизданиях.

Ж.-К. К. : Вы продолжаете пополнять свою коллекцию?

У. Э. : Раньше я рыскал по всему миру в поисках редких вещей, теперь ограничиваюсь короткими поездками. Меня интересует качество. Либо же я стараюсь восполнить пробелы в *orega omnia*²⁰³ какого-либо автора – как в случае с Кирхером.

Ж.-К. К. : Зачастую коллекционер скорее одержим стремлением заполучить редкую вещь, нежели тем, чтобы ее сохранить. На этот счет я знаю одну удивительную историю. Существовало два экземпляра книги, легшей в основу всей бразильской литературы, романа «Гуарани»²⁰⁴, изданного в Рио около 1840 года. Один экземпляр хранился в музее, а другой где-то бродил. И вот мой друг Жозе Миндлин, крупный бразильский коллекционер, узнает, что книга находится у одного человека в Париже и тот готов ее продать. Он берет билет на самолет Сан-Паулу-Париж, заказывает номер в отеле «Риц» и летит на встречу с этим коллекционером из Центральной Европы, владельцем вожаденного экземпляра. Вдвоем они на три дня запираются в номере отеля «Риц», чтобы договориться о цене. Три дня напряженных переговоров. Наконец, согласие достигнуто, и книга переходит в собственность Жозе Миндлина, который немедленно садится в самолет и улетает. В полете он имеет возможность обстоятельно ознакомиться с только что приобретенным экземпляром и, с некоторой досадой, обнаруживает, что сама по себе книга не представляет собой ничего необыкновенного. Но он этого ожидал. Он вертит ее в руках и так и этак, ищет какую-нибудь примечательную деталь, особенность, а потом кладет рядом. По прибытии в Бразилию он забывает ее в самолете. Как только он приобрел вещь, она тут же перестала для него что-либо значить. По чудесному стечению обстоятельств, служащие «Эр Франс» заметили книгу и отложили ее. Миндлин смог ее забрать. Он говорил, что, в конечном счете, ему от этого было ни жарко, ни холодно. И я тоже это подтверждаю: в тот день, когда мне пришлось расстаться с частью своей библиотеки, я не особенно огорчился.

У. Э. : У меня тоже был подобный опыт. Настоящего коллекционера больше интересует погоня, нежели обладание, так же как настоящего охотника в первую очередь увлекает охота и только потом – приготовление и поедание убитых им животных. Я знаю коллекционеров (причем, заметьте, люди коллекционируют все, что угодно: книги, почтовые марки, открытки, пробки от шампанского), которые всю жизнь тратят на то, чтобы собрать полную коллекцию, а собрав ее, тут же продают или даже дарят какой-нибудь библиотеке или музею...

Ж.-К. К. : Я, как и вы, получаю огромное количество книжных каталогов. Большинство из них – это каталоги книжных каталогов. «Books on books»²⁰⁵, как их называют. Есть аукционы, где продаются только книжные каталоги. Некоторые из них были изданы еще в

---

²⁰³ Полное собрание сочинений (*лат.*).

²⁰⁴ «Гуарани» («O Guarani», 1857) – исторический роман бразильского писателя-романтика Жозе Мартинау де Аленкара (1829–1877). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰⁵ «Книги о книгах» (*англ.*).

XVIII веке.

У. Э. : Мне приходится избавляться от этих каталогов, которые нередко являются настоящими произведениями искусства. Но место для книги тоже имеет свою цену, мы об этом еще поговорим. Теперь все эти каталоги я приношу в университет, где руковожу магистерской программой для будущих издателей. Естественно, там есть курс истории книги. Я оставляю себе только некоторые каталоги, если они касаются тем, которые мне особенно дороги, или если они чертовски красивы. Некоторые из этих каталогов сделаны не для настоящих библиофилов, а для нуворишей, которые хотят вложить деньги в старинные книги. Этим больше интересуют книги об искусстве. Если бы такие каталоги не рассылали бесплатно, они стоили бы целого состояния.

Ж.-Ф. де Т.: Не могу удержаться, чтобы не спросить вас, сколько стоят инкунабулы. То, что вы являетесь владельцами нескольких из них, делает вас богатыми людьми?

У. Э. : Смотря каких. Есть инкунабулы, которые в наше время стоят миллионы евро, а другие можно купить всего за несколько сотен. Радость коллекционера еще и в том, чтобы найти редчайший экземпляр и заплатить за него половину, а то и четверть цены. Правда, это случается все реже и реже, поскольку рынок сжимается, как шагреновая кожа. Однако еще вполне возможно проверить несколько удачных сделок. Иногда библиофилу удается даже совершить покупку по сходной цене у какого-нибудь известного, а значит, очень дорогого антиквара. В Америке книга на латыни, даже очень редкая, не заинтересует коллекционеров, потому что они не читают на иностранных языках, а тем более на латыни – особенно если этот текст можно найти в крупных университетских библиотеках. Скорее они будут фанатично гоняться, например, за первым изданием Марка Твена (причем за любую цену). Однажды в Нью-Йорке у Крауса, антиквара, придерживавшегося традиций (к сожалению, он закрыл магазин несколько лет назад), я нашел «De harmonia mundi» Франческо Джорджи²⁰⁶, удивительную книгу, изданную в 1525 году. Я видел такую в Милане, но она показалась мне дороговатой. Благодаря тому, что в больших университетских библиотеках она уже имелась, а для рядового американского коллекционера книга на латыни не представляет никакого интереса, у Крауса я купил ее в пять раз дешевле, чем она стоила в Милане.

Еще одна удачная покупка была у меня в Германии. Однажды в одном аукционном каталоге, где были тысячи книг, разбитых по темам, я почти случайно взглянул на список изданий под рубрикой «Теология». И вдруг я обнаруживаю там название «Offenbarung göttlicher Majestät» Алоизиуса Гутмана²⁰⁷. Гутман, Гутман... Это имя мне о чем-то говорит. Я быстро навожу справки и обнаруживаю, что Гутман считается вдохновителем всех манифестов розенкрейцеров, но по крайней мере за последние тридцать лет его книга ни разу не появлялась ни в одном каталоге по этой тематике. Стартовая цена, за которую она предлагалась, была равна нынешним ста евро. Я подумал, что эта книга может и не попасть в поле зрения заинтересованных коллекционеров, поскольку должна была быть представлена в разделе «Оккультизм». Аукцион проходил в Мюнхене. Я написал своему немецкому издателю (он как раз из Мюнхена), чтобы он сходил на аукцион, но не предлагал больше двухсот евро. Он купил ее за сто пятьдесят.

Эта книга не только является абсолютной редкостью: на полях каждой страницы

---

²⁰⁶ *Венето*, Франческо Джорджи (1466–1540) – монах-францисканец из Венеции, автор трактатов «De harmonia mundi totius» (ок. 1525) и «In Scripturam Sacram Problemata» (1536). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰⁷ *Алоизиус Гутман* (1490–1584) – речь, по-видимому, все же идет об Эгидиусе Гутмане. Эгидиус Гутман – немецкий алхимик, считается предтечей учения розенкрейцеров. В 1575 г. он написал огромный трактат по алхимии «Offenbarung Göttlicher Majestät» («Явление божественного величия»), который позже, уже после его смерти, был опубликован во Франкфурте в 1619 г. (Прим. О. Акимовой.)

содержатся пометки готическим шрифтом красного, черного и зеленого цвета, что делает ее уже произведением искусства. Но помимо этих неожиданных удач, в последние годы аукционы побили все мыслимые рекорды по присутствию на них покупателей, совершенно не разбирающихся в книгах: им просто сказали, что старые книги – хороший объект для вложения денег. Это совершеннейшая неправда. Если вы купите бон казначейства за тысячу евро, через некоторое время вы сможете продать его либо по той же цене, либо с небольшой или даже большой прибылью, просто позвонив по телефону в ваш банк. Но если вы купите книгу за тысячу евро, завтра вы не сможете продать ее за такую же цену. Книготорговец тоже должен получить прибыль: он потратился на издание каталога, на содержание магазина и так далее, – кроме того, если он еще и нечестен, то постарается отдать вам меньше четверти от рыночной стоимости. В любом случае, чтобы найти хорошего покупателя, нужно время. Вы заработаете деньги только после смерти, доверив продажу своих книг аукционному дому «Кристи».

Пять-шесть лет назад один миланский антиквар показал мне чудесную инкунабулу Птолемея. К сожалению, он запросил порядка ста тысяч евро. Это было слишком дорого, по крайней мере для меня. Вероятно, если бы я ее купил, мне было бы чрезвычайно трудно продать ее за те же деньги. Однако через три недели такой же Птолемей был продан на публичном аукционе за семьсот тысяч евро. Так называемые инвесторы с удовольствием поднимали цену. И с тех пор я проверял каждый раз, когда эта книга появлялась в каталоге: дешевле ее не предлагали. При такой цене книга ускользает от настоящих коллекционеров.

Ж.-К. К. : Она становится объектом финансового оборота, продуктом, и это довольно печально. Коллекционеры, настоящие любители книг, в массе своей – люди не очень богатые. Когда книга проходит через банк под ярлыком «инвестиция», она, как и все прочее, что-то теряет.

У. Э. : Прежде всего, коллекционер не ездит по аукционам. Эти аукционы проводятся во всех концах света, и нужны средства, чтобы присутствовать на каждом торгах. А вторая причина в том, что книготорговцы буквально уничтожают торги на корню: они между собой договариваются не поднимать цену на аукционе, после чего собираются в отеле и распределяют купленное по-свойски. Чтобы приобрести книгу, которая вам нравится, иногда приходится ждать по десятку лет. Еще раз скажу: одну из своих самых удачных сделок я совершил у Крауса: пять инкунабул в общем переплете, за которые просили, по моему мнению, явно дороговато. Но всякий раз, заходя в магазин, я шутил по поводу того, что книги до сих пор не проданы – признак того, что цена завышена. Наконец хозяин магазина сказал, что моя преданность и настойчивость должны быть вознаграждены, и уступил мне книги примерно за половину той цены, которую просил ранее. Через месяц в другом каталоге всего одна из этих первопечатных книг была оценена примерно в два раза выше, чем я заплатил за все пять. И в последующие годы цена каждой из пяти только продолжала расти. Десять лет терпения. Забавная игра.

Ж.-К. К. : Как вы считаете, страсть к старинным книгам не исчезнет? Это вопрос, который задают себе, не без тревоги, порядочные книготорговцы. Если среди их клиентов останутся одни банкиры, их ремесло утратит смысл. Многие книготорговцы, которых я знаю, говорят, что среди молодежи все меньше настоящих ценителей.

У. Э. : Нужно помнить, что старинные книги неизбежно являются предметом уходащим. Если я владею каким-нибудь очень редким драгоценным камнем или полотном Рафаэля, после моей смерти семья его продаст. Но если у меня хорошая коллекция книг, в завещании я, скорее всего, укажу, что не хочу, чтобы она оказалась разделена, потому что я всю жизнь ее собирал. И тогда она либо будет подарена какому-нибудь государственному учреждению, либо куплена через аукцион «Кристи» крупной библиотекой, вероятней всего,

американской.

В этом случае все эти книги навсегда исчезнут с рынка. Бриллиант возвращается на рынок каждый раз, когда его очередной владелец умирает. Но инкунабула будет отныне числиться в каталоге Бостонской библиотеки.

Ж.-К. К. : И там останется.

У. Э. : Навсегда. Так что, помимо ущерба, который наносят так называемые инвесторы, каждый экземпляр старинной книги становится все более редким, а стало быть, и все более дорогим. Что же касается новых поколений, я не думаю, что они утратили страсть к старинным книгам. Скорее, мне кажется, ее у них никогда и не было, поскольку старинные книги всегда были молодым людям не по карману. Но нужно также сказать, что, если человек действительно чем-то увлечен, он может стать коллекционером и не тратя больших сумм. У себя на полках я нашел двух Аристотелей XVI века, купленных по молодости из любопытства: каждый стоил (судя по цене, написанной карандашом букиниста на титульном листе) что-то около сегодняшних двух евро. С точки зрения антиквара, это, очевидно, совсем не дорого.

У меня есть друг, который собирает маленькие книжки из Всемирной библиотеки Риццоли (BUR), эквивалента серии немецкого издательства «Реклам». Эти книги выходили в 50-е годы и стали большой редкостью благодаря своему очень скромному оформлению, а также потому, что они не стоили почти ничего и никто их не берег. Тем не менее восстановление полной серии этих книг (почти тысяча названий) – весьма увлекательное занятие, которое не требует ни крупных средств, ни визитов к дорогому антиквару – разве что исследования блошиных рынков (или нынешнего e-Bay). Можно быть библиофилом задешево. Еще один мой друг собирает скромные старинные издания (не обязательно оригинальные) своих любимых поэтов, потому что, как он говорит, стихи, которые читаешь в печати той эпохи, имеют совсем другой «вкус». Является ли он библиофилом? Или просто любителем поэзии? Повсюду есть развалы старых книг, где можно откопать издания XIX века и даже первые издания XX века по цене квашеной капусты в ресторане (если только вы не ищите первое издание «Цветов зла»²⁰⁸). У меня был студент, который собирал только путеводители по разным городам, самые старые, и ему их отдавали почти даром. Тем не менее на их основе он сумел написать докторскую диссертацию о том, как менялось представление о городе на протяжении десятилетий. Затем он опубликовал свою диссертацию, сделал из нее книгу.

Ж.-К. К. : Могу рассказать, как однажды приобрел полное собрание Фладда в единообразном переплете того времени. Случай уникальный. Эта история начинается с богатого английского семейства, владеющего ценнейшей библиотекой. В этой семье много детей, и среди них, как это часто бывает, только одному вѣдома истинная ценность этих книг. Когда отец умирает, этот знаток небрежно бросает своим братьям и сестрам: «Я возьму только книги. С остальным делайте что хотите». Все обрадовались. Им достались земли, деньги, мебель, замок. Но новый владелец книг, когда они переходят к нему, не может продать их официально, иначе члены семьи всполошатся и, увидев результаты торгов, поймут, что «только книги» – это не пустяк, а совсем наоборот, и что их обвели вокруг пальца. Тогда он принимает решение, ничего не говоря семье, тайно продать книги каким-нибудь куртье²⁰⁹, которые зачастую бывают людьми очень странными. Фладд

---

²⁰⁸ «Цветы зла» («Les fleurs du mal», 1861) – знаменитый сборник стихов Шарля Бодлера (1821–1867). (Прим. О. Акимовой.)

²⁰⁹ Куртье – во Франции: маклер, сводчик.

достался мне через посредство одного куртье, который передвигается на мотороллере с висящим на руле полиэтиленовым пакетом, и в этом пакете он порой таскает настоящие сокровища. Я четыре года расплачивался за это собрание книг, но никто в той английской семье так и не узнал, в чьих руках оно завершило свой путь и за какую цену.

Книги, которые хотели дойти до нас во что бы то ни стало

Ж.-Ф. де Т.: Некоторые книги вам, по-видимому, приходилось выслеживать, и иногда с большим упорством – с целью пополнить собрание какого-нибудь автора или тематические коллекции. Либо же просто из любви к красивым вещам, либо потому, что какая-то конкретная книга что-то для вас значит. Не могли бы вы поделиться с нами какими-нибудь историями об этом кропотливом детективном труде?

Ж.-К. К. : По этому поводу могу рассказать вам, как лет десять назад я нанес визит директрисе Национального архива. А нужно сказать, во Франции – думаю, как и во всех странах, где есть архивы, – каждый день к зданию архива подъезжает грузовик и вывозит кучу старых документов, которые было решено уничтожить. Нужно же освобождать место для всего того, что поступает в архив ежедневно. Здесь тоже что-то приходится уничтожать, тоже нужно что-то отсеивать, таков закон жизни.

Иногда, пока грузовик не приехал, к архиву пропускают тех, кого называют «*pariéristes*», – любителей старых бумаг, нотариальных актов, брачных договоров, – они приходят и бесплатно копаются в том, что ждет уничтожения. И вот эта директриса рассказывает мне, что однажды она приходит на работу, а ей навстречу выезжает один из таких грузовиков. Мне очень нравится словосочетание «наметанный глаз». Глаз, который научился видеть, глаз, ожидающий что-то увидеть. Директриса отходит в сторону, пропуская грузовик, и вдруг замечает торчащий из огромного тюка кусок пожелтевшей бумаги. Она немедленно останавливает грузовик, просит открыть тюк и находит там одну из редких известных нам афиш «Блистательного театра»²¹⁰ Мольера – тех времен, когда он еще ездил по провинциям! Как туда могла попасть эта афиша? И почему ее отправили на кремацию? Сколько ценных документов, редких книг были уничтожены просто по рассеянности, по недосмотру, по небрежности? Людская небрежность нанесла книгам, быть может, больший ущерб, чем те, кто уничтожал их сознательно.

У. Э. : У коллекционера, действительно, как вы говорите, должен быть наметанный глаз. Несколько месяцев назад я был в Гранаде, и после того, как я осмотрел Альгамбру и все, что собирался, друг по моей просьбе повел меня рассматривать полки в антикварной книжной лавке. Там царил страшный беспорядок, и я без особого успеха копался в завалах книг на испанском языке, не представлявших для меня ни малейшего интереса, как вдруг мой взгляд привлекла пара книжиц. Это были книги по мнемотехнике на испанском языке. Я заплатил за одну, а вторую продавец отдал мне в подарок. Вы можете сказать, что мне повезло и что у этого продавца, возможно, были и другие сокровища. Уверен, что нет. Есть такой особый собачий нюх, который ведет вас прямо к добыче.

Ж.-К. К. : Мне случилось сопровождать в букинистических лавках моего друга Жерара Оберле²¹¹, очень известного книготорговца и великолепного писателя. Он заходит в

---

²¹⁰ «Блистательный театр» Мольера – создан Мольером и М. Бежар в 1643 г., в Париже. Несмотря на то что театр просуществовал около двух лет, он вошел в историю мирового театра, так как именно в нем началась театральная деятельность Мольера. (Прим. О. Акимовой.)

²¹¹ Жерар Оберле (р. 1945) – французский писатель, библиофил и продавец антикварных книг. Занимается также переизданием книг редких, забытых и странных авторов. (Прим. О. Акимовой.)

магазин, очень медленно осматривает полки, и делает все это молча. В какой-то момент он направляется к ТОЙ книге, которая его ждала. Это единственная книга, к которой он прикасается и которую он покупает. В прошлый раз это была книга, написанная Сэмюэлем Беккетом о Прусте²¹², ее трудно найти в оригинальном издании. Еще я знал одного милейшего книготорговца с улицы Юниверсите, который специализировался на научных книгах. Меня, студента, как и моих товарищей, он пускал в свою лавку, прекрасно зная, что мы ничего не можем у него приобрести. Но, вступал с нами в беседу, показывал красивые вещи. Он был одним из тех, кто сформировал мои вкусы. Он жил на улице Бак, с другой стороны от бульвара Сен-Жермен. Однажды он возвращался домой по улице Бак, перешел через бульвар и вдруг заметил, что из мусорного бачка торчит кусочек латуни. Он остановился, поднял крышку, покопался в бачке и вытащил оттуда одну из двенадцати счетных машин, сделанных самим Паскалем. Вещь бесценная. Теперь она хранится в Национальном консерватории искусств и ремесел²¹³. Кто ее выбросил? И какое совпадение, что этот человек с наметанным глазом проходил мимо именно в тот вечер!

У. Э. : Когда я говорил о моей находке у книготорговца в Гранаде, я, конечно, шутил. Просто, честно говоря, я совсем не уверен, что у него в магазине не было еще одной, третьей, книги, которая бы меня заинтересовала так же, как первые две. Быть может, ваш друг книготорговец трижды прошел мимо предмета, подававшего ему знаки, не замечая его, и только на четвертый раз разглядел в нем машину Паскаля.

Ж.-К. К. : Есть один основополагающий текст на каталанском языке, относящийся к XIII веку. Его рукопись длиной всего в две страницы давно утрачена, но существует печатная версия, датированная XV веком. То есть речь идет о редчайшей инкунабуле. Очевидно, для любителя каталанского языка это самая ценная инкунабула в мире. Оказывается, я знаю одного книготорговца в Барселоне, который после долгих лет поисков, словно упорный детектив, идущий по стершемуся следу, наконец отыскал драгоценную инкунабулу. Он купил ее и перепродал Барселонской библиотеке за цену, которую он мне не открыл, но которая должна быть весьма значительной.

Прошло несколько лет. Тот же книготорговец в один прекрасный день покупает толстый фолиант XVIII века, переплет которого, как это часто бывает, набит старыми бумагами. Тогда он делает то, что делают в таких случаях: он аккуратно разрезает переплет бритвой, чтобы достать содержимое. И среди оказавшихся там старых бумаг он находит рукопись XIII века, ту, что давно считалась утраченной: саму рукопись, оригинал. Он чуть в обморок не упал. Перед ним было настоящее сокровище. Оно ждало его. Кто-то просто по неведению засунул рукопись в переплет.

У. Э. : Куорич²¹⁴, самый крупный книготорговец-антиквар в Англии, а может быть и в мире, организовал выставку и издал каталог, состоящий из одних только рукописей, найденных в переплетах. Там было даже подробнейшее описание рукописи, уцелевшей при пожаре в библиотеке из «Имени розы», – рукопись, разумеется, абсолютно вымышленная. Я

---

²¹² ...книга, написанная Сэмюэлем Беккетом о Прусте... – Имеется в виду критическое эссе Сэмюэля Беккета (1906–1989) «Пруст» (1931). (Прим. О. Акимовой.)

²¹³ *Национальный консерваторий искусств и ремесел* (Conservatoire national des arts et métiers) – высшее техническое, учебное и научно-исследовательское заведение в Париже, готовящее специалистов в области экономики и управления. (Прим. О. Акимовой.)

²¹⁴ *Куорич*, Бернارد (1819–1899) – известный лондонский антиквар-букинист, основатель существующей ныне антикварной фирмы «Quoritch» и издатель ценнейших каталогов редких антикварных книг и рукописей. (Прим. О. Акимовой.)

это заметил (достаточно было проверить размеры, чтобы понять, что рукопись была не больше почтовой марки), и так мы сделали друзьями. Но многие люди поверили, что речь идет о подлинном документе.

Ж.-К. К. : Как вы думаете, в наше время возможно найти еще одну трагедию Софокла?

У. Э. : Не так давно у нас в Италии разразилась оживленная полемика по поводу папируса Артемидора²¹⁵, приобретенного за очень высокую цену Банковским фондом Сан-Паоло в Турине. Спорили два самых известных итальянских специалиста: является ли этот текст, приписываемый греческому географу Артемидору, подлинным, или это подделка? Каждый день мы читаем в прессе сенсационное выступление какого-нибудь нового специалиста, подтверждающего или опровергающего то, что было опубликовано накануне. Я говорю это к тому, что на наших глазах то тут, то там постоянно всплывают обломки прошлого, имеющие ту или иную ценность. Рукописи Мертвого моря²¹⁶ были найдены всего пятьдесят лет назад. Я думаю, что в наше время, когда мы стали больше строить, чаще ворошить землю, вероятность найти подобные документы повышается. Сегодня существует больше шансов найти рукопись Софокла, чем во времена Шлимана²¹⁷.

Ж.-Ф. де Т.: Какое у вас самое заветное желание как у библиофилов и знатоков книг? Что бы вам хотелось, чтобы завтра было извлечено из земли в ходе какой-нибудь стройки?

У. Э. : Лично для себя я хотел бы заполучить экземпляр Библии Гутенберга, первой печатной книги. Еще мне бы хотелось, чтобы нашли утраченные трагедии, о которых Аристотель пишет в своей «Поэтике». А больше я не знаю таких утраченных книг, которых бы мне не хватало. Может быть, потому, что раз они утрачены, значит, они, вероятно, как мы уже говорили, не заслуживали того, чтобы пережить пожар или костер инквизиции.

Ж.-К. К. : Что касается меня, я был бы счастлив, если бы нашли неизвестный кодекс индейцев майя. Когда я впервые приехал в Мексику в 1964 году, мне сказали, что существуют описания около ста тысяч пирамид, но раскопки производились только на трехстах. Много лет спустя я спросил археолога, работавшего в Паленке, сколько еще продлятся раскопки в этом месте. Он ответил: «Приблизительно пятьсот пятьдесят лет». Доколумбов мир является, пожалуй, самым чудовищным примером попытки полного уничтожения всего написанного, уничтожения целой расы, имеющей один язык, одну культуру, одну литературу, то есть одно мышление, – словно эти побежденные народы не заслуживали никакой памяти. В Юкатане по приказу каких-то христианских террористов кодексы сжигались целыми горами. И у ацтеков, и у майя уцелело лишь несколько экземпляров, причем зачастую при весьма необычных обстоятельствах. Один кодекс майя был найден кем-то с «наметанным глазом» в Париже в XIX веке возле камина, куда его собирались бросить на растопку.

Кроме того, древние языки Америки не умерли. Они даже возрождаются. Науатль (язык ацтеков) претендует стать государственным языком Мексики. Недавно на науатль

---

²¹⁵ *Папирус Артемидора* (середина I в. до н. э.) – первая известная нам карта эпохи греко-римского владычества в Египте, содержит текст второй из 11 книг греческого географа Артемидора с незавершенным рисунком карты нижней части Пиренейского полуострова. С 2006 г. папирус выставлен в Египетском музее в Турине. (Прим. О. Акимовой.)

²¹⁶ *Рукописи Мертвого моря* – то же, что Кумранские рукописи. См. прим. 31. (Прим. О. Акимовой.)

²¹⁷ *Шлиман*, Генрих (1822–1890) – немецкий археолог, открывший местонахождение Трои и проводивший в ней раскопки. (Прим. О. Акимовой.)

перевели «В ожидании Годо»²¹⁸. Я уже попросил отложить для меня экземпляр «оригинального» издания.

Ж.-Ф. де Т.: Можно ли вообразить, что завтра будет найдена книга, о существовании которой мы еще не знаем?

Ж.-К. К. : Вот вам совершенно невероятная история. Ее главный герой – Поль Пеллио²¹⁹, французский археолог и лингвист, молодой исследователь начала XX века. Это был необычайно одаренный лингвист, почти как Шампольон веком ранее. Он работал с немецкой экспедицией в Западном Китае в районе Дуньхуан, на одном из шелковых путей. С давних времен от погонщиков верблюдов было известно, что в этом районе существуют пещеры, в которых находятся статуи Будды и множество других предметов древности.

В 1911 году Пеллио и его коллеги обнаружили пещеру, которая оставалась замурованной начиная с X века нашей эры. Они провели переговоры с китайским правительством и вскрыли ее. Оказалось, что в ней хранятся семьдесят тысяч рукописей, относящихся к периоду до X века! Некоторые считают, что это самая великая археологическая находка XX века. Целая пещера безвестных книг! Представьте, что мы вдруг попадаем в закрытый зал Александрийской библиотеки, где все уцелело! Наверное, Пеллио – если у него был наметанный глаз – испытал нечто подобное, необыкновенную радость. С какой частотой билось его сердце? На одной фотографии он сидит среди стопок древних текстов при свете свечи, счастливый как бог.

Он проводит три недели в пещере среди этих сокровищ и классифицирует их. Вскоре он откроет два умерших языка, в числе которых – древний пехлеви, староперсидский язык. Также он обнаруживает единственный имеющийся у нас манихейский текст, написанный – на китайском языке – самими манихейцами, а не их противниками, текст, по которому моя жена Нахаль написала диссертацию. Мани называется в нем «Будда света». А также множество других невероятных документов, тексты всех культурных традиций. Пеллио удалось убедить китайское правительство с согласия жителей Китая продать около двадцати тысяч этих рукописей. Сегодня они составляют фонд Пеллио в Национальной библиотеке. Перевод и изучение этих рукописей продолжаются.

Ж.-Ф. де Т.: Тогда такой вопрос: можно ли представить, что еще будет открыт какой-нибудь неизвестный шедевр?

У. Э. : Один итальянский автор афоризмов говорил, что нельзя быть великим болгарским поэтом. Сама по себе мысль эта как будто проникнута презрением к малым нациям. Вероятно, он хотел высказать одну из следующих идей – или обе вместе (вместо Болгарии он мог бы назвать любую из маленьких стран): во-первых, даже если великий поэт и был, его язык недостаточно известен, а значит, наши с ним дороги никогда не пересекутся. Так что если «великий» означает «знаменитый», то можно быть хорошим поэтом и не быть знаменитым. Однажды я был в Грузии, и мне сказали, что их национальная поэма «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели – это величайший шедевр. Верю, но она не имела такого резонанса, как пьесы Шекспира! Во-вторых, чтобы выработать сознание, способное мыслить во всемирном масштабе, надо, чтобы страна оказалась в центре великих исторических событий.

---

²¹⁸ «В ожидании Годо» («En attendant Godot», 1952) – пьеса Сэмюэля Беккета. (Прим. О. Акимовой.)

²¹⁹ *Поль Пеллио* (1878–1945) – французский востоковед, специалист по истории Китая, истории даосизма, буддизма и иностранных религий в Китае. Во время экспедиции 1905–1908 гг. он исследовал около 500 пещер храмового комплекса Могао. Французские ученые обнаружили там десятки тысяч рукописей на китайском, санскрите, уйгурском и тибетском языках. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Сколько Хемингуэев родилось в Парагвае? Возможно, от рождения они были способны создать великое по своей оригинальности и силе произведение, но они не сделали этого. Они были не в состоянии это сделать, потому что не умели писать, или потому, что не было издателя, которого бы заинтересовало их творчество. А может, они даже не знали, что могут писать, что могут быть «писателями».

У. Э. : В «Поэтике» Аристотель называет около двадцати трагедий, неизвестных нам. Истинная проблема состоит в следующем: почему только произведения Софокла и Еврипида дошли до нас? Были ли они лучшими, наиболее заслуживающими того, чтобы войти в историю? Или их авторы плели интриги, чтобы получить одобрение своих современников и задвинуть конкурентов, то есть тех, кого называет Аристотель, чтобы именно их имена вошли в историю?

Ж.-К. К. : Не забывайте, что и некоторые произведения Софокла утрачены. Были ли утраченные произведения лучше, чем те, что сохранились? Может быть, дошедшие до нас произведения предпочитала афинская публика, но они не были самыми интересными, для нас по крайней мере. Может быть, сегодня мы предпочли бы им какие-то другие. Кто решал, сохранять или не сохранять, переводить на арабский то произведение, а не это? Сколько было великих «авторов», о которых мы так ничего и не узнали? И тем не менее даже без книг их слава иногда бывает огромной. Здесь мы снова приходим к идее фантомности. Кто знает? Может быть, самый великий писатель тот, чьих произведений мы не читали. На вершине славы, наверное, может существовать только аноним. Мне неинтересно, кто писал злобные комментарии к произведениям Шекспира или Мольера: это глупый вопрос. Какая разница? Настоящий Шекспир исчезает в лучах славы Шекспира. Шекспир без своего творчества был бы никем. Творчество Шекспира без Шекспира все равно было бы творчеством Шекспира.

У. Э. : Возможно, на наш вопрос имеется ответ. Со временем в каждую книгу вкрапляются все те толкования, которые мы в нее привносим. Мы читаем Шекспира не так, как он писал. Наш Шекспир богаче, чем тот, которого читали его современники. Чтобы шедевр стал шедевром, достаточно, чтобы он приобрел известность, то есть впитал в себя все вызванные им толкования, которые сделают из него то, чем он является. Неизвестный шедевр не имел достаточно читателей, прочтений, толкований. В конце концов, можно сказать, что Библию породил Талмуд.

Ж.-К. К. : Каждое прочтение, конечно же, изменяет книгу, так же как изменяют ее и пережитые нами события. Великая книга всегда остается живой, она растет и стареет вместе с нами, но никогда не умирает. Время удобряет ее и трансформирует, тогда как неинтересные произведения проскальзывают мимо Истории и исчезают. Несколько лет назад в поезде я перечитывал «Андромаху» Расина. И вдруг мне попадает тирада, в которой Андромаха рассказывает своей служанке о кровавой Троянской битве: «О, эта ночь резни! О, ужас этой ночи! / Застлал он вечной тьмой моих любимых очи»²²⁰. После Освенцима мы иначе читаем эти строки. Молодой Расин уже тогда описал для нас геноцид.

У. Э. : Это история борхесовского Пьера Менара²²¹. Борхес придумал сюжет про писателя, который, проникнувшись историей и культурой Испании XVII века, отважился

---

²²⁰ Перевод И. Я. Шафаренко и В. И. Шора.

²²¹ *Это история борхесовского Пьера Менара.* – Имеется в виду рассказ Хорхе Луиса Борхеса (1899–1986) «Пьер Менар, автор "Дон Кихота"» (1939). (Прим. О. Акимовой.)

переписать «Дон Кихота». И он пишет «Дон Кихота», слово в слово повторяющего роман Сервантеса, но смысл романа изменяется, потому что фраза, сказанная сегодня, имеет иное значение, чем в те времена. И мы читаем ее по-другому, в том числе благодаря порожденным ею бесконечным прочтениям, ставшим неотъемлемой частью оригинального текста. У неизвестного шедевра не было такой счастливой возможности.

Ж.-К. К. : Шедеврами не рождаются, шедеврами становятся. Нужно добавить, что великие произведения влияют друг на друга через нас. Наверное, мы можем объяснить, насколько Сервантес повлиял на Кафку. Но мы можем также сказать – и Жерар Женетт²²² это ясно показал, – что Кафка повлиял на Сервантеса. Если я прочитаю сначала Кафку, а потом Сервантеса, Кафка невольно внесет коррективы в мое прочтение Сервантеса. Так же как наш жизненный путь, наш личный опыт, эпоха, в которую мы живем, получаемая нами информация – всё, даже наши домашние неурядицы и проблемы наших детей, всё влияет на наше прочтение старых текстов.

Время от времени мне случается открыть какую-нибудь книгу наугад. Так месяц назад я открыл «Дон Кихота», последнюю часть, которую читают меньше всего. Санчо, вернувшись со своего «острова», встречает одного из своих друзей по имени Рикоте – *converso*, то есть обращенного в христианство мавра, – которого королевским декретом (это исторический факт) высылают обратно в Африку, в Берберию. Страны этой он не знает, не говорит на ее языке и не соблюдает ее религиозных обрядов, поскольку он, как и его родители, родился в Испании и считает себя добрым христианином. Это удивительные страницы. Они рассказывают нам про нас прямо и просто: «Нигде не встречаем мы такого приема, какого постигшее нас несчастье заслуживает»²²³, – говорит этот персонаж. Вот вам авторитет, близость и актуальность каждой великой книги: мы ее открываем, и она говорит с нами о нас самих. Потому что с тех пор мы многое повидали в жизни, потому что наши воспоминания добавились, примешались к книге.

У. Э. : Тот же случай с «Джокондой». Да Винчи написал много других картин, которые, на мой взгляд, лучше, например «Мадонну в скалах» или «Даму с горностаем». Но «Джоконда» получила больше интерпретаций, которые, как слои осадочных пород, со временем покрывали это полотно, меняя его. Обо всем этом писал Элиот²²⁴ в своем эссе «Гамлет и его проблемы». «Гамлет» не является шедевром, это довольно бессвязная трагедия, в которой автору никак не удастся свести воедино различные начала. По этой причине она и стала загадкой, над которой не перестают биться. По своим литературным качествам «Гамлет» не является шедевром – он стал шедевром потому, что не поддается нашим интерпретациям. Иногда достаточно произнести несколько бессмысленных слов, чтобы войти в историю.

Ж.-К. К. : И быть открытым заново. Произведение идет сквозь время и словно ждет своего звездного часа. На телевидении меня спросили, не хочу ли я сделать адаптацию «Отца Горио». Я не перечитывал этот роман по меньшей мере лет тридцать. Как-то вечером я сел, чтобы пробежать его глазами. И не мог оторваться до трех или четырех часов утра – пока не

---

²²² *Жерар Женетт* (р. 1930) – французский литературовед, один из основных представителей структурализма. О влиянии Кафки на Сервантеса, а также о «Пьере Менаре» Борхеса Женетт рассуждает в I томе сборника «Фигуры» (гл. «Утопия литературы»). (Прим. О. Акимовой.)

²²³ Перевод Н. Любимова.

²²⁴ *Элиот*, Томас Стернз (1888–1965) – английский поэт, драматург и литературный критик. Представитель модернизма в поэзии. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1948 г. (Прим. О. Акимовой.)

прочел до конца. Я чувствовал в этих страницах такое биение, такую энергию стиля, что не мог оторвать от них взгляд. Как удалось Бальзаку, которому в момент написания книги было тридцать два года – он еще не был женат, не имел детей, – как ему удалось так скрупулезно, так жестоко, точно и правдиво разобрать отношения старика со своими дочерьми? Например, Горио рассказывает Растиньяку, живущему в том же пансионе, что вечером он собирается пойти посмотреть, как его дочери будут проезжать по Елисейским Полям. Он оплатил им кареты, лакеев и все, что могло бы способствовать их счастью. И, само собой, обеднел, полностью разорился. Боясь смутить их своим присутствием, он прячется, не подает им никакого знака. Ему достаточно слышать восхищенные комментарии тех, кто видит его дочерей, и говорит Растиньяку: «Мне бы хотелось быть той маленькой собачкой, которую дочки мои держат на коленях». Какое сокровище я нашел! Так что бывают открытия коллективные и бывают открытия личные, драгоценные открытия, которые каждый из нас может совершить, взяв вечером какую-нибудь подзабытую книжку.

У. Э. : Помню, в молодости я открыл для себя Жоржа де Латура²²⁵ и влюбился в него, удивляясь, почему его не считают гением того же уровня, что и Караваджо. Несколько десятилетий спустя Латура открыли заново, стали превозносить. Тогда он приобрел большую популярность. Порой достаточно организовать выставку (или переиздать книгу), чтобы вызвать такой внезапный прилив страсти.

Ж.-К. К. : Мы могли бы попутно затронуть другую тему: как некоторые книги сопротивляются уничтожению. Мы уже говорили о том, как испанцы вели себя по отношению к индейским цивилизациям. От индейских наречий, от их литературы до нас дошло в общей сложности лишь три кодекса майя и четыре кодекса ацтеков. Два из них нашлись чудом. Один, кодекс майя, в Париже, другой, ацтекский, во Флоренции – почему его и назвали «Codex Florentino». Может быть, есть такие хитрые, упрямые книги, которые хотели во что бы то ни стало выжить и однажды предстать перед нашим взором?

Ж.-Ф. де Т.: *Для тех, кто имеет точное представление о стоимости рукописей и ценных книг, они, вероятно, представляют собой серьезный соблазн? Недавно одного хранителя из Национальной библиотеки в Париже обвинили в похищении манускрипта, принадлежащего древнееврейскому фонду, за который он отвечал.*

У. Э. : Есть также книги, уцелевшие благодаря похитителям. Ваш вопрос напомнил мне историю Джироламо Либри, одного флорентийского графа XIX века, великого математика, ставшего французским гражданином. Как выдающийся и весьма уважаемый ученый он был назначен чрезвычайным уполномоченным по спасению рукописей, являющихся национальным достоянием. Он ездил по всей Франции, от монастырей до муниципальных библиотек, и действительно занимался тем, что спасал от горькой доли ценнейшие документы и ценные книги. Его труд приветствовался принявшей его страной до тех пор, пока не обнаружилось, что он похитил тысячи бесценных документов и книг. И вот ему грозит судебное преследование. Все представители французской культуры от Гизо²²⁶ до Мериме подписывают манифест в защиту бедняги Джироламо Либри, яростно отстаивая чистоту его репутации. Выступают и итальянские интеллектуалы. В защиту этого несчастного, несправедливо обвиненного человека разворачивается безупречная кампания.

---

²²⁵ Жорж де Латур (1593–1652) – французский живописец. Был знаменит при жизни, затем забыт и вновь открыт в 1915 г. Сегодня считается одним из наиболее выдающихся живописцев XVII в. (Прим. О. Акимовой.)

²²⁶ Гизо, Франсуа (1787–1874) – французский историк, критик, политический и государственный деятель. (Прим. О. Акимовой.)

Его продолжают защищать даже тогда, когда у него дома находят тысячи документов, в похищении которых его обвиняли. Вероятно, он, как те европейцы, что находили в Египте разные предметы, считал вполне естественным взять их себе. Если только он не хранил у себя эти документы с тем, чтобы впоследствии их классифицировать. Дабы избежать судебного процесса, Джироламо Либри бежит в Англию, где доживает остаток жизни, запятнанный грандиозным скандалом. Но с тех пор не открылось ни одного факта, который позволил бы установить, был он все-таки виновен или нет.

Ж.-Ф. де Т.: Книги, о существовании которых нам известно, но никто их не видел и не читал... Неизвестные шедевры, обреченные оставаться в тени... Бесценные рукописи, похищенные или почти тысячу лет ожидающие своего часа в глубине какой-нибудь пещеры... Но что можно сказать о произведениях, которые вдруг перестают принадлежать одному писателю и начинают приписываться другому? Был ли Шекспир автором пьес Шекспира? Был ли Гомер Гомером? И т. д.

Ж.-К. К. : Вспомнил по поводу Шекспира. Я был в Пекине сразу после Культурной революции. Завтракал в отеле, просматривая «Чайна тудей», газету на английском языке. В то утро из семи колонок на первой странице пять были посвящены сенсационному событию: некие эксперты в Англии обнаружили, что некоторые произведения Шекспира ему не принадлежат. Я быстро прочитываю и понимаю, что на самом деле спорными считаются всего несколько строк, к тому же не самых интересных и разбросанных по нескольким пьесам.

Вечером я ужинал с двумя синологами и поделился с ними своим недоумением. Как такая бородатая новость по поводу Шекспира могла занять чуть ли не всю первую полосу «Чайна тудей»? На что один из синологов мне сказал: «Не забывайте, что вы находитесь в стране мандаринов, то есть в стране, где письменность на протяжении долгого времени связана с властью и имеет первостепенное значение. Когда что-то происходит с самым великим писателем на Западе, а может быть, и в мире, это стоит пяти колонок на первой полосе».

У. Э. : Исследования, посвященные доказательству или опровержению подлинности произведений Шекспира, бесчисленны. У меня собрана неплохая коллекция, по крайней мере из наиболее известных. Спор этот носит название «The Shakespeare – Bacon controversy»²²⁷. Однажды я написал шуточный текст о том, что, если бы все произведения Шекспира были написаны Бэконом, ему некогда было бы писать собственные, которые, стало быть, написал Шекспир.

Ж.-К. К. : У нас во Франции те же проблемы с Корнелем и Мольером, о чем мы уже говорили. Кто автор произведений Мольера? Кто, если не Мольер? Когда я изучал классическую филологию, один профессор в течение четырех месяцев излагал нам «гомеровский вопрос». Вывод его был таков: «Теперь мы знаем, что гомеровские поэмы, вероятно, были написаны не Гомером, а его внуком, которого также звали Гомер». С тех пор дела продвинулись: сегодня специалисты сходятся в том, что «Илиада» и «Одиссея», без сомнения, написаны разными авторами. Так что, похоже, версия с внуком Гомера отвергнута навсегда.

Во всяком случае, наличие родственных связей между Корнелем и Мольером позволяет вообразить самые разнообразные сценарии. Мольер управлял театром, в котором были служащие, режиссер, актеры, люди, постоянно с ним общавшиеся. Но имелись и такие сферы, где его деятельность была скрыта от посторонних глаз, например финансы. Таким

---

²²⁷ «Спор по поводу Шекспира и Бэкона» (англ.).

образом, можно предполагать, что самое главное было скрыто от всех и что Корнель приносил ему тексты по ночам, завернувшись в длинный черный плащ. Удивительно, что никто в то время этого не заметил. Но легковёрность побеждает правдоподобие. Перед нами снова абсурдная теория заговора. Некоторые никак не могут принять мир таким, какой он есть. Не имея возможности его переделать, им во что бы то ни стало нужно его переписать.

У. Э. : Необходимо, чтобы с актом творчества была связана какая-то тайна. Этого требует публика. Иначе как Дэн Браун зарабатывал бы на жизнь? Со времен Шарко²²⁸ мы прекрасно знаем, откуда у истерика возникают стигматы, но мы по-прежнему поклоняемся Падре Пио²²⁹. То, что Корнель – это Корнель, банально. Но вот если Корнель не только Корнель, но и Мольер, интерес удваивается.

Ж.-К. К. : Что касается Шекспира, необходимо напомнить, что при жизни очень немногие его пьесы были опубликованы. Спустя долгое время после его смерти английские ученые объединились в группу, чтобы составить первое полное издание его произведений, вышедшее в 1623 году, которое считается оригинальным и называется «Folio». Бесспорно, величайшее сокровище. Интересно, сохранилось ли хоть сколько-то экземпляров этого издания?

У. Э. : Я видел три экземпляра в Библиотеке Фольгера²³⁰ в Вашингтоне. Да, они есть, но не на антикварном рынке. История про одного книготорговца и «Folio» 1623 года рассказана мной в «Таинственном пламени царицы Лоаны». Это мечта любого коллекционера – завладеть Библией Гутенберга или «Folio» 1623 года. Но на рынке, как мы уже сказали, больше нет Библий Гутенберга, все они хранятся в крупных библиотеках. Две из них я видел в Библиотеке Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, впрочем, одна неполная. Я трогал одну из таких Библий, напечатанных на веленовой бумаге, с цветными буквицами (то есть все заглавные буквы были раскрашены вручную), в Библиотеке Ватикана. Если не считать Ватикан Италией, то в Италии нет ни одной Библии Гутенберга. Последний в мире из известных экземпляров был продан двадцать лет назад одному японскому банку, если мне не изменяет память, за три или четыре миллиона тогдашних полновесных долларов. Никто не может сказать, за какую цену будет сегодня предложена такая Библия, если она когда-нибудь возникнет на антикварном книжном рынке. Каждый коллекционер мечтает найти старушку, у которой в каком-нибудь старом шкафу хранится Библия Гутенберга. Старушке девяносто пять лет, она больна. Коллекционер предлагает ей за эту старую книгу двести тысяч евро. Для нее это целое состояние, которое позволит ей безбедно закончить жизнь. Но тут же возникает вопрос: когда вы принесете эту Библию домой, что вы будете с ней делать? Либо вы ничего никому не рассказываете, и это все равно что в одиночку

---

²²⁸ Шарко, Жан-Мартен (1825–1893) – французский врач-психиатр, учитель Зигмунда Фрейда, специалист по неврологическим болезням, заложил основания нового учения о психогенной природе истерии. (Прим. О. Акимовой.)

²²⁹ Падре Пио или Пио из Пьетрельчины, в миру Франческо Форджоне (1887–1968) – католический святой, итальянский монах-капуцин. В 1918 г. у падре Пио на руках и теле образовались стигматы – раны в местах расположения ран распятого Христа, – которые не исчезли до самой смерти. Поначалу Ватикан с недоверием относился к стигматам падре Пио, но в конце концов признал их сверхъестественное происхождение. При жизни падре Пио пользовался огромной славой среди паломников, в 2002 г. был канонизирован, а с 2008 г. его мощи выставлены для поклонения. (Прим. О. Акимовой.)

²³⁰ Библиотека Фольгера (Шекспировская библиотека Фольгера, Folger Shakespeare Library) – независимая научная библиотека в Вашингтоне. В ней собрана самая большая коллекция печатных изданий Шекспира, в том числе редких материалов периода 1500–1750 гг. (Прим. О. Акимовой.)

смотреть комедию. Вам не смешно. Либо вы начинаете всем об этом рассказывать и немедленно мобилизуете воров со всего света. От отчаяния вы дарите ее мэрии вашего города. Ее положат в надежное место, и у вас и ваших друзей будет возможность лицезреть ее сколько душе угодно. Но вы не сможете подняться ночью с постели и потрогать ее, погладить. Тогда какая разница: владеть Библией Гутенберга или не владеть?

Ж.-К. К. : В самом деле. Какая разница? Иногда меня посещает еще одна мечта, или скорее грёза. Как будто я вор, забираюсь в дом, где дремлет великолепная коллекция старинных книг, но у меня с собой мешок, в который вместится только десяток. Ну, еще две-три можно рассовать по карманам. Значит, необходимо выбирать. Я открываю книжные шкафы. На выбор у меня всего десять-двенадцать минут, поскольку в полицейском участке уже могла сработать сигнализация... Мне ужасно нравится такая ситуация: вторгнуться в закрытое, защищенное пространство некоего коллекционера, которого я представляю себе богатым, парадоксально невежественным и непременно гадким типом. Настолько гадким, что иногда он позволяет себе разрезать экземпляр какой-нибудь редчайшей книги, чтобы продать ее по листочку. У одного моего друга есть такая страница из Библии Гутенберга.

У. Э. : Если бы я разрезал и искалечил некоторые из своих книг с гравюрами, я заработал бы в сто раз больше, чем то, что я за них заплатил.

Ж.-К. К. : Людей, которые вот таким образом разрезают книги, чтобы продать из них гравюры, называют «casseurs»²³¹. Это отъявленные враги библиофилов.

У. Э. : Я знал в Нью-Йорке одного книготорговца, который продавал старинные книги только таким образом. «Я занимаюсь демократическим вандализмом, – говорил он мне. – Покупаю неполные экземпляры и разрезаю их. Вам же никогда не купить "Нюрнбергскую хронику" целиком, верно? А я продам вам страницу за десять долларов». Но правда ли, что он разрезал только неполные копии? Мы этого никогда не узнаем. К тому же он уже умер. Между коллекционерами и книготорговцами существует договор, по которому коллекционеры обязуются не покупать отдельные страницы, а книготорговцы не продавать их. Но есть гравюры, вырванные из книг (с тех пор утраченных) сто – двести лет тому назад. Как устоять перед соблазном вставить красивую картинку в рамочку? У меня есть цветная карта Коронелли²³², совершенно изумительная. Откуда она взята? Я не знаю.

Своими знаниями о прошлом мы обязаны кретинам, имбецилам либо врагам

Ж.-Ф. де Т.: Ведете ли вы с прошлым какой-то диалог посредством старинных книг, которые вы коллекционируете? Являются ли они для вас свидетельством прошлого?

У. Э. : Я уже говорил, что собираю только книги, имеющие отношение к явлениям ошибочным, ложным. Стало быть, эти книги не являются бесспорными свидетельствами. Тем не менее, даже если они врут, из них мы можем кое-что узнать о прошлом.

Ж.-К. К. : Попробуем представить себе эрудита XV века. У этого человека есть одна-две сотни книг, некоторые из них сохранились и поныне. Кроме того, у него на стенах

---

²³¹ «Разрушители» (фр.).

²³² *Коронелли*, Винченцо Мария (1650–1718) – итальянский историк, географ, космограф, энциклопедист и издатель оригинальных глобусов. (Прим. О. Акимовой.)

висят пять-шесть гравюр с изображениями Иерусалима, Рима, гравюр весьма несовершенных. О мире он имеет отдаленные и туманные представления. Если он хочет действительно узнать мир, ему приходится путешествовать. Книги – это прекрасно, но в них недостаточно информации, и, как вы сказали, зачастую она оказывается ложной.

У. Э. : Даже в «Нюрнбергской хронике», иллюстрированной истории мира от его сотворения до 1490-х годов, одна и та же гравюра иногда используется несколько раз, представляя различные города. Это говорит о том, что типограф больше заботился об иллюстративной части, нежели об информативной.

Ж.-К. К. : Вместе с моей женой мы собрали коллекцию, которую можно было бы назвать «Путешествие в Персию». Самые ранние произведения из этой коллекции относятся к XVII веку. Одна из первых и наиболее известных книг принадлежит перу Жана Шардена²³³, датирована она 1686 годом. Другой экземпляр той же книги, опубликованный сорок лет спустя, издан in-octavo, то есть в малом формате и в нескольких томах. В девятом томе есть складная вставка с изображением развалин Персеполя²³⁴, которая в развернутом виде имеет в длину, наверное, метра три: гравюры приклеены друг к другу. И этот подвиг повторялся для изготовления каждого экземпляра! Невероятный труд.

Тот же текст был перепечатан в XVIII веке с теми же гравюрами, а затем еще сто лет спустя, как будто за два века Персия не претерпела никаких изменений. Когда на дворе эпоха романтизма и во Франции ничто уже не напоминает о веке Людовика XIV, изображение Персии в книгах по-прежнему остается таким же. Как будто она застыла в некоей серии картинок, как будто она не способна изменяться: подобное решение принадлежало издателю, и оно на самом деле отражает точку зрения тогдашней исторической науки и культуры в целом. До самого XIX века во Франции в качестве научных трудов продолжают издаваться книги, напечатанные двумястами годами раньше!

У. Э. : Книги порой содержат ошибки. Но иногда все дело в наших заблуждениях или бредовых интерпретациях. В 60-е годы я написал одну шуточную статью (опубликованную в «Минимум-дневнике»)²³⁵, Я нарисовал в ней цивилизацию будущего, представители которой обнаруживают на дне озера титановый ящик с документами, схороненный Бертраном Расселом. Эти документы относятся к тем временам, когда Рассел организовывал антиядерные демонстрации, когда мы все были буквально одержимы угрозой ядерного уничтожения – гораздо больше, чем теперь (это не значит, что угроза стала меньше, скорее наоборот, просто мы к ней привыкли). Но в действительности в этих спасенных документах, говорилось в статье, были тексты популярных песенок. Тогда филологи будущего пытаются воссоздать нашу исчезнувшую цивилизацию на основе этих песенок, которые они рассматривают как вершину поэзии нашего времени.

Впоследствии я узнал, что эта моя статья обсуждалась на семинаре по греческой филологии: исследователи задались вопросом, не имеют ли фрагменты из греческих поэтов, над которыми они работают, как раз подобное происхождение.

---

²³³ Жан Шарден (1643–1713) – французский писатель и путешественник. В 1686–1711 гг. в Амстердаме опубликовал «Путешествия шеваля Шардена в Персию и другие страны Востока» («Voyages de monsieur le chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l’Orient»). (Прим. О. Акимовой.)

²³⁴ Персеполь – древнеперсидский город, основанный в VI–V вв. до н. э., столица империи Ахеменидов. (Прим. О. Акимовой.)

²³⁵ «Минимум-дневник» («Diario minimo», 1963) – сборник, озаглавленный по названию рубрики в журнале «Верри», где Эко выступал с разнообразными пародийными заметками, иронически осмысляя идеи, которые серьезно рассматривались на страницах журнала. (Прим. О. Акимовой.)

В самом деле, никогда не стоит воссоздавать прошлое на основе лишь одного источника. Впрочем, временная дистанция делает некоторые тексты непроницаемыми для любых интерпретаций. У меня на этот счет есть прекрасная история. Лет двадцать назад НАСА или какая-то другая американская правительственная организация задумалась, где именно следует захоранивать ядерные отходы, которые, как известно, сохраняют радиоактивность на протяжении где-то десяти тысяч лет – в общем, речь идет об астрономических цифрах. Вопрос состоял в том, что, если они и найдут где-нибудь территорию для захоронения, то неизвестно, какого рода предупредительными знаками нужно ее окружить, чтобы запретить к ней доступ.

Разве мы за две-три тысячи лет не растеряли ключи к текстам на многих языках? Если через пять тысяч лет человечество исчезнет и на землю высадятся пришельцы из далекого космоса, то как объяснить им, что на какие-то территории заходить нельзя? Эксперты поручили лингвисту и антропологу Тому Себеоку²³⁶ разработать некую форму коммуникации, чтобы обойти эти трудности. Изучив все возможные варианты, Себеок пришел к выводу, что не существует ни одного языка, даже пиктографического, понятного вне той среды, в которой этот язык зародился. Мы не можем с уверенностью интерпретировать доисторические рисунки, найденные в пещерах. Даже идеографический язык не может быть до конца понятным. По мнению Себеока, единственное, что тут можно сделать, это создать религиозные общины, которые бы распространяли в своей среде такое табу: «Это не трогать» или «Этого не есть». Табу может передаваться от поколения к поколению. У меня же возникла другая идея, но НАСА мне не платило, поэтому я оставил ее при себе. Идея в том, чтобы хоронить эти радиоактивные отходы так, чтобы первый слой был сильно разбавленным, то есть слабо радиоактивен, второй более радиоактивен, третий еще сильнее и так далее. Если по неосторожности наш пришелец запустит в эти отходы руку – ну, или что там у него вместо руки, – он потеряет лишь одну фалангу. Если он будет копать дальше, то может потерять палец. Но наверняка он не станет упорствовать.

Ж.-К. К. : Первые ассирийские библиотеки были найдены тогда, когда мы еще ничего не знали о клинописи. И снова встает вопрос об угрозе гибели. Что спасать? Что передавать и как передавать? Как можно быть уверенным, что язык, на котором я сейчас говорю, будет понятен завтра и послезавтра? Невозможно представить себе культуру, которая бы не задавалась этим вопросом. Вы говорите о ситуации, когда все лингвистические коды будут утрачены, а языки станут мертвыми и непонятными. Но мы также можем вообразить себе и обратное. Если сегодня я нарисую на стене граффити, не имеющее никакого смысла, завтра найдется кто-нибудь, утверждающий, что он его расшифровал. Я целый год развлекался, придумывая различные виды письма. Уверен, что завтра кто-то сможет найти в них какой-то смысл.

У. Э. : Естественно – потому что ничто не порождает столько толкований, как бессмыслица.

Ж.-К. К. : Или столько бессмыслиц, сколько порождают толкования. В это внесли свой вклад сюрреалисты, которые пытались сблизить слова, не имеющие между собой ничего общего, чтобы возник какой-то новый смысл.

У. Э. : То же самое мы наблюдаем в философии. Философия Бертрانا Рассела не породила столько интерпретаций, сколько философия Хайдеггера. Почему? Потому что Рассел совершенно ясен и понятен, тогда как Хайдеггер темен. Я не говорю, что один был

---

²³⁶ *Томас Себеок* (1920–2001) – американский лингвист, специалист по семиотике. Распространил область семиотики на сигнальные и коммуникативные системы, не относящиеся к человеку, например, именно ему принадлежит термин «зоосемиотика». (Прим. О. Акимовой.)

прав, а другой неправ. Что до меня, то я не доверяю обоим. Но когда Рассел говорит глупость, он говорит это ясно, а если Хайдеггер произносит какую-нибудь банальность, нам трудно это заметить. Значит, чтобы остаться в истории, чтобы не кануть в небытие, нужно выражаться темно. Об этом знал уже Гераклит²³⁷...

Небольшое отступление: вы знаете, почему досократики писали только фрагментами?

Ж.-К. К. : Нет.

У. Э. : Дело в том, что они жили среди развалин. Если без шуток: многие из этих фрагментов дошли до нас лишь благодаря комментариям к ним, написанным порой спустя много веков. Большая часть наших знаний о философии стоиков – интеллектуальном явлении, значение которого мы, возможно, еще плохо понимаем, – является заслугой Секста Эмпирика²³⁸, который в своих трудах оспаривал их идеи. Точно так же, многие досократические фрагменты дошли до нас через труды Аэция²³⁹, который был полным имбецилом. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать его свидетельства. Так что сомнительно, чтобы его труды в точности передавали нам дух досократической философии. Стоит упомянуть и о галлах, вышедших из-под пера Цезаря, и о германцах в описании Тацита²⁴⁰. Какие-то вещи об этих народах известны нам благодаря свидетельствам их врагов.

Ж.-К. К. : То же самое мы могли бы сказать и о еретиках, о которых нам известно от Отцов Церкви.

У. Э. : Это практически то же самое, как если бы мы знали философию XX века исключительно сквозь призму энциклик Ратцингера²⁴¹.

Ж.-К. К. : Меня когда-то очаровал один персонаж, Симон Волхв²⁴². Я даже посвятил ему книгу. Хотя он был современником Христа, о нем известно только по «Деяниям Апостолов», то есть от тех, кто объявил его еретиком и обвинял в так называемой «симонии», другими словами, в приписываемом ему намерении купить у святого Петра волшебную силу Иисуса. Вот и все, что мы о нем знаем, или почти все. Но кто он был на

---

²³⁷ *Гераклит* Эфесский (544–483 до н. э.) – древнегреческий философ-досократик. До нас дошло единственное его сочинение «О природе». (Прим. О. Акимовой.)

²³⁸ *Секст Эмпирик* (начало II в.) – древнегреческий врач и философ, представитель классического античного скептицизма. (Прим. О. Акимовой.)

²³⁹ *Аэций* (I или II в. до н. э.) – философ-перипатетик, автор труда под названием «Placita philosophorum», в котором он излагает мнения и воззрения древних философов (так называемая «доксография»). (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁰ ...о галлах, вышедших из-под пера Цезаря, и о германцах в описании Тацита. – Имеются в виду «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря и «Германия» Тацита. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴¹ *Иозеф Алоиз Ратцингер* (р. 1927) – мирское имя Бенедикта XVI, папы римского с 2005 г. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴² *Симон Волхв* – современник апостолов, основатель существовавшей до III в. гностической секты симониан. По мнению древних христианских писателей (Иустин, Иринея, Ипполит, Тертуллиан и пр.), Симон Волхв был родоначальником гностицизма и всех церковных ересей. В 1993 г. Ж.-К. Карьер написал роман «Симон Волхв». (Прим. О. Акимовой.)

самом деле? За ним следовали ученики, говорили, что он творит чудеса. Он не мог быть тем жалким шарлатаном, каким его пытались выставить враги.

У. Э. : О богомилах²⁴³ и павликианах²⁴⁴ со слов их врагов известно, что они поедали детей. Но то же самое говорили и о евреях. Все враги – неважно, чьи это враги – всегда пожирали детей.

Ж.-К. К. : Большая часть наших знаний о прошлом, почерпнутых чаще всего из книг, доходит до нас благодаря кретинам, имбецилам либо фанатичным врагам. Это все равно, как если бы прошлое бесследно исчезло, и мы восстанавливали его лишь по произведениям тех литературных безумцев, тех невероятных гениев, о судьбе которых подробно написал Андре Блавье²⁴⁵.

У. Э. : Один из персонажей моего «Маятника Фуко» спрашивает себя, а нельзя ли отнести тот же вопрос к евангелистам. Может быть, Иисус говорил совсем не то, что они до нас донесли?

Ж.-К. К. : Очень даже вероятно, что он говорил что-то совсем другое. Мы часто забываем, что самыми древними христианскими текстами, которыми мы располагаем, являются «Послания апостола Павла». Евангелия были написаны позже. Однако личность Павла, истинного автора христианства, противоречива. Как полагают, он вел весьма оживленные споры с Иаковом, братом Иисуса, по поводу обрезания, что в те времена было фундаментальной проблемой. Дело в том, что Иисус и Иаков после смерти своего брата продолжали посещать Храм. Они оставались иудеями. Это Павел отделил христианство от иудаизма и обратился к «язычникам», то есть к неевреям. Это он был отцом-основателем.

У. Э. : Разумеется, будучи человеком необычайного ума, он понял, что нужно продать христианство римлянам, если хочешь придать словам Иисуса широкий резонанс. Именно по этой причине в традиции, идущей от Павла, а значит, и в Евангелиях, Пилат, конечно, выглядит трусом, однако вины на нем нет. Выходит, истинными виновниками смерти Иисуса были евреи.

Ж.-К. К. : И Павел, вероятно, понял, что ему не удастся продать Иисуса евреям в качестве нового, единственного бога, поскольку иудаизм был в те времена религией молодой, сильной, даже воинственной, как и все новообращенные, тогда как греко-римская

---

²⁴³ *Богомилы* (от имени болгарского священника Богомила) – название еретического движения в христианстве X–XV вв., которое появилось на Балканах (Болгария) и оказало влияние на французских катаров. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁴ *Павликиане* (предположительно от имени апостола Павла) – одно из наиболее значительных по размаху и последствиям еретических движений, зародившееся в VII в. в Армении и получившее широкое распространение в VIII–IX вв. в Малой Азии и в европейских владениях Византийской империи. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁵ *Андре Блавье* (1922–2001) – бельгийский эрудит, литературный критик, искусствовед и поэт. Занимался изучением так называемых «литературных безумцев» («fous littéraires») – авторов, которым не удалось снискать признания ни у публики, ни у интеллектуалов, ни у критиков, ни у издателей, поскольку они, как правило, публиковались за свой счет, а сюжеты их книг считались странными или смешными. Изучение их произведений во Франции имеет давнюю традицию: ими занимался писатель Шарль Нодье и библиограф Гюстав Брюне, позднее – писатель Раймон Кено. В 1982 г. Блавье опубликовал книгу «Литературные безумцы» («Les Fous littéraires»), которая представляет собой энциклопедию «проклятых» писателей. (Прим. О. Акимовой.)

религия пребывала в полном упадке. Это не относится к самой римской культуре, которая продолжает методически трансформировать античный мир, упорядочивать его и навязывать народам тот *Pax Romana*²⁴⁶, что продлится еще многие века. Воинственная Америка Буша никогда не сможет, основываясь на вполне определенной, приемлемой для всех культуре, предложить другим странам мир такого рода.

У. Э. : Если уж говорить о бесспорных идиотах, необходимо упомянуть об американских телевизионных проповедниках. Достаточно беглого взгляда на американские телеканалы в воскресенье утром, чтобы понять всю глубину и серьезность проблемы. То, что представляет Саша Барон Коэн в фильме «Борат», очевидно, не является плодом его воображения. Помнится, в 60-е годы, чтобы преподавать в университете Орала Робертса в Оклахоме²⁴⁷ (Орал Робертс был одним из воскресных телепроповедников), надо было ответить на такие вопросы, как: «Do you speak in tongues?» («Вы говорите на языках?»), что подразумевало вашу способность говорить на языке, которого никто не знает, но все понимают, – феномен, описанный в «Деяниях Апостолов». Одного моего коллегу приняли, потому что он ответил: «Not yet» («Пока нет»).

Ж.-К. К. : Вообще-то, в США я присутствовал на многих таких службах с рукоположением, фальшивым исцелением, наигранным экстазом. Это довольно страшно. В какие-то моменты мне казалось, что я в сумасшедшем доме. В то же время я не думаю, что надо слишком тревожиться из-за подобных явлений. Я всегда говорю себе, что фундаментализм, интегризм²⁴⁸, религиозный фанатизм были бы опасны и даже очень опасны, если бы Бог существовал и если бы он вдруг встал на сторону этих разъяренных фанатиков. Но пока нельзя сказать, что он встал на сторону тех или других. Мне кажется, эти движения то вспыхивают, то затухают, поскольку они, понятное дело, лишены всякой сверхъестественной поддержки и изначально заражены вирусом бездарности. Опасность, может быть, в том, что американские неокреационисты²⁴⁹ в конце концов могут добиться того, чтобы «истины», содержащиеся в Библии, преподносились как научные, причем в школах, – это уже было бы регрессом. И они не единственные, кто хочет таким образом навязать свои взгляды. Лет пятнадцать назад, или больше, я был в Париже, на улице Розье, в раввинском училище, где «преподаватели» учили, что мир создан Богом чуть более шести тысяч лет назад и что остатки доисторических эпох были разбросаны в осадочных породах Сатаной, чтобы нас обмануть.

По-моему, с тех пор ничего не изменилось. Можно сравнить эти «учения» с учением святого Павла, подрывающим репутацию греческой науки. Вера всегда сильнее знания, мы можем удивляться по этому поводу или сожалеть, но это так. Однако было бы

---

²⁴⁶ *Pax Romana* (лат. Римский мир) – долгий и относительный мирный период в истории Римской империи и ее колоний. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁷ *Университет Орала Робертса в Оклахоме* – университет харизматического христианского движения был основан в 1963 г. якобы по велению самого Бога, который сказал (по-английски): «Build Me a University. Build it on My Authority, and on the Holy Spirit» («Воздвигните Мне университет. Воздвигните его Моею властью и именем Святого Духа»). (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁸ *Интегризм* – течение в современном католицизме, которое стремится поддерживать целостность (интегральность) веры, догмы и религиозных традиций. (Прим. О. Акимовой.)

²⁴⁹ *Неокреационисты* – приверженцы неокреационизма – направления, целью которого является восстановить креационизм (мировоззренческую концепцию, в которой мир рассматривается как непосредственно созданный Творцом или Богом), представив его в форме, приемлемой для широких общественных и научных кругов. (Прим. О. Акимовой.)

преувеличением говорить, что эти извращенные учения нарушают естественный ход вещей. Нет, все остается как прежде. Надо также помнить о том, что и Вольтер был учеником иезуитов.

У. Э. : Все великие атеисты вышли из семинарии.

Ж.-К. К. : И греческая наука, несмотря на то что ее пытались заставить замолчать, в конце концов восторжествовала. Пусть даже путь этой истины был усеян препятствиями, кострами, тюрьмами, а иногда и концлагерями.

У. Э. : Религиозное возрождение не совпадает с периодами обскурантизма – как раз наоборот. Оно расцветает во времена гипертехнологий, как сейчас, оно совпадает с периодами упадка великих идеологий, разложения нравственных устоев. В такие времена мы испытываем потребность во что-то верить. Именно в эпоху, когда Римская империя достигает наивысшего могущества, когда сенаторы щеголяют своими связями с проститутками и красят губы, христиане спускаются в катакомбы. Это скорее нормальные процессы восстановления равновесия.

Существует много всевозможных проявлений этой потребности в вере. Она может выражаться в том, что человек проявляет интерес к учению Таро или примыкает к движению нью-эйдж²⁵⁰. Давайте задумаемся о причинах возврата к полемике о дарвиновской теории, причем не только среди протестантских фундаменталистов, но и среди правых католиков (так сейчас происходит в Италии). Католическая церковь давным-давно оставила в покое теорию эволюции: со времен Отцов Церкви известно, что Библия говорит на метафорическом языке, следовательно, шесть дней Творения вполне могут соответствовать геологическим периодам. Книга Бытия очень дарвинистская. Человек появляется только после всех остальных животных, и создан он из глины. То есть он одновременно и плод земли, и вершина эволюции.

Единственное, чего желает верующий, это признания, что эволюция была не случайной, а стала результатом некоего «разумного замысла». Тем не менее нынешняя полемика касается не проблемы божественного замысла, а всего дарвинизма в целом. Таким образом, на наших глазах произошел регресс. Мы снова ищем в мифологии убежища от технологических угроз. К тому же этот синдром может принять форму коллективного поклонения такой личности, как Падре Пио!

Ж.-К. К. : Одно уточнение: мы как будто хотим обличить веру в том, что она источник всех преступлений. Но начиная с 1933 года, даты прихода к власти Гитлера, и до смерти Сталина двадцатью годами позже на нашей планете произошло около ста миллионов жестоких убийств – быть может, больше, чем за все другие войны в мировой истории. А нацизм и марксизм – это два атеистических монстра. Когда мир в изумлении очнулся после кровавой бойни, кажется совершенно нормальным вернуться к религии.

У. Э. : Однако нацисты кричали: «Gott mit uns» («С нами Бог») – и совершали языческие религиозные обряды! Когда атеизм становится государственной религией, как это было в Советском Союзе, уже нет никакой разницы между верующим и атеистом. Оба могут стать фундаменталистами, террористами. Когда-то я написал, что неверно считать, будто религия – опиум для народа, как писал Маркс. Опиум нейтрализует, успокаивает, усыпляет. Нет, религия – это кокаин для народа. Она будоражит толпу.

---

²⁵⁰ *Нью-эйдж* (англ. New Age, буквально «новая эра») – общее название совокупности различных мистических и эзотерических течений, сформировавшихся в XX в. Нью-Эйдж достиг наибольшего расцвета в 1970-е гг. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Скажем, смесь опиума и кокаина. Действительно, мусульманский фундаментализм сегодня, похоже, поднимает факел воинствующего атеизма, и в ретроспективе мы можем рассматривать марксизм и нацизм как две странные языческие религии. Но какие кровавые!..

Тщеславных ничто не остановит

Ж.-Ф. де Т.: *Прошлое доходит до нас искаженным всеми возможными способами, в особенности когда в этот процесс вмешивается глупость. Вы оба же настойчиво утверждали, что культура предпочитает запоминать лишь пики творения, оставляя без внимания почти все, что не могло бы стать предметом нашей гордости. Не могли бы вы привести примеры таких вот «других шедевров»?*

Ж.-К. К. : Мне сразу приходит на ум необычный трехтомный труд «Безумие Иисуса», в котором автор объясняет, что этот человек на самом деле был «физическим и умственным дегенератом». Автор, Бине-Сангле²⁵¹, был известным профессором медицины, свое эссе он опубликовал в начале XX века, в 1908 году. Прочитую несколько блестящих отрывков: «Демонстрируя симптомы хронической анорексии и кровавого пота, скоропостижно скончавшийся на кресте от потери сознания при глотании, усугубленной существующим левосторонним плевритным кровоизлиянием, очевидно, туберкулезного происхождения...» Автор уточняет, что Иисус был маленького роста, с недостаточным весом, он происходил из семьи виноделов, где употребляли много вина, и т. д. Короче, «вот уже тысяча девятьсот лет западное общество живет за счет ошибки в диагнозе». Исследование написано сумасшедшим, но серьезность его подхода не может не вызывать уважения.

Есть у меня и еще один перл. У одного французского прелата XIX века однажды случилось озарение: он решил, что атеисты вовсе не порочные и не дурные люди. Просто они сумасшедшие. Значит, лекарство простое: надо их помещать в больницы для атеистов и лечить – обливать холодной водой и каждый день заставлять читать по двадцать страниц из Боссюэ²⁵². Это вернет большинство из них к здоровой жизни.

Автор по фамилии Лефевр, человек, по-видимому, весьма одержимый, хотел представить свою книгу великим психиатрам того времени – Пинелю²⁵³, Эскиролю²⁵⁴, но те, разумеется, его не приняли. Я написал сценарий телефильма «Кредо», снятого двадцать пять лет назад Жаком Дерем²⁵⁵, в пику этому неистовому прелату, твердо решившему

---

²⁵¹ *Бине-Сангле*, Шарль (1868–1941) – французский военный врач-психиатр. Примечательно, что труды Бине-Сангле нашли продолжение в советской психиатрической науке. Так, в 1927 г. в журнале, имеющем полное название «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии), посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренности творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами», В. Я. Минцем была опубликована статья «Иисус Христос как тип душевнобольного». (Прим. О. Акимовой.)

²⁵² *Боссюэ*, Жак Бенинь (1627–1704) – знаменитый французский проповедник и богослов, писатель. В 1670 г. Людовик XIV назначил его воспитателем дофина (наследника престола), в этой должности Боссюэ руководил изданием «очищенной» библиотеки классиков «Ad usum Delphini». Особенностью издания стало исключение и «исправление» пассажей, которые могли быть сочтены излишне нескромными для детей и юношества. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵³ *Пинель*, Филипп (1745–1826) – знаменитый французский психиатр, один из основоположников современной психиатрии. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵⁴ *Эскироль*, Жан-Этьен (1772–1840) – французский врач-психиатр, ученик Пинеля, основатель современной системы лечебно-психиатрических учреждений во Франции. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵⁵ *Жак Дем* (1929–2003) – французский кинорежиссер, автор многих известных детективных лент с

изолировать и поставить под душ всех атеистов. В газете «Монд» я однажды прочел заметку о том, как один профессор истории в Киеве был арестован КГБ, допрошен, объявлен сумасшедшим и посажен за то, что верил в Бога. В сценарии я попытался вообразить этот допрос.

У. Э. : Здесь стоит копнуть поглубже. Работая над книгой о поисках совершенного языка²⁵⁶, я наткнулся на сумасшедших лингвистов, авторов бредовых теорий о происхождении языка, среди которых самыми забавными оказались националисты – по их мнению, язык их страны и был языком Адама. Так, по мнению Гийома Постеля²⁵⁷, кельты происходили от Ноя. Другие, испанские, утверждали, что кастильский язык восходит к Фувалу²⁵⁸, сыну Иафета. По Горопию Бекану²⁵⁹ все языки ведут свое происхождение от первоначального языка, которым являлся антверпенский диалект. Абрахам Милиус²⁶⁰ также доказал, как древнееврейский язык породил тевтонский, наиболее чистую форму антверпенского диалекта. Барон де Рикольт утверждал, что фламандский был единственным языком, на котором человечество говорило с колыбели. В том же XVII веке Георг Стирнхильм²⁶¹ в своем труде «De linguarum origine praefatio» наглядно доказывал, что готский язык, который, по его мнению, является древнорвежским, был источником всех известных языков. Шведский ученый Улоф Рудбек²⁶² в своей книге «Atlantica sive Mannheim vera Japheti posterorum sedes et patria» (три тысячи страниц!) утверждал, что Швеция была родиной Иафета, а шведский язык изначально был языком Адама. Один из современников Рудбека, Андреас Кемпе²⁶³, написал пародию на все эти теории, в которой

участием Алена Делона и Жана Поля Бельмондо («Борсалино», 1970; «Бассейн», 1969; «Полицейская история», 1975; «Банда», 1977 и др.). (Прим. О. Акимовой.)

²⁵⁶ См. У. Эко «Поиски совершенного языка в европейской культуре». СПб., Александрия, 2007.

²⁵⁷ *Гийом Постель* (1510–1581) – французский философ-мистик и гуманист XVI в., «эрудит-утопист», как назвал его У. Эко. Получил известность как комментатор и переводчик Каббалы, а также как создатель универсальной теократической концепции. В своем главном сочинении, трактате «О вселенском согласии» («De orbis terrae concordia», 1543), изложил теорию создания всемирной монархии, объединяющей все народы на основе материнского праязыка Адама и Евы, т. е. древнееврейского. Собрание народов, по мнению Постеля, должен осуществить французский монарх, т. к. «gallus» по-древнееврейски значит «победивший воды», следовательно, именно галлы (а вслед за ними и французы) являются истинными потомками Ноя. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵⁸ *Фувал* (или Тубал – ивр. «кузнец») – пятый сын Иафета, внук Ноя. (Прим. О. Акимовой.)

²⁵⁹ *Горопий Бекан*, Иоанн (1519–1572) – фламандский гуманист, философ и филолог, знаток еврейского, греческого, латинского и других языков, считал язык бельгов одним из древнейших и употреблявшимся еще до Потопа. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁰ *Абрахам Милиус* (1563–1637) – голландский теолог и филолог, автор научного труда «Lingua belgica» (1612). (Прим. О. Акимовой.)

²⁶¹ *Георг Стирнхильм* (1598–1672) – шведский ученый-лингвист и поэт, автор переводов античных стихов на шведский язык и трудов по лингвистике, среди которых «De linguarum origine praefatio» (1671). (Прим. О. Акимовой.)

²⁶² *Улоф Рудбек* (старший) (1630–1702) – шведский ученый-эрудит, изучал медицину, музыку, механику, искусства и древности. Написал трехтомное произведение «Атлантика или Манхейм» («Atlant eller Manheim, Atlantica sive Mannheim, vera Japheti posterorum sedes et patria», 1675–1698), в котором попытался доказать, что Швеция – это и есть платоновская Атлантида. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶³ *Андреас Кемпе* (1622–1689) – шведский философ и филолог, автор труда «Die Sprachen des Paradieses»

Бог говорит на шведском, Адам на датском, а Еву соблазняет змей, говорящий по-французски. Ну и, наконец, появился Антуан де Ривароль²⁶⁴, который, конечно, уже не заявлял, что французский – источник всех языков, зато писал, что французский – самый рациональный язык, потому что английский слишком сложен, немецкий слишком груб, итальянский слишком беспорядочен и т. д. После этого мы переходим к Хайдеггеру, который утверждал, что философия может говорить только по-гречески или по-немецки – и тем хуже для Декарта и Локка. Недавний пример – исследователи пирамид. Самый известный из них, Чарльз Пьяцци Смит²⁶⁵, шотландский астроном, обнаружил в пирамиде Хеопса все размеры вселенной. Этот жанр весьма обширен, а сегодня эстафету подхватил Интернет. Наберите слово «пирамида» в Интернете. Высота пирамиды, умноженная на миллион, равна расстоянию от Земли до Солнца; ее вес, умноженный на миллиард, соответствует весу Земли; длина четырех сторон, помноженная на два, дает одну шестидесятую градуса на широте экватора: то есть пирамида Хеопса соотносится с Землей в масштабе 1/43 200.

Ж.-К. К. : Это все равно, как некоторые задаются вопросом, не был ли, например, Миттеран реинкарнацией Тутмоса II²⁶⁶.

Ж.-Ф. де Т.: *То же самое со стеклянной пирамидой в Лувре: утверждают, будто она покрыта 666 стеклянными квадратами, несмотря на то что эта цифра регулярно опровергается авторами проекта и теми, кто там работают. Но правда и то, что Дэн Браун подтверждает эту цифру...*

У. Э. : Перечень глупостей можно продолжать бесконечно. Например, вам знаком знаменитый доктор Тиссо²⁶⁷ и его исследования по поводу мастурбации как причины слепоты, глухоты, dementia praecox и других недугов. Я бы добавил сюда произведение еще одного автора, имени которого не помню, о том, что сифилис – это опасная болезнь, ибо она может вызвать туберкулез.

В 1869 году некий Андриэ опубликовал книгу о вреде зубочисток. А некий господин Экошоар писал о различных техниках сажания на кол. Другой, по фамилии Фурнель²⁶⁸, в

(1688). (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁴ *Антуан де Ривароль* (1753–1801) – французский писатель, автор многочисленных «писем» и эссе. За его «Рассуждение о всеобщем характере французского языка» («Discours sur l'universalité de la langue française», 1784), находившееся в русле просвещенческих поисков «всемирного языка», он получил премию Королевской академии наук и искусств в Берлине, что принесло ему широкую известность. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁵ *Чарльз Пьяцци Смит* (1819–1900) – шотландский ученый, астроном королевского шотландского двора. Прославился теорией о связях пирамиды Хеопса с Библией и астрономией, опубликованной впервые в 1864 г. в книге «The Our Inheritance in the Great Pyramid». (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁶ *Тутмос II*, Аахеперенра – четвертый фараон Восемнадцатой династии Нового царства Египта, правивший в 1494–1490 гг. до н. э. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁷ *Тиссо*, Самуэль Огюст (1728–1797) – швейцарский медик. Автор основательных трудов по медицине. В частности, он описал практически все формы эпилепсии. По иронии судьбы, наибольшую известность получила его книга «Онанизм» («L'onanisme. Dissertation sur les maladies produites par la masturbation», 1759), вызвавшая огромный резонанс в Европе. (Прим. О. Акимовой.)

²⁶⁸ *Андриэ... Экошоар... Фурнель...* – см: Edmond Andrieu «Du Cure-dent et de ses inconvénients» («О зубочистке и ее отрицательных сторонах», 1869); Victor Fournel «Du rôle des coups de bâton dans les relations sociales et en particulier dans l'histoire littéraire» («О роли палочных ударов в общественных отношениях, в частности, в истории литературы», 1858). (Прим. О. Акимовой.)

1858 году написал о пользе наказания палками, приведя список знаменитых писателей и художников, которых били палками, от Буало до Вольтера и Моцарта.

Ж.-К. К. : Не забудьте про Эдгара Берийона²⁶⁹, члена Французской академии, который в 1915 году написал, что немцы испражняются обильнее, чем французы, и по объему их экскрементов можно даже сказать, в каких местах они побывали. Таким же образом путешественник может узнать, что он пересек границу, отделяющую Лотарингию от пфальцграфства, оценив размеры фекалий на обочине. Берийон говорит о «гипертрофированной потребности в опорожнении кишечника у немецкой расы». Это даже вынесено в заглавие одной из его книг.

У. Э. : Некий господин Шенье-Дюшен²⁷⁰ в 1843 году разработал систему перевода французского языка на иероглифы, чтобы он стал доступен всем народам. В 1779 году некий месть Шассеньон²⁷¹ написал четырехтомник, озаглавленный «Нарывы воображения, разлитие графомании, литературная рвота, энциклопедическая геморрагия, парад уродов», – предоставляю вам самим вообразить его содержание (например, там есть похвала похвале и размышления о лакричном корне).

Наиболее любопытный феномен – это сумасшедшие, пишущие о сумасшедших. Гюстав Брюне²⁷² в «Литературных безумцах» (1880) не делает никакого различия между безумными произведениями и произведениями серьезными, но принадлежащими лицам, по-видимому, страдавшим психическими расстройствами. В его списке, весьма пикантном, есть не только Генрион²⁷³, который в 1718 году представил диссертацию о телосложении Адама, но и Сирано де Бержерак, Фурье, Ньютон, Эдгар По и Уолт Уитмен. В случае с Сократом он признает, что тот в действительности не был писателем, поскольку никогда не писал, но что тем не менее к разряду безумцев следует относить каждого, кто признается в наличии у него доброго гения (речь, очевидно, идет о мании).

В своей книге о литературных безумцах Блавье называет (среди тысячи пятисот наименований!) последователей новых космогонических теорий, гигиенистов, пропагандирующих хождение задом наперед, некоего Мадроль²⁷⁴, который разработал

---

²⁶⁹ *Эдгар Берийон* (1859–1948) – французский врач-невролог, специалист по гипнозу. Здесь имеется в виду его книга «La polychésie de la race allemande» («Преувеличенная потребность в опорожнении кишечника у немецкой расы», 1915). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁰ *Шенье-Дюшен* – имеется в виду книга «Французские иероглифы, или Применение фигуративного метода в начальном образовании» (С. Chesnier-Duchene, «Les Hiéroglyphes français, ou Méthode figurative appliquée à l'instruction primaire», 1843). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷¹ *Жан Мари Шассеньон* (1735–1795) – французский писатель-мистик, примыкал к Лионскому отделению тайного ордена иллюминатов. Здесь упоминается его книга «Cataractes de l'imagination, déluge de la scribomanie, vomissement littéraire, hémorragie encyclopédique, monstre des monstres» (1779).

²⁷² *Гюстав Брюне*, Пьер (1807–1896) – французский библиограф и издатель. Здесь упоминается его книга «Les Fous littéraires, essai bibliographique sur la littérature excentrique, les illuminés, visionnaires» (1880). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷³ *Генрион* – французский математик, который, опираясь на исследования древних единиц меры, проследил эволюцию роста человека. Согласно его расчетам, Адам имел 40 метров роста, а Ева – 38 метров. Позже рост людей начал уменьшаться. Так, Ной имел рост «всего» 33 метра. Авраам – только 9 метров, Моисей – 4 метра. Геркулес – 3 метра, Александр Великий – 194 см, а рост Юлия Цезаря составлял всего 162 см. (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁴ *Мадроль*, Антуан (1791–1861) – здесь упоминается его книга «Геология железных дорог, пара и огня»

теологию железных дорог, некоего Пассона²⁷⁵, опубликовавшего в 1829 году «Наглядное доказательство неподвижности Земли», и работу какого-то Тарди, который в 1878 году доказал, что Земля поворачивается вокруг своей оси за сорок восемь часов.

Ж.-Ф. де Т.: В «Маятнике Фуко» фигурирует издательский дом, который по-английски назвали бы «vanity press» – издательство, публикующее книги за счет автора. И это еще одно место, откуда берутся такие «другие шедевры»...

У. Э. : Да. Но это совсем не романная выдумка. До написания «Маятника Фуко» я опубликовал исследование о подобных издательствах. Вы отправляете свой текст в одно из этих издательств, и оно, не скупясь, расточает похвалы очевидным литературным достоинствам вашего произведения и предлагает его опубликовать. Вы взволнованы. Вам дают подписать договор, в котором указано, что вам надлежит оплатить издание вашей книги, в обмен на что издательство обязуется сделать все, чтобы книга получила множество газетных откликов и даже, почему бы нет, престижные литературные награды. В контракте не оговаривается, сколько экземпляров издатель должен отпечатать, но подчеркивается, что нераспроданные экземпляры будут уничтожены, «если остатки тиража не будут выкуплены автором». Издатель печатает триста экземпляров, сто из них предназначается автору, который раздает их друзьям и знакомым, а две сотни отправляются в газеты и журналы, которые тут же выбрасывают их на помойку.

Ж.-К. К. : При одном только взгляде на название издательства.

У. Э. : Однако у издательства есть свои доверенные журналы, в которых вскоре будут опубликованы хвалебные рецензии на эту «значительную» книгу. Чтобы завоевать восхищение своих близких, автор приобретает еще, допустим, сто экземпляров (издатель их быстренько допечатывает). К концу года автору сообщают, что продажи были не слишком успешными и что остатки тиража (который был, по словам издателя, десятитысячным) будут уничтожены. Сколько экземпляров из него вы желали бы выкупить? При одной мысли, что его драгоценный труд может быть истреблен, автор приходит в отчаяние. И покупает три тысячи экземпляров. Издатель тут же допечатывает три тысячи, которых раньше не существовало, и продает их автору. Предприятие процветает, так как издатель не несет ровно никаких расходов на распространение.

Другой пример «vanity press» (тут можно назвать огромное множество подобных публикаций) – это имеющаяся у меня книга под названием «Биографический словарь современных итальянцев». Принцип в том, что вы платите за то, чтобы ваше имя там фигурировало. Вот, например, «Павезе Чезаре, родился 9 сентября 1908 года в Санто Стефано Белбо, умер в Турине 26 августа 1950 года» с пометкой «переводчик, писатель». Всё. Затем целых две страницы посвящены некоему Паолици Деодато, о котором никто никогда не слышал. И среди этих знаменитых анонимов фигурирует, быть может, самый великий, некий Джулио Сер Джакоми: он издал книгу в 1500 страниц – свою переписку с Эйнштейном и Пием XII, книгу, в которой содержатся только письма, написанные автором тому и другому, потому что, по всей видимости, ни тот ни другой ни разу ему не ответили.

Ж.-К. К. : Я тоже выпустил одну книгу «за счет автора», но не надеялся ее продать –

(«Théologie des chemins de fer, de la vapeur et du feu»). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁵ Пассон, Феликс – оригинальное название его книги: «Démonstration de l'immobilité de la Terre» (1829). (Прим. О. Акимовой.)

книгу об актере Жане Карме²⁷⁶. Она была написана после его смерти и предназначалась для нескольких близких ему людей, я набрал ее на компьютере, прибегнув к помощи сотрудницы. Затем мы отдали ее в типографию, чтобы отпечатать в пятидесяти экземплярах и сброшюровать. В наше время кто угодно может «сделать» книгу. А вот продать ее – это совсем другое дело.

У. Э. : Один итальянский ежедневник, притом весьма серьезный, предлагает своим читателям издать их тексты по заказу за довольно символическую сумму. Только издатель не будет ставить свое имя на этой публикации, поскольку не желает быть ответственным за идеи автора. Наверное, такого рода работа может сократить деятельность «vanity press» но, вероятно, усилит активность тщеславных людей. Тщеславных ничто не остановит.

Но есть в этой истории и позитивный момент. Эти издательства анонимны подобно текстам, которые свободно циркулируют в Интернете и нигде больше не публикуются, а это – современная форма самиздата, то есть единственный способ распространения идей при диктатуре, позволяющий избежать цензуры. Все, кто раньше занимался самиздатом на свой страх и риск, теперь могут без особой опасности размещать свои тексты в Сети.

Впрочем, техника самиздата совсем не нова. Можно найти книги XVII века, изданные в городах вроде какого-нибудь Франкополиса, городах, разумеется, вымышленных. Иными словами, это книги, за которые авторов могли обвинить в ереси. Сознывая эту опасность, писатели и издатели печатали их подпольно. Если в вашей библиотеке есть книга того времени, на титульном листе которой не указано имя издателя, значит, вы имеете дело с подпольным изданием. Их было предостаточно. Максимум, что вы могли сделать при сталинской диктатуре, если были не согласны с мнением партии, это заняться самиздатом. Тогда ваш текст мог хоть как-то подпольно распространяться.

Ж.-К. К. : В Польше в 1981–1984 годах такие книги по ночам подсовывали под дверь.

У. Э. : В демократических обществах, где цензура в принципе не существует, аналогом этого может быть выкладывание текста, отвергнутого всеми издательствами, в Интернет. Я знаю молодых итальянских писателей, которые так и поступали. Некоторым из них этот способ принес удачу: какой-то издатель прочел их и позвал к себе.

Ж.-Ф. де Т.: *Такое впечатление, что мы можем полностью довериться безупречному чутью издателей. Однако это не так. Вот еще одна забавная или удивительная страница в истории книги. Быть может, стоит сказать об этом пару слов? Видят ли издатели дальше авторов?*

У. Э. : Мы уже убеждались, что издатели порой бывают достаточно глупыми и отвергают шедевры. Это еще одна глава в истории невежества. «Я, наверное, чего-то недопонимаю, но у меня в голове не укладывается, зачем этому господину нужно на тридцати страницах описывать, как он ворочается в кровати перед сном». Это первый отзыв о романе «В поисках утраченного времени» Пруста. А вот по поводу Моби Дика: «Не думаем, чтобы эта вещь пользовалась спросом на рынке детской литературы». Ответ Флоберу по поводу «Госпожи Бовари»: «Сударь, вы похоронили ваш роман в ворохе деталей, хорошо выписанных, но совершенно излишних». Эмили Дикинсон: «Сомневаюсь. Все рифмы неправильные». Ответ Колетт по поводу «Клодины в школе»²⁷⁷: «Не удастся

---

²⁷⁶ Жан Карме (1920–1994) – французский актер. Играл в основном второстепенные комические роли, в частности, был партнером Пьера Ришара по фильмам «Высокий блондин в черном ботинке» и «Возвращение высокого блондина» (роль Мориса). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁷ «Клодина в школе» (1900) – полуавтобиографический роман французской писательницы Колетт (полное

продать и десяти экземпляров». Джорджу Оруэллу по поводу повести «Скотный двор»: «Истории о животных в США будет невозможно продать». Касательно «Дневника» Анны Франк²⁷⁸: «Кажется, эта девушка не видит и не чувствует, как можно поднять эту книгу над уровнем обыкновенного курьеза». Но этим грешат не только издатели, есть еще голливудские продюсеры. Вот мнение одного «охотника за талантами» о первом выступлении Фреда Астера в 1928 году: «Он скверно играет, не умеет петь, и к тому же лысый. Может как-то выкарабкаться за счет танца». А вот по поводу Кларка Гейбла: «И куда мне девать парня с такими ушами?»

Ж.-К. К. : От этого списка и впрямь голова идет кругом. Попробуем вообразить, какую часть из всего, что было написано и опубликовано в мире, мы запомнили как нечто действительно прекрасное, волнующее, незабываемое, либо просто как список книг, стоящих быть прочитанными. Одну сотую? Одну тысячную? У нас слишком возвышенные представления о книге, мы охотно ее боготворим. Но на самом деле, если присмотреться, гигантскую часть наших библиотек составляют книги, написанные людьми совершенно бесталанными, откровенными кретинами или помешанными. Из двухсот или трехсот тысяч свитков Александрийской библиотеки, превратившихся в пепел, подавляющая часть наверняка была полнейшей чушью.

У. Э. : Не думаю, что в Александрийской библиотеке было столько книг. Мы всегда преувеличиваем объемы античных библиотек, мы об этом уже говорили. Доказано, что в самых известных библиотеках Средневековья содержалось не более четырехсот книг! Конечно, в Александрии их было больше, поскольку говорят, что во время первого пожара при Цезаре, когда огонь затронул лишь одно крыло здания, сгорело сорок тысяч свитков. Во всяком случае, нужно быть осторожнее, когда мы сравниваем наши библиотеки с античными. Производство папирусов невозможно сравнить с производством печатных книг. Чтобы создать один папирус или один единственный рукописный кодекс, требуется гораздо больше времени, чем чтобы напечатать огромное количество экземпляров одной книги.

Ж.-К. К. : Но Александрийская библиотека – это очень амбициозный проект, государственная библиотека, которую никак нельзя сравнивать с частной библиотекой какого-нибудь, пусть даже великого, короля или с монастырской библиотекой. Александрию скорее можно сравнить с Пергамом, библиотека которого тоже сгорела. Возможно, удел каждой библиотеки – когда-нибудь быть сожженной.

Ж.-Ф. де Т.: Но мы теперь знаем, что огонь уничтожает не только шедевры.

Ж.-К. К. : И это, как нам кажется, может служить утешением. Большинство исчезнувших книг неинтересны, тем не менее среди них можно было бы найти несколько вполне занимательных и в известном смысле поучительных. Чтение подобных книг всегда было хорошим развлечением. Другие же внушали тревогу за душевное здоровье их авторов. Существовали и плохие книги: исполненные агрессии, ненависти, оскорблений, призывающие к насилию, к войне. И впрямь страшные книги. Символы смерти. Если бы мы были издателями, стали бы мы издавать «Mein Kampf»²⁷⁹?

имя: Сидони Габриэль Колетт, 1873–1954). (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁸ «Дневник» Анны Франк – записи, которые вела еврейская девочка Анна Франк (1929–1945) с 1942 по 1944 г. в период нацистской оккупации Нидерландов. Впервые издан в Нидерландах в 1947 г. На основе дневника создано несколько художественных произведений. (Прим. О. Акимовой.)

²⁷⁹ «Mein Kampf» («Моя борьба») – автобиографическая книга, написанная Адольфом Гитлером в 1925–1926 гг. и излагающая принципы национал-социализма. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : В некоторых странах существуют законы, направленные против отрицания Холокоста. Но есть разница между правом не публиковать книгу и правом уничтожить уже опубликованную книгу.

Ж.-К. К. : Вдова Селина, например, всегда препятствовала переизданию «Безделиц для погрома»²⁸⁰. В какой-то период, помню, эту книгу было невозможно найти.

У. Э. : Для моей антологии «История уродства» я выбрал отрывок из «Безделиц» по поводу уродства еврея с точки зрения антисемита, но, когда издатель попросил у держателя прав разрешение на перепечатку, вдова ему отказала. И тем не менее эту книгу можно найти в Интернете в полной версии – разумеется, на нацистском сайте.

Я рассказывал о сумасшедших, настаивающих на хронологическом первенстве своих национальных языков. Но вот вам, пожалуйста, еще один кандидат, который в свое время постулировал истины наполовину верные, наполовину сомнительные. Во всяком случае, его считали еретиком, и он чудом избежал костра. Я говорю об авторе «Prae-Adamitae» Исааке де ла Пейрере²⁸¹, французском протестантском писателе XVII века. Он утверждал, что миру не шесть тысяч лет, как написано в Библии, потому что в Китае были найдены родословные, доказывающие, что мир существует дольше. Поэтому миссия Христа, пришедшего искупить первородный грех человека, касалась лишь иудейского средиземноморского мира, но не других миров, которые не были затронуты первородным грехом. Это похоже на те проблемы, что поднимались либертинами²⁸² по поводу множественности миров. Если гипотеза о множественности миров верна, то как объяснить тот факт, что Иисус Христос пришел на Землю, а не куда-нибудь еще? Если только не вообразить, что он был распят на множестве планет...

Ж.-К. К. : Когда мы с Бунюэлем снимали «Млечный путь»²⁸³, фильм, иллюстрирующий христианские ереси, я придумал сцену, которая нам очень понравилась, но слишком дорого стоила и поэтому не вошла в фильм. Где-то с сильным грохотом приземляется летающая тарелка, открывается кабина пилота. Оттуда вылезает зеленое существо с антеннами и потрясает крестом, к которому прибито такое же зеленое существо с антеннами.

Чтобы не заходить так далеко, вернусь на мгновение к испанским конкистадорам. Высадившись в Америке, они задались вопросом: почему здесь никто и никогда не слышал о христианском Боге, об Иисусе, Спасителе? Разве Христос не сказал: «Итак, идите и учите все народы»? Не мог же Бог ошибаться, когда просил своих учеников учить новой истине всех

---

²⁸⁰ «Безделицы для погрома» («Bagatelles pour un massacre») – откровенно антисемитский памфлет французского писателя Луи-Фердинанда Селина (1894–1961), изданный в 1937 г. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸¹ Исаак де ла Пейрер (1594–1676) – французский кальвинистский (гугенотский) богослов. Автор книги «Преадамиты» («Systema theologicum, ex Prae-Adamitarum hypothesi», 1655), в которой он предположил, что Адам был праотцом лишь еврейского народа, а родоначальники других народов были созданы отдельно. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸² Либертины – «вольнодумцы», сторонники либертинизма – возникшей в XVII в. философии, которая отрицала общепринятые в обществе нормы. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸³ «Млечный путь» – «La Voie lactée», фильм Л. Бунюэля (1968), рассказывающий о паломничестве к могиле святого Иакова в Сантьяго-де-Компостелла. (Прим. О. Акимовой.)

людей. Отсюда логическое заключение: эти существа не люди. Как сказал Сепульведа²⁸⁴, «Бог не захотел видеть их в своем царстве». Чтобы как-то все же доказать принадлежность американских индейцев к роду людскому, некоторые даже изобретали фальшивые кресты, которые якобы были найдены у них и которые якобы подтверждали, что христианские апостолы побывали на этом континенте раньше, чем испанцы. Но подлог был изобличен.

Похвала глупости

Ж.-Ф. де Т.: Итак, вы оба, если не ошибаюсь, являетесь поклонниками глупости...

Ж.-К. К. : Преданными поклонниками. Она может на нас рассчитывать. Когда в 60-е годы мы с Ги Бештелем издали «Словарь глупости», выдержавший множество переизданий, мы спросили себя: «Зачем привязываться только к истории разума, шедевров, великих памятников мысли?» Глупость, столь дорогая сердцу Флобера, кажется нам не только гораздо более распространенным явлением – это само собой, – но и более плодотворным, более разоблачающим и, в известном смысле, более честным». Мы написали вступление, которое озаглавили «Похвала глупости»²⁸⁵. Мы даже предлагали давать «уроки глупости».

Весь идиотизм, написанный по поводу негров, евреев, китайцев, женщин, великих художников, кажется нам неизмеримо более показательным, нежели заумные аналитические рассуждения. Когда монсеньор де Келен²⁸⁶, человек весьма реакционных взглядов, в эпоху Реставрации заявляет с кафедры собора Парижской Богоматери перед аудиторией, состоящей из аристократов, большинство из которых вернулись из эмиграции во Францию: «Иисус Христос был не только Сын Божий, но и по линии матери происходил из благороднейшей семьи», – это говорит нам о многом, причем не только о самом ораторе, что представляет лишь относительный интерес, но об обществе и о умонастроениях того времени.

Мне также вспоминается такой перл, произнесенный Хьюстоном Стюартом Чемберленом²⁸⁷, известным антисемитом: «Любой, кто считает, что Иисус был евреем, или невежда, или невежа».

У. Э. : Тем не менее мне бы хотелось, чтобы мы пришли к какому-нибудь определению. Для нашей темы это имеет особенное значение! В одной из своих книг я провел различие между имбецилом, кретином и дураком²⁸⁸. Кретин нас не интересует. Это тот, кто подносит ложку ко рту вместо рта, тот, кто не понимает, что ему говорят. С ним все ясно. А вот имбецильность – это социальное качество, вы даже можете назвать его по-другому, поскольку для некоторых «дурак» и «имбецил» – одно и то же. Имбецил – это человек,

---

²⁸⁴ *Сепульведа*, Хуан Хинес де (ок. 1490–1573) – богослов, гуманист, придворный историограф испанского короля Карла V, автор сочинения «О справедливых причинах войны против индейцев» (1547). (Прим. О. Акимовой.)

²⁸⁵ «*Похвала глупости*» (1509) – известная сатира Эразма Роттердамского (1466–1536). (Прим. О. Акимовой.)

²⁸⁶ *Де Келен*, Гиасент-Луи (1778–1839) – парижский архиепископ в 1825–1839 гг. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸⁷ *Хьюстон Стюарт Чемберлен* (1855–1927) – английский писатель, социолог, философ. Скандальную известность ему принесла работа «Основы XIX века» («Die Grundlagen des neunzehnten Jahrhunderts», 1899), в которой последовательно проводится расовый подход в исторических событиях. (Прим. О. Акимовой.)

²⁸⁸ *В одной из своих книг я провел различие между имбецилом, кретином и дураком.* – Речь идет о романе «Маятник Фуко», гл. 10. (Прим. О. Акимовой.)

который говорит то, чего не следует говорить в данный момент. Он невольно совершает бестактные поступки. Дурак не таков, его недостаток проявляется не в социальном, а в логическом плане. На первый взгляд, он рассуждает правильно. Трудно сразу распознать, что именно в его речи не стыкуется. И именно поэтому он опасен.

Приведу пример. Дурак скажет: «Все жители Пирея – афиняне. Все афиняне – греки. Значит, все греки – жители Пирея». У вас возникает подозрение, что что-то не так, потому что вы знаете, что среди греков есть, например, спартанцы. Но вы не можете наглядно показать, где и как он ошибся. Для этого вам нужно знать все правила формальной логики.

Ж.-К. К. : По-моему, дурак не просто заблуждается. Он громко заявляет о своем заблуждении, провозглашает его, хочет, чтобы все о нем услышали. Даже удивительно то, как громко глупость выражает свои мысли. «Теперь нам известно из достоверных источников, что...» – и дальше следует невероятная чушь.

У. Э. : Вы совершенно правы. Если упорно провозглашать на весь свет общеизвестную, банальную истину, она тут же становится глупостью.

Ж.-К. К. : Флобер говорил, что глупость – это желание делать выводы²⁸⁹. Глупец хочет сам прийти к окончательным и бесповоротным решениям. Он хочет навсегда закрыть вопрос. Но эта глупость, которую в некоторых кругах принимают за истину, является для нас, глядящих сквозь призму времен, необычайно поучительной. История прекрасного и разумного, которой мы ограничиваем свое образование или, скорее, которой другие ограничили наше образование, как мы уже сказали, есть лишь малая часть летописи человечества. Быть может, следует создать в дополнение к истории уродства – впрочем, вы этим уже занимаетесь – всеобщую историю заблуждений и невежества.

У. Э. : Мы говорили об Аэции и о том, как он пересказал труды досократиков. Без сомнения, этот тип был дураком. Что же касается глупости, то после всего сказанного вам и мне представляется, что она не то же самое, что тупоумие. Скорее это то, как распоряжаются тупоумием.

Ж.-К. К. : С высокомерием и, нередко, помпезностью.

У. Э. : Можно быть дураком, но при этом не совсем глупцом. Дураком по стечению обстоятельств.

Ж.-К. К. : Да, но тогда из глупости не сделаешь профессии.

У. Э. : За счет глупости можно даже существовать, это правда. В вашем примере слова о том, что Иисус по материнской линии происходил из «благороднейшей семьи», по-моему, не являются полностью тупоумными – просто потому, что это правда с точки зрения библейского толкования. Мне кажется, мы с вами решительно принимаем сторону имбецильности. Я могу сказать, что кто-то происходит из хорошей семьи. Я не стану говорить того же об Иисусе Христе, потому что это все же не так важно по сравнению с тем, что он сын Бога. Так что Келен сказал правду с исторической точки зрения, но совсем некстати. Имбецил всегда говорит не подумав.

Ж.-К. К. : Мне пришла на ум еще одна цитата: «Я не имею благородного

---

²⁸⁹ ...глупость – это желание делать выводы. – Из письма Флобера к Луи Буйе (1850). (Прим. О. Акимовой.)

происхождения. А вот мои дети – да». Если только автор не юморист, вот вам, по крайней мере, один самодовольный имбецил. Вернемся к монсьёру де Келену. Речь ведь идет о парижском архиепископе, придерживавшемся, конечно, весьма консервативных взглядов, но имевшем на тот момент во Франции огромный нравственный авторитет.

У. Э. : Тогда давайте скорректируем наше определение. Глупость – это когда своим тупоумием распоряжаются со спесью и настойчивостью.

Ж.-К. К. : Да, неплохо. Мы могли бы также украсить нашу беседу цитатами, заимствованными у тех (а таковых немало), кто старался подорвать авторитет людей, которых мы считаем ныне великими писателями и художниками. Хула всегда звучит гораздо громче, чем похвала. Это необходимо признать и понять. Настоящий поэт прокладывает себе дорогу сквозь шквал ругательств. Пятую симфонию Бетховена называли и «гремучей похабщиной», и «закатом музыки». При этом мы сейчас даже не догадываемся, какими прославленными именами украшались эти гирлянды из ругательств, висевшие на шее Шекспира, Бальзака, Гюго и т. д. Даже сам Флобер говорил о Бальзаке: «Каким человеком был бы Бальзак, если бы умел писать».

Кроме того, есть глупость патриотическая, милитаристская, националистская, расистская. Если любопытно, можете посмотреть в «Словаре глупости» статью, посвященную евреям. Эти цитаты скорее говорят не о ненависти, а о простой глупости. О злобной глупости. Например: евреи имеют естественную склонность к деньгам. Доказательство: если у еврейской матери трудные роды, достаточно потрясти перед ее животом серебряными монетами, чтобы еврейский ребенок появился из чрева, протягивая ручки. Это написано в 1888 году неким Фернаном Грегуаром²⁹⁰. Написано и опубликовано. А Фурье, который говорил, что евреи – «чума и холера на теле общества»? А сам Прудон, который записал в своих дневниках: «Эту расу надо сослать обратно в Азию или уничтожить»? Это «истины», высказываемые людьми, зачастую считающими себя деятелями науки. «Истины», от которых мурашки бегут по спине.

У. Э. : Диагноз: тупоумие или кретинизм? Случай эпифании имбецильности (в том смысле, в каком я ее понимаю) описывается Джойсом, когда он рассказывает об одном разговоре с мистером Skeffingtonом²⁹¹: «Я узнал, что ваш брат умер», – говорит Skeffington. «Ему было всего десять лет», – отвечают ему. Skeffington говорит: «Все равно печально».

Ж.-К. К. : Глупость и заблуждение часто бывают близки. Именно любовь к глупости всегда привлекала меня в ваших исследованиях о лжи. Вот два пути, замалчиваемых системой образования со всей строгостью. Каждая эпоха имеет, с одной стороны, свои истины, а с другой стороны, свои общепризнанные проявления имбецильности, чудовищной имбецильности, но образование старается внушить нам, передать нам только эти истины. В некотором смысле, глупость отфильтровывается. Да, есть вещи «политически корректные» и «разумно корректные» – иными словами, правильный образ мыслей. Хотим мы того или нет.

У. Э. : Лакмусовая бумага позволяет определить, что перед нами – кислота или щелочь. Нужна такая лакмусовая бумага, которая позволяла бы установить в каждом из этих случаев,

---

²⁹⁰ Фернан Грегуар – имеется в виду его книга Евреи Алжира («Lajuiverie algérienne», 1888). (Прим. О. Акимовой.)

²⁹¹ Skeffington, Френсис (1878–1916) – реальный персонаж, знакомый Джойса, вошедший не только в его «Эпифании» (1901–1903), но и ставший прототипом Маккана в «Улиссе» и в «Портрете художника в юности». (Прим. О. Акимовой.)

с кем мы имеем дело – с дураком или имбецилом. Но, возвращаясь к вашему сопоставлению глупости и лжи: ложь не всегда является проявлением тупоумия или имбецильности. Порой она – просто-напросто заблуждение. Птолемей искренне верил, что Земля неподвижна. Он заблуждался, поскольку у него не было научных данных. А может быть, завтра мы обнаружим, что Земля не вращается вокруг Солнца, и тогда мы отдадим должное прозорливости Птолемея.

Поступать неискренне значит говорить не то, что считаешь правдой. Но заблуждаемся мы всегда искренне. И потому заблуждения пронизывают всю историю человечества, впрочем, это и к лучшему, иначе мы были бы богами. Исследуемое мной понятие «лжи» на самом деле весьма тонкое. Есть ложь, которая является результатом имитации чего-то, считающегося оригиналом, и которая должна сохранять совершенное тождество со своей моделью. Между оригиналом и подделкой будет некая неразличимость, в лейбницевском смысле²⁹². Заблуждение здесь состоит в приписывании истинности тому, что заведомо является ложным. Есть ложные рассуждения Птолемея, который, будучи искренним, ошибался. Но это не значит, что он хотел заставить нас поверить, что Земля неподвижна, в то время как каждому известно, что она вращается вокруг Солнца. Нет. Птолемей действительно считал, что Земля неподвижна. Фальсификация не имеет ничего общего с тем, что мы с высоты нашего опыта расцениваем, в случае с Птолемеем, как просто ошибочное знание.

Ж.-К. К. : Внесу уточнение, которое никак не упростит нам задачу поиска определения: Пикассо признавался, что сам может подделать Пикассо. Он даже хвалился, что лучше всех в мире подделывает Пикассо.

У. Э. : Кирико²⁹³ тоже признавался, что написал несколько подделок под Кирико. Должен признаться, я тоже как-то написал подделку под Эко. Один итальянский сатирический журнал подготовил специальный номер «Коррьере делла Сера» о прибытии на Землю марсиан. Разумеется, это была подделка. Меня попросили написать фальшивую статью от моего имени в форме пародии на Умберто Эко.

Ж.-К. К. : Это способ освободиться от себя самого, своей плоти, своей материи. А может, и от своего разума.

У. Э. : Но прежде всего это способ подвергнуть себя критике, выявить свои штампы: ведь именно собственные штампы мне необходимо воспроизвести, чтобы «подделаться под Эко». Так что подделывать самого себя – весьма полезное упражнение.

Ж.-К. К. : То же самое можно сказать и о нашем исследовании глупости, которое заняло несколько лет. Это был долгий период, в течение которого мы с Бештелем упорно читали только самые плохие книги. Мы дотошно штудировали библиотечные каталоги и уже по одним лишь названиям могли представить, какое сокровище нас ждет. Когда вы находите в списке название вроде «О влиянии велосипеда на правила хорошего тона», можно быть уверенным, что это то самое.

---

²⁹² ...некая неразличимость, в Лейбницевском смысле. – Имеется в виду «принцип тождества неразличимых» (Principium identitatis indiscernibilium), сформулированный философом и математиком Г. В. Лейбницем (1646–1716). Согласно этому принципу, не существует полностью тождественных вещей, поскольку в этом случае они были бы одной и той же вещью; отсюда следует, что неразличимые вещи тождественны. (Прим. О. Акимовой.)

²⁹³ Кирико, Джорджо де (1888–1978) – итальянский художник, близкий сюрреализму, основоположник движения так называемой «метафизической живописи». (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : Проблема возникает тогда, когда эта дурасть вторгается в вашу жизнь. Как я уже говорил, я посвятил исследование сумасшедшим, публиковавшимся в «Вэнити пресс», и, по-моему, было очевидно, что их идеи я излагаю с иронией. Однако некоторые из них не заметили этой иронии и слали мне письма где благодарили за то, что я принял их идеи всерьез. То же самое произошло с «Маятником Фуко», где высмеивались «глашатаи» истины: в некоторых из них это вызвало неожиданный прилив энтузиазма. До сих пор мне звонит (правда, моя жена или секретарша не передают мне трубку) некий Великий Магистр Тамплиеров.

Ж.-К. К. : Прочитую вам, просто смеха ради, письмо, опубликованное в нашем «Словаре глупости» – вы поймете зачем. Мы нашли его в «Ревю де миссон апостолик»²⁹⁴ (да, мы читали и такое). Один священнослужитель благодарит своего корреспондента за то, что тот прислал ему волшебную воду, которая оказала на «больного» весьма благотворное, но «не сознаваемое им» воздействие. «Я поил его этой водой в течение девяти дней, хотя он об этом и не догадывался, и тогда он, четыре года находившийся между жизнью и смертью, четыре года сопротивлявшийся мне с отчаянным упрямством и богохульствовавший так, что дрожь пробирала, после девятидневных молитв тихо испустил дух с чувством сожаления тем более утешительным, что этого никак нельзя было от него ожидать».

У. Э. : Нам трудно решить, к какой категории относится этот человек: к кретинам, дуракам или имбецилам, поскольку эти категории являются идеальными типами, Idealtypen²⁹⁵, как сказали бы немцы. Однако в большинстве случаев в одном человеке перемешаны все три типа. Реальность гораздо сложнее, чем эта типология.

Ж.-К. К. : Я много лет не занимался этими вопросами, но в очередной раз поразился тому, насколько исследование глупости стимулирует мысль. Не только потому, что оно ставит под сомнение сакральность книги, но и потому, что наглядно демонстрирует нам, что все время от времени способны изрекать глупости. Мы постоянно готовы ляпнуть какую-нибудь ерунду. Например, процитирую вам такое изречение, принадлежащее, между прочим, Шатобриану²⁹⁶. Говоря о Наполеоне, которого он недолюбливает, автор пишет: «В военных баталиях он действительно непобедим, в остальном же любой генерал его обойдет».

Ж.-Ф. де Т.: Не могли бы вы подробнее рассказать о вашем общем пристрастии ко всему, что заставляет человека осознавать свою ограниченность и свои несовершенства? Не является ли это скрытым выражением сострадания к человеку?

Ж.-К. К. : В определенный момент моей жизни, лет в тридцать, когда я завершил высшее образование и постиг основы гуманитарных наук, что-то во мне переключилось. В 1959–1960 годах я воевал рядовым в Алжире... И там я вдруг осознал абсолютную ненужность, даже ничтожность всего, чему меня учили. В то время я прочел несколько книг о колонизации, это были тексты, исполненные такой глупости и такой ненависти, о каких я и понятия раньше не имел, тексты, никогда раньше не попадавшие мне на глаза. Я начал

---

²⁹⁴ «Revue des Missions apostoliques» – «Журнал апостольских миссий».

²⁹⁵ *Idealtypen* – «идеальный тип» – понятие, введенное немецким социологом Максом Вебером (1864–1920). (Прим. О. Акимовой.)

²⁹⁶ ...изречение, принадлежащее, между прочим, Шатобриану. – Цитируется памфлет Шатобриана «О Бонапарте и Бурбонах» («De Buonaparte et des Bourbons») от 30 марта 1830 г. (Прим. О. Акимовой.)

говорить себе, что нужно сойти с протоптанной тропинки, исследовать окрестности – пустыри, кустарники, даже болота. Ги Бештель, со своей стороны, проделал тот же путь, что и я. Мы познакомились на подготовительном курсе в Эколь Нормаль²⁹⁷.

У. Э. : Мне кажется, что мы с вами, хотя и очень по-разному, настроены на одну волну. В тексте, который вы попросили меня написать в качестве заключения для вашей энциклопедии «Смерти и бессмертия»²⁹⁸, я сказал, что для того, чтобы принять идею собственного конца, необходимо убедить себя в том, что все, кто остается после нас, глупцы, и не стоит больше проводить с ними время. Это парадоксальный способ высказать истину, состоящую в том, что на протяжении всей своей жизни мы культивировали великие добродетели человечества. Человек – существо исключительно необычное. Он научился добывать огонь, построил города, написал великолепные стихи, дал миру различные толкования, создал мифологические образы и т. д. Но в то же время он непрерывно воевал с себе подобными, совершал ошибки, уничтожал природу и т. д. Похоже, баланс между духовной добродетелью и низменной глупостью остается нулевым. Так что, говоря о глупости, мы в некотором смысле отдаем должное этому полугению-полуидиоту. Стоит нам приблизиться к смерти, как в нашем с вами случае, и мы начинаем думать, что глупость берет верх над добродетелью. Очевидно, это наилучший способ утешиться. Если водопроводчик приходит чинить протекающий кран в ванной, берет с меня кучу денег, а после его ухода обнаруживается, что кран по-прежнему течет, я утешаю себя, говоря жене: «Он кретин, иначе он не чинил бы протекающие краны, тем более так плохо, а преподавал семиологию в Болонском университете».

Ж.-К. К. : Первое, что для себя открываешь, изучая глупость, – это то, что ты сам имбецил. А как же иначе. Нельзя безнаказанно считать других имбецилами, не отдавая себе отчета в том, что их глупость и есть то зеркало, в котором мы сами отражаемся. Зеркало вечное, точное и верное.

У. Э. : Давайте не будем впадать в софизм Эпименида²⁹⁹, говорившего, что все критяне лжецы. Поскольку он критянин, он лжец. Если дурак говорит вам, что все вокруг дураки, тот факт, что он сам дурак, не значит, что он говорит неправду. Если же он скажет, что все остальные дураки, «как и он», он проявит тем самым свой ум. Значит, он не дурак. Ведь что всю жизнь стараются забыть о том, что они дураки.

Есть опасность впасть и в другой софизм, высказанный Оуэном: все дураки, кроме нас с вами. Впрочем и вы, в сущности, если подумать...

Ж.-К. К. : У нас с вами извращенный ум. Книги, которые мы с вами коллекционируем, явственно свидетельствуют о головокружительных масштабах нашего извращенного воображения. Бред и безумие отличить от глупости особенно трудно.

У. Э. : Еще один пример глупости, который приходит мне на ум, – это случай

---

²⁹⁷ *Эколь Нормаль* (Ecole normale supérieure) – высшая педагогическая школа во Франции, готовит преподавателей вузов и научных работников в области гуманитарных, экономических и естественных наук. (Прим. О. Акимовой.)

²⁹⁸ «La Mort et l'immortalité» – «Смерть и бессмертие. Энциклопедия знаний и верований», под ред. Фредерика Ленуара и Жана-Филиппа деТоннака, изд-во «Байар», 2004. (Прим. автора)

²⁹⁹ *Эпименид* (VII–VI вв. до н. э.) – древнегреческий жрец, философ и провидец. Его стих о лживости критяна, процитированный в Новом Завете у апостола Павла в «Послании к Титу», издавна приводится в трудах по логике как пример «логического круга». (Прим. О. Акимовой.)

Нойхауса³⁰⁰, автора памфлета о розенкрейцерах, написанного примерно в 1623 году, в те времена, когда во Франции спорили: существуют розенкрейцеры или нет. «Один тот факт что они скрывают от нас свое существование, является доказательством их существования», – утверждает автор. Доказательство их существования в том, что они отрицают свое существование.

Ж.-К. К. : Это аргумент, который я, похоже, готов принять.

Ж.-Ф. де Т.: *А могли бы мы рассматривать глупость как старое зло, побороть которое помогут доступные всем новые технологии? Вы подписались бы под таким позитивным прогнозом?*

Ж.-К. К. : Мне не хотелось бы смотреть на нашу эпоху с пессимизмом. Это слишком просто, об этом кричат на каждом углу. И все же... Прочитую вам ответ Мишеля Серра одному журналисту, который спрашивал, не помню уже в связи с чем, его мнение о решении построить Асуанскую плотину. Был создан комитет, в который вошли инженеры-гидравлики, специалисты-технологи, бетонщики, может быть, даже экологи, но среди них не было ни философа, ни египтолога. Мишеля Серра это удивило. А журналиста удивляло его удивление. «Зачем нужен философ в таком комитете?» – спросил он. «Он заметил бы отсутствие египтолога», – ответил Мишель Серр.

В самом деле, зачем нужен философ? Не кажется ли вам, что этот ответ удивительным образом связан с нашей нынешней темой, с глупостью? В каком возрасте и как мы должны встречаться с глупостью, пошлостью, идиотским и жестоким упрямством, составляющими хлеб наш насущный и с которыми нам приходится жить? Во Франции идет своего рода полемика – у нас идет полемика о чем угодно – относительно того, с какого возраста можно начинать знакомство с философией. Сейчас философию начинают изучать в последних классах лицея. Но почему не раньше? И почему бы не знакомить детей с антропологией, дающей представление о культурном релятивизме?

У. Э. : Невозможно поверить, что в самой философской стране мира, в Германии, философия не преподается в школе. Зато в Италии под влиянием историцизма немецких философов-идеалистов создан трехгодичный курс введения в историю философии, совершенно отличный от того, что преподается во Франции, где скорее учат философствованию. Мне кажется, полезно кое-что знать о том, как думали философы от досократиков до наших дней. Единственное, чем рискует наивный студент, – это решить, что тот, кто думает последним, тот и прав. Но я не знаю, как влияет на молодых людей то преподавание философии, которое имеет место во Франции.

Ж.-К. К. : Этот учебный год внушает мне стойкое чувство полной растерянности. Учебная программа была разделена на несколько частей: общая философия, психология, логика и моральная философия. Но как создать учебник философии? Кроме того – как насчет тех культур, которые не знали того, что мы называем философией? Только что я говорил об антропологии. Понятие «философской концепции», например, чисто западное. Попробуйте-ка объяснить, что такое «концепция», индийцу, пусть даже очень образованному, или что такое «трансцендентность» – китайцу! Давайте продолжим наш разговор об образовании, но, разумеется, без претензии на то, чтобы найти решение этой

---

³⁰⁰ *Нойхаус* – в 1623 г. в Париже была издана его книга «Avertissement pieux et très utile des Frères de la Rose Croix; écrit et mis en lumière pour le bien public par Henri Neuheus de Dantzic, Maître en Médecine et Phil. P. in Mörbuch». (Прим. О. Акимовой.)

проблемы. Со времен так называемой реформы Жюль Ферри³⁰¹ школа во Франции стала бесплатной, но при этом обязательной для всех. Это означает, что Республика обязана учить всех граждан одному и тому же без оговорок, зная при этом, что большинство из них по дороге отвалится. Ведь конечная цель игры – сформировать посредством отбора элиту, которая будет управлять страной. Система, совершенным продуктом которой являюсь я: если бы не Жюль Ферри, я бы сейчас с вами не разговаривал. Я был бы сейчас старым фермером на юге Франции без гроша за душой. Впрочем, кто знает, кем бы я был?

Любая система образования неизбежно является отражением общества, которое ее создало, разработало и внедрило. Тем не менее во времена Жюль Ферри французское и итальянское общества были совершенно иными. При Третьей Республике 75 % французов еще были крестьянами, рабочие составляли 10–15 %, а тех, кого мы называем элитой, было еще меньше. Тогдашние 75 % крестьян сейчас составляют 3–4%, а образовательный принцип того времени все еще действует. Однако во времена Жюль Ферри те, кому не удавалось как-то применить свои школьные знания, находили работу в сельском хозяйстве, в ремесленничестве, становились рабочими, прислужгой. Постепенно все эти рабочие места исчезли, вместо них возникли другие – в сфере обслуживания или на государственной службе, и те, кто выпал из обоймы до или после сдачи экзамена на степень бакалавра, оказываются теперь в свободном полете. Нет ничего, что могло бы их приютить, смягчить удар от падения. Наше общество изменилось, а система образования в целом осталась прежней, по крайней мере в своей основе.

Добавьте сюда и то, что в наше время гораздо больше женщин стремятся получить высшее образование, и они спорят с мужчинами за места в традиционно ценимых секторах, при том, что число этих мест не увеличилось. Тем не менее хотя в ремесленники теперь идут немногие, ремесла по-прежнему будят в людях призвание. Несколько лет назад я был членом жюри, присуждавшего призы лучшим мастерам художественных промыслов, то есть самым искусным ремесленникам. Я был поражен, увидев материалы, которые эти люди применяют, и техники, которыми они владеют, был поражен их талантом. Во всяком случае, в этой области ничто не потеряно.

У. Э. : Да, в нашем обществе, где вопрос занятости встает перед всеми, есть молодые люди, которые заново открывают для себя ремесленные профессии. Это признанный факт и в Италии, и, наверное, во Франции, и в других западных странах. Когда мне случается иметь дело с этими новыми ремесленниками и они видят на кредитной карточке мое имя, я нередко обнаруживаю, что они читали мои книги. Пятьдесят лет назад те же ремесленники, не доучившиеся до конца школы, вероятно, вообще не читали таких книг. А эти продолжают учебу в высшей школе, после чего уже переходят к ручному труду.

Один друг рассказывал мне, что ему как-то довелось вместе с коллегой-философом вызвать такси к филиалу Принстонского университета в Нью-Йорке. Шофер, по словам моего друга, – этаким медведь, лица не видно из-за копны длинных волос. Он заговаривает с ними, чтобы разобраться, кого везет. Те объясняют, что преподают в Принстоне. Но шофер хочет знать больше. И тогда коллега с некоторым раздражением говорит, что занимается проблемами трансцендентальной перцепции и эпохэ³⁰²... и тут шофер его перебивает: «You

---

³⁰¹ Реформа Жюль Ферри – Жюль Ферри (1832–1893), французский политический деятель, с именем которого связана реформа системы образования во Франции (1880–1882). В результате школа была отделена от церкви, начальная школа стала обязательной и бесплатной, а девочки наравне с мальчиками смогли получать бесплатное среднее образование. (Прим. О. Акимовой.)

³⁰² Эпохэ (греч. εποχή – «задержка, остановка») – философский принцип, развитый немецким философом Э. Гуссерлем (1859–1938). Согласно этому принципу, необходимо воздерживаться от суждений о предмете, основанных на «наивном» взгляде на мир. (Прим. О. Акимовой.)

mean Husserl, isn't it?»³⁰³

Разумеется, это был студент-философ, подрабатывавший таксистом себе на учебу. Но в те времена шофер такси, знающий Гуссерля, был редчайшим экземпляром. Сегодня вы можете встретить таксиста, который включит вам классическую музыку и будет расспрашивать о вашей последней книге по семиотике. В этом нет ничего сюрреалистического.

Ж.-К. К. : В целом, это неплохие новости, правда? Мне даже кажется, что экологические угрозы, причем отнюдь не выдуманные, могут обострить наш ум и встряхнуть нас от долгой, глубокой спячки.

У. Э. : Мы можем настаивать на успехах нашей культуры, которые очевидны и затронули социальные слои, традиционно остававшиеся за ее пределами. Но в то же время глупости стало больше. Раньше крестьяне молчали не потому, что они были глупы. Быть образованным еще не значит быть умным. Нет. Но сегодня все хотят быть услышанными и в некоторых случаях неизбежно выставляют свою глупость напоказ. Так что можно сказать, раньше глупость не афишировала себя, а в наше время она бунтует.

Вместе с тем, водораздел между умом и глупостью весьма размыт. Когда мне приходится поменять лампочку, я становлюсь полным кретином. У вас во Франции ходят анекдоты на тему «Сколько нужно таких-то, чтобы вкрутить одну лампочку»? Нет? У нас в Италии ходит множество версий этой шутки. Когда-то ее героями были жители Кунео, городка в Пьемонте. «Сколько нужно жителей Кунео, чтобы вкрутить одну лампочку?» Правильный ответ – пять: один, чтобы держать лампочку, и четверо, чтобы поворачивать стол. Но тот же анекдот рассказывают и в Штатах: «Сколько нужно калифорнийцев, чтобы вкрутить одну лампочку? – Пятнадцать: один, чтобы вкрутить лампочку, и четырнадцать, чтобы поучаствовать».

Ж.-К. К. : Вы говорили о жителях Кунео. Кунео находится на севере Италии. У меня такое впечатление, что, по мнению каждого народа, самые глупые люди всегда живут на севере.

У. Э. : Разумеется – поскольку именно на севере больше всего людей, страдающих базедовой болезнью, поскольку на севере горы, символизирующие замкнутость и отчужденность, поскольку с севера приходили варвары, нападавшие на наши города. Это месь жителей юга, у которых всегда было меньше денег и которые всегда отставали по части техники. Когда Босси³⁰⁴, вождь расистского движения Лига Севера, впервые приехал в Рим, чтобы произнести речь, люди в городе потрясали плакатами с надписью: «Когда вы еще сидели на деревьях, мы уже всю болтали».

Южане всегда упрекали северян в бескультурии. Иногда культура является последней движущей силой технологической фрустрации. Заметьте, теперь жителей Кунео в итальянских анекдотах сменили carabinieri³⁰⁵. Но наши полицейские гениально сыграли на навязанной им репутации, что в каком-то смысле свидетельствует об их уме.

После карабинеров пришел черед футболиста Франческо Тотти, который произвел

---

³⁰³ Вы имеете в виду Гуссерля? (*англ.*)

³⁰⁴ *Босси*, Умберто (р. 1941) – итальянский политический деятель, в 1982 г. основал Независимую Ломбардскую лигу, которая через два года была переименована в Лигу Севера. Лига выступает за отделение от Италии промышленно развитых северных областей. (Прим. О. Акимовой.)

³⁰⁵ Карабинеры, жандармы (*ит.*).

среди итальянцев настоящий фурор. На это Тотти отреагировал, опубликовав книгу, где были собраны все анекдоты о нем, а деньги, вырученные от продажи, передал благотворительным организациям. Источник сплетен иссяк сам собой, а люди пересмотрели свое мнение.

Интернет, или О невозможности *damnatio memoriae*³⁰⁶

Ж.-Ф. де Т.: Как вы восприняли запрет «Сатанинских стихов»³⁰⁷? Разве не тревожит тот факт, что клерикалы могут повлиять на судьбу книги, опубликованной в Англии?

У. Э.: Напротив, случай Салмана Рушди внушает оптимизм. Почему? Потому что в прошлом книга, осужденная церковной властью, не была бы пропущена цензурой. Автору же почти наверняка грозило либо сожжение на костре либо удар кинжалом. В созданном нами коммуникативном пространстве Рушди выжил, поскольку за него заступились все свободные умы западного общества, и его книга не исчезла.

Ж.-К. К.: Тем не менее тот отклик, который вызвало дело Рушди, никак не отразился на других писателях, осужденных в исламских фетвах и убитых, особенно на Ближнем Востоке. Мы можем только сделать вывод, что ремесло писателя было и остается опасным.

У. Э.: Однако я по-прежнему убежден, что в глобализированном обществе мы располагаем информацией обо всем и в состоянии реагировать нужным образом. Возможен ли Холокост в эпоху Интернета? Я не уверен. Весь мир немедленно узнал бы о том, что происходит... Та же ситуация в Китае. Хотя китайское руководство ухитряется ограничивать доступ пользователей к информации, она все равно распространяется, причем в обоих направлениях. Китайцы могут узнать, что происходит в остальном мире. А мы можем узнать, что происходит в Китае.

Ж.-К. К.: Чтобы внедрить цензуру в Интернет, китайцы придумали невероятно изощренные методы, но они все равно несовершенны. Просто потому, что пользователи Интернета в конце концов всегда находят способы обойти запреты. В Китае, как и везде, люди пользуются мобильными телефонами, чтобы заснять то, чему они стали свидетелями, а затем рассылают эти картинки по всему миру. Со временем будет все труднее и труднее что-либо скрыть. Будущее диктаторов печально. Им придется действовать в полной темноте.

У. Э.: Мне приходит на ум история Аун Сан Су Чжи³⁰⁸. Военным стало гораздо

---

³⁰⁶ *Damnatio memoriae* (лат. «проклятие памяти») – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров и запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем. (Прим. О. Акимовой.)

³⁰⁷ «Сатанинские стихи» (1988) – книга британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди (р. 1947), вызвавшая яростный протест мусульман, поскольку в ней в неприглядном виде выставлен персонаж, списанный с пророка Мухаммеда. Иранский аятолла Хомейни публично проклял Рушди и приговорил его к смертной казни, призвав мусульман всего мира исполнить этот приговор. (Прим. О. Акимовой.)

³⁰⁸ Аун Сан Су Чжи (р. 1945) – политическая деятельница Мьянмы, лидер оппозиции, лауреат Нобелевской премии мира за 1991 г. Находилась под домашним арестом в периоды с 1989 по 1995 и с 2000 по 2002 г. На выборах 1990 г. ее партия получила большинство голосов в парламенте, однако результаты выборов были проигнорированы властями. (Прим. О. Акимовой.)

труднее давить на нее после того, как за нее заступился почти весь мир. То же самое, как мы видели, произошло с Ингрид Бетанкур³⁰⁹.

Ж.-К. К. : Однако не будем однозначно утверждать, что мы покончили с цензурой и беззаконием во всем мире. Нам до этого еще далеко.

У. Э. : Кроме того, цензуру можно устранить путем вычитания, но гораздо труднее сделать это путем сложения. Это часто случается в средствах массовой информации. Представьте: политик пишет в газету письмо, где объясняет, что предъявленные ему обвинения в коррупции безосновательны. Газета публикует письмо, но рядом как бы невзначай помещает фотографию ее автора, жующего в буфете бутерброд. Дело сделано: перед нами портрет человека, проедающего народные деньги. А можно сделать еще лучше. Если я государственный деятель и знаю, что завтра должна появиться весьма неудобная для меня новость, и вероятнее всего на первых полосах, то я велю ночью подложить на вокзале бомбу. И на следующий день газеты сменят заголовки передовиц.

Я спрашиваю себя, не был ли подобный сценарий причиной некоторых покушений. Не будем, однако, ударяться в теории заговора и утверждать, что теракт 11 сентября совсем не то, что мы думаем. В мире хватает воспаленных умов, занятых этим вопросом.

Ж.-К. К. : Невозможно вообразить, чтобы какое-либо правительство согласилось убить более трех тысяч своих сограждан, чтобы скрыть какие-то темные делишки. Это немыслимо. Но во Франции существует один известный пример – дело Бен Барка. Мехди Бен Барка³¹⁰, марокканский политик, был похищен во Франции возле пивной Липпа и, скорее всего, впоследствии убит. Далее – пресс-конференция генерала де Голля в Елисейском дворце. Все журналисты бросаются туда. Вопрос: «Генерал, как получилось, что, зная о похищении Мехди Бен Барка, вы несколько дней не сообщали об этом прессе?» – «Просто по неопытности», – удрученно ответил Де Голль. Все засмеялись, и вопрос был исчерпан.

На этот раз отвлекающий маневр сработал. Смех оказался важнее смерти человека.

Ж.-Ф. де Т.: *Есть ли другие формы цензуры, ставшие затруднительными или невозможными благодаря Интернету?*

У. Э. : Например, *damnatio memoriae*, придуманное римлянами. *Damnatio memoriae*, за которое голосовали в Сенате, состояло в том, что человека приговаривали посмертно к замалчиванию, к забвению. Его имя вымарывалось из государственных реестров, или уничтожались изображающие его статуи, или день его рождения объявлялся неблагоприятным. Кстати, при Сталине происходило то же самое: со старых фотографий убирали бывших руководителей, которые были сосланы или расстреляны. Так произошло с Троцким. Сегодня было бы гораздо сложнее убрать чье-то изображение с фотографии: ведь в Интернете тут же появится в свободном доступе старый вариант фотографии. Исчезновение будет недолгим.

---

³⁰⁹ *Ингрид Бетанкур* (р. 1961) – колумбийский политик, сенатор, кандидат на выборах в президенты 2002 г. Более шести лет провела в качестве заложницы FARC (террористической организации «Революционные вооруженные силы Колумбии»), в 2008 г. в результате спецоперации была освобождена. (Прим. О. Акимовой.)

³¹⁰ *Бен Барка* аль-Махди (1920–1965) – политический деятель Марокко, лидер партии Национальный союз народных сил. С 1963 г. находился в эмиграции. В октябре 1965 г. был похищен в Париже и убит при невыясненных обстоятельствах. В причастности к его убийству обвинили израильскую разведку «Моссад», что негативным образом сказалось на французо-израильских отношениях. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Но бывают случаи «спонтанного» коллективного забвения, более глубокого, как мне кажется, чем коллективное воспевание. Здесь нет никакого осознанного решения, в отличие от римского Сената. Выбор может быть и бессознательным. Бывают случаи имплицитного ревизионизма, негласного вытеснения. Так же, как существует коллективная память, существует и коллективное бессознательное и коллективное забвение. Некто, «познав час славы», незаметно уходит от нас – без всякого остракизма, без насилия. Скромно уходит сам по себе, растворяясь в царстве теней, как кинорежиссеры первой половины XX века, о которых я говорил. И в конце концов этот некто, чье имя стерлось из нашей памяти и постепенно исчезло из книг по истории, из наших разговоров, из поминальных служб, он уходит навсегда, как будто никогда и не жил на свете.

У. Э. : Я знал одного замечательного итальянского критика, про которого говорили, что он приносит несчастье. Такая бытовала насчет него легенда, и, возможно, в конце концов он сам стал в нее играть. На него до сих пор не ссылаются даже в тех работах, в которых, казалось бы, его влияние невозможно оспорить. Это тоже форма *damnatio memoriae*. Я же, со своей стороны, никогда не лишал себя удовольствия этого критика процитировать. Оказывается, я не только самый несусеверный человек в мире, но к тому же настолько перед ним преклоняюсь, что не могу не огласить этот факт. Я даже решил однажды слетать к нему на самолете. И поскольку со мной ничего страшного не случилось, мне сказали, что я попал под его покровительство. Во всяком случае, если не считать «нескольких счастливых» вроде меня, которые продолжают о нем говорить, слава этого критика действительно угасла.

Ж.-К. К. : Конечно, существует много способов приговорить человека, произведение, целую культуру к молчанию и забвению. Некоторые из них мы рассмотрели. Систематическое истребление какого-либо языка, которое учинили, к примеру, испанцы в Америке, есть, очевидно, наилучший способ сделать культуру, чьим выражением он является, недоступной нашему разумению и диктовать затем все, что хочется. Но мы видели, что эти культуры, эти языки сопротивляются. Не так-то просто навсегда заглушить голос, навсегда стереть язык – их шепот пройдет сквозь века. Вы правы, случай Рушди вселяет надежду. Это, наверное, одно из величайших достижений нашего глобализированного общества. Тотальная и окончательная цензура отныне практически немыслима. Единственная опасность состоит в том, что циркулирующая информация становится непроверяемой, и мы все в ближайшее время превратимся в информаторов. Мы об этом уже говорили. В информаторов добровольных, более или менее квалифицированных, более или менее предвзятых, которые одновременно будут создавать информацию, изобретая мир каждый день. Быть может, мы к этому и придем и станем описывать мир согласно нашим желаниям, принимая их за реальность.

Чтобы исправить положение – если мы сочтем нужным его исправлять, ибо, в конечном счете, такая выдуманная информация, вероятно, будет не лишена очарования, – придется без конца сопоставлять факты. А это сушая каторга. Чтобы установить истину, одного свидетеля недостаточно. Все как в криминальном расследовании: необходимо совпадение свидетельств, точек зрения. Но в большинстве случаев информация, требующая подобных усилий, того не стоит. И все пускается на самотек.

У. Э. : Не всегда обилие свидетельств является достаточным. Мы были свидетелями расправы, учиненной китайской полицией над тибетскими монахами. Это вызвало скандал международного масштаба. Но если наши телеэкраны будут продолжать в течение трех месяцев показывать монахов, избиваемых полицией, даже самая заинтересованная, самая активная часть общественности потеряет к этому всякий интерес. Значит, есть порог восприятия информации, за пределами которого она превращается в фоновый шум.

Ж.-К. К. : Это пузыри, которые раздуваются и лопаются. В прошлом году мы видели,

как раздулся пузырь под названием «гонения на тибетских монахов». Потом мы оказались внутри пузыря под названием «Ингрид Бетанкур». Но оба они лопнули. Затем настал черед «кризиса невозврата кредитов», потом банковский обвал, или биржевой обвал, или то и другое вместе. Каков будет следующий пузырь? Когда страшный ураган, приближающийся к берегам Флориды, вдруг теряет свою силу, я чувствую, что журналисты испытывают нечто вроде разочарования, – хотя для жителей это отличная новость. Как в огромной информационной системе, собственно говоря, возникает информация? Чем объяснить, что некая информация облетает земной шар и на какое-то время приковывает к себе наше внимание, а несколько дней спустя она уже никого не интересует? Например: в 1976 году я работал с Бунюэлем в Испании над сценарием фильма «Этот смутный объект желания», и мы каждый день читали газеты. И вдруг в прессе сообщают, что в соборе Сакре-Кёр на Монмартре взорвалась бомба! Оцепенение и смакование. Никто не взял на себя ответственность за теракт, полиция проводила расследование. Для Бунюэля эта информация была знаковой. То, что кто-то подложил бомбу в церковь, покрытую позором, Церковь, построенную, чтобы «искупить преступления коммунаров»³¹¹, – это удача и нечаянная радость.

Впрочем, всегда находились люди, готовые разрушить этот памятник бесчестия или, как когда-то хотели анархисты, выкрасить его в красный цвет.

И вот, на следующий день мы торопимся раскрыть газету, чтобы узнать, как развиваются события. Ни строчки, ничего. Ни слова больше. Разочарование и горечь обмана. И тогда мы добавили в сценарий экстремистскую группировку под названием «Группа революционной армии младенца Иисуса».

У. Э. : Вернемся к вопросу о цензуре-вычитании. Любая диктатура, желающая устранить возможность доступа через Интернет к источникам знаний, вполне могла бы распространить какой-нибудь вирус и уничтожить все персональные данные на каждом компьютере, устроив тем самым полное информационное затмение. Возможно, полностью уничтожить информацию и не удастся, поскольку некоторые данные мы сохраняем на «флэшках». И все же, возможно, этой кибердиктатуре удастся уничтожить до 80 % персональных информационных ресурсов?

Ж.-К. К. : А может быть, и не нужно уничтожать всё? С помощью функции «поиск» я могу обнаружить в своем документе все случаи употребления одного и того же слова и удалить их одним «кликом», почему бы не представить себе информационную цензуру, которая удалит лишь одно слово или группу слов, но зато на всех компьютерах на планете? В таком случае, какие слова выберут наши информационные диктаторы? Держу пари, пользователи, как всегда, непременно дадут отпор. Старая история: нападение и оборона на чужой территории. Только представьте себе этот новый Вавилон: внезапное исчезновение всех языков, шифров, ключей. Полный хаос!

Ж.-Ф. де Т.: Парадокс состоит в том – и вы об этом упомянули, – что произведение или человек, приговоренный к молчанию, само это молчание превращает в эхо-камеру³¹² и в

---

³¹¹ ...церковь, построенную, чтобы «искупить преступления коммунаров»... – Решение о строительстве базилики Сакре-Кёр на Монмартре было принято в 1873 г. по ходатайству архиепископа Парижского с формулировкой «во искупление преступлений коммунаров». Монмартр был первым местом восстания коммунаров 1870–1871 гг. Спустя столетие для многих она остается символом надругательства над идеями революции. Так, в 1971 г. радикальные демонстранты захватили базилику, «построенную на телах коммунаров, чтобы уничтожить красный флаг, слишком долго реявший над Парижем», как говорилось в их листовках. (Прим. О. Акимовой.)

³¹² Эхо-камера – заглушенное помещение с хорошей отражающей способностью, используемое для создания акустических эффектов.

конце концов находит себе уголок в нашей памяти. Не могли бы вы вернуться к обсуждению такого поворота событий?

У. Э. : *Damnatio memoriae* здесь следует понимать в ином смысле. Вследствие разнообразных причин – культурного отсева, пожаров, непредвиденных обстоятельств, – произведение до нас не доходит. Никто, строго говоря, не виноват в его исчезновении. Но в строю остается брешь. И поскольку это произведение комментировали и расхваливали многочисленные свидетели, оно напоминает о себе именно своим отсутствием. Примером из античной истории могут служить работы Зевксиса³¹³. Кроме современников художника, их никто не видел, однако мы до сих пор о них говорим.

Ж.-К. К. : Когда Тутанхамон наследует трон Эхнатона, имя покойного фараона, объявленного еретиком, зубилом вырубается со стен храмов. И Эхнатон не единственный, чье имя подверглось уничтожению. Надписи стираются, статуи сносятся. Я вспоминаю одну великолепную фотографию Куделки³¹⁴: статуя Ленина, лежащая, как гигантский мертвец, на барже, спускается по Дунаю к Черному морю, где исчезнет навек.

По поводу статуй Будды, уничтоженных в Афганистане, нужно, пожалуй, сделать одно уточнение. Будду не изображали в течение нескольких веков после возникновения его учения. Его изображением было само его отсутствие. Следы ног. Пустое кресло. Дерево, в тени которого он медитировал. Оседланный конь без всадника.

Лишь после вторжения Александра Македонского в Центральной Азии начинают придавать Будде физический облик – под влиянием греческих мастеров. Поэтому талибы, сами того не сознавая, участвовали в возвращении буддизма к его истокам. Для истинных буддистов эти пустующие ниши в Бамианской долине, быть может, более красноречивы, более наполнены, чем раньше.

Террористические акты, к которым, как нам порой кажется, сводится сегодня вся арабо-мусульманская цивилизация, почти заслонили ее былое величие. Точно так же кровавые жертвоприношения ацтеков на протяжении многих веков заслоняли все прекрасные стороны их культуры. Испанцы во многом этому поспособствовали, так что когда им захотелось уничтожить остатки поверженной цивилизации, кровавые жертвоприношения остались чуть ли не единственным коллективным воспоминанием. Сегодня ислам подстерегает та же опасность: завтра в нашей памяти он будет сведен к одному только террористическому насилию. Ибо наша память, как и наш мозг, склонна сокращать информацию. Мы постоянно прибегаем к отбору и сокращению.

Цензура огнем

Ж.-Ф. де Т.: Среди самых страшных цензоров в истории книги особое место принадлежит огню.

У. Э. : Разумеется, и тут первым делом нужно вспомнить костры, на которых нацисты сжигали «дегенеративные» книги.

---

³¹³ *Зевксис* из Гераклеи – древнегреческий живописец, работавший в 420–380 гг. до н. э. Его изображения были настолько реалистичными, что, по легенде, птицы прилетали клевать написанный им виноград. После утраты Грецией независимости его работы попали в Рим, а затем в Константинополь, где погибли в результате неоднократных пожаров. (Прим. О. Акимовой.)

³¹⁴ *Куделка*, Йозеф (р. 1938) – известный чешский фотограф, снимавший «Пражскую весну» 1968 года. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : В романе «451° по Фаренгейту» Брэдбери рисует общество, которое решило избавиться от громоздкого наследия книг, предав их огню. 451 градус по Фаренгейту – это именно та температура, при которой горит бумага: ведь обязанность сжигать книги здесь возложена на пожарных.

У. Э. : «451° по Фаренгейту» – это еще и название одной передачи на итальянском радио. Но в ней все наоборот: слушатель звонит и говорит, что он не может найти какую-то книгу или потерял ее. Тут же звонит другой и говорит, что у него есть экземпляр и что он может его одолжить. Это похоже на то, как человек оставляет прочитанную книгу где-нибудь в кино, в метро, чтобы кто-то другой прочитал ее и порадовался. Так вот, случайные или умышленные пожары сопровождают книгу на протяжении всей ее истории, от самых истоков. Все сгоревшие библиотеки и перечислить невозможно.

Ж.-К. К. : Это напоминает мне об опыте, полученном мной благодаря Лувру. Как-то раз мне нужно было ночью в музее рассказать небольшой группе людей о какой-нибудь картине. Я выбрал Лесюэра³¹⁵, французского художника начала XVII века, «Проповедь святого Павла в Эфесе». На картине святой Павел, с бородой и в хитоне, стоит на камне. В этом длинном платье у него вид типичного современного аятоллы, разве что без тюрбана. Глаза его горят. Двое-трое верующих внимают ему. В нижней части картины, стоя на коленях спиной к зрителю, черный слуга сжигает книги. Я подошел к полотну, чтобы рассмотреть, какие книги там жгут: в них, как можно было увидеть на приоткрытых страницах, содержались математические чертежи и формулы. Раб, скорее всего новообращенный, сжигает таким образом греческую науку. Какое послание, явное или тайное, хотел передать нам художник? Затрудняюсь сказать. Но все равно картина поразительная. Когда приходит вера, науку предают огню. Это больше, чем отсев, это ликвидация с помощью пламени. Квадрат гипотенузы должен исчезнуть навсегда.

У. Э. : Здесь есть и момент расизма, поскольку уничтожение книг доверено чернокожему. Мы полагаем, что нацисты сожгли книг определенно больше всех. Но что мы знаем о событиях времен Крестовых походов?

Ж.-К. К. : Мне кажется, самыми зверскими могильщиками книг – хуже нацистов – были испанцы в Америке. Да и монголы свирепствовали не приведи бог.

У. Э. : На заре современной истории западный мир столкнулся с двумя доселе неизвестными культурами: американской и китайской. Однако Китай был великой империей, которую нельзя было завоевать и «колонизировать», но с которой мы могли вести торговлю. Иезуиты отправились туда не для того, чтобы обратить китайцев в свою веру, а чтобы способствовать диалогу культур и религий. Американские прерии, наоборот, казались прибежищем кровожадных дикарей, и это дало повод к настоящему грабежу и даже чудовищному геноциду. Однако идеологическое оправдание такого двойного стандарта опирается на природу языков, используемых в том и другом случаях. Индейские пиктограммы истолковывались как простое копирование вещей, лишенное всякой концептуальной глубины, тогда как китайские идеограммы представляли собой идеи, а значит, были более «философскими». Сегодня мы знаем, что пиктографическая письменность была гораздо сложнее. Сколько пиктографических текстов исчезло таким образом?

---

³¹⁵ *Лесюэр* , Эташ (1617–1655) – французский художник, график эпохи барокко, один из основателей французской классической школы. Картина «Проповедь святого Павла в Эфесе» написана в 1649 г. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Испанцы, уничтожая остатки великих цивилизаций, не отдавали себе отчета в том, что сжигают сокровища. И только некоторые из них – в частности, тот удивительный монах Бернардино де Саагун³¹⁶ – чувствовали, что подобное нельзя уничтожать, что это важная часть того, что мы сегодня называем культурным наследием.

У. Э. : Иезуиты, отправлявшиеся в Китай, были образованными людьми. А Кортес³¹⁷, и тем более Писарро³¹⁸, были головорезами, которых перспектива уничтожения культуры только воодушевляла. Францисканцы, сопровождавшие их, считали туземцев дикими зверями.

Ж.-К. К. : К счастью, не все. Саагун, Лас Касас³¹⁹, Дуран³²⁰ так не считали. Им мы обязаны всем, что нам известно о жизни индейцев до завоевания. А они подчас очень рисковали.

У. Э. : Саагун был францисканцем, а Лас Касас и Дуран были доминиканцами. Любопытно, насколько обманчивыми бывают клише. Доминиканцы были инквизиторами, тогда как францисканцы считались образцами кротости. И вот в Латинской Америке, как в вестерне, францисканцы сыграли роль «плохих парней», а доминиканцы порой были «хорошими ребятами».

Ж.-Ф. де Т.: Почему испанцы одни здания доколумбова периода разрушили, а другие пощадили?

Ж.-К. К. : Иногда они их попросту не замечали. Такова судьба большинства крупных городов майя, оставшихся заброшенными на протяжении многих веков, скрытых за завесой джунглей. То же самое произошло с Теотиуаканом, расположенным севернее. Город уже был заброшен, когда около XIII века в эти края пришли ацтеки. Непреодолимое желание стирать любые свидетельства письменности говорит также и о том, что для захватчика бесписьменный народ навсегда становится проклятым народом. Недавно в Болгарии обнаружили золотые и серебряные украшения в захоронениях второго и третьего тысячелетия до нашей эры. Однако фракийцы, как и галлы, не оставили письменных свидетельств. А народы, не имевшие письменности, не названные, не рассказавшие о себе (пусть даже и лживо), как будто и не существуют – даже если их золотые и серебряные

---

³¹⁶ *Бернардино де Саагун* (ок. 1499–1590) – испанский миссионер, монах ордена францисканцев, историк и лингвист, работавший в Мексике. Автор множества сочинений как на испанском языке, так и на языке науатль, являющихся ценнейшими источниками по истории доколумбовой Мексики. (Прим. О. Акимовой.)

³¹⁷ *Кортес*, Эрнан (1485–1547) – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государство ацтеков. (Прим. О. Акимовой.)

³¹⁸ *Писарро*, Франсиско (1475–1541) – испанский авантюрист, конкистадор, завоевавший империю инков и основавший город Лиму. (Прим. О. Акимовой.)

³¹⁹ *Лас Касас*, Бартоломе де (1484–1566) – испанский священник, доминиканец, первый постоянный епископ Чьяиаса. Известен своей борьбой против зверств в отношении коренного населения Америки со стороны испанских колонистов. В частности, в 1550–1551 гг. он выступал оппонентом Хуана Гиннеса де Сепульведы (см. прим. к с. 181) в дебатах, посвященных основам колониальной политики по отношению к аборигенам Нового Света (так называемая «Вальядолидская хунта»). (Прим. О. Акимовой.)

³²⁰ *Дуран*, Диего (ок. 1537–1588) – испанский монах-доминиканец, историк, первым описавший историю и культуру ацтеков в книге «История Индий Новой Испании» (1579), известной также как Кодекс Дурана. (Прим. О. Акимовой.)

изделия отличаются великолепием и изящностью. Если вы хотите, чтобы о вас помнили, необходимо писать. Писать и стараться, чтобы написанное вами не сгорело в каком-нибудь костре. Иногда я пытаюсь представить себе, о чем думали нацисты, сжигая еврейские книги. Надеялись ли они сжечь их все до единой? Разве это предприятие не столь же утопично, сколь и преступно? Или это больше похоже на символическое действо?

В наше время, на наших глазах происходят события, которые не перестают меня удивлять и возмущать. Поскольку я часто бываю в Иране, я как-то предложил одному известному агентству отправить туда небольшую съемочную группу, чтобы поснимать нынешнюю страну, какой я ее знаю. Директор агентства принял меня и начал излагать свою точку зрения на страну, о которой понятия не имеет. Он в деталях объяснил мне, что я должен снимать. То есть он решает, какие кадры я должен привезти из страны, где он сам никогда не был: например, фанатиков, бьющих себя в грудь, или наркоманов, проституток и так далее. Нужно ли говорить, что проект не состоялся.

Ежедневно мы убеждаемся в том, насколько ложными могут быть наши представления. Я имею в виду утонченные и хитроумные фальсификации, отследить которые еще труднее, если они представлены в виде «картинок», то есть как бы документов. И в конечном счете, хотите верьте, хотите нет, извратить истину оказывается легче легкого.

Помню, на одном телеканале показывали документальный фильм о Кабуле, городе, который мне хорошо знаком. Все кадры были сняты с нижней точки. Видны были только верхушки домов, разрушенных войной, – но ни улиц, ни прохожих, ни торговцев. К этому подвёрстывались интервью, взятые у жителей, которые в один голос говорили о плачевном состоянии страны. Единственным звуковым сопровождением на протяжении всего фильма было тоскливое завывание ветра, как в фильмах про пустыню, но только повторяющееся без конца. Значит, этот ветер нашли в фонотеке и нарочно вставили повсюду. На весь фильм – один и тот же шум ветра, который способен распознать только натренированный слух. При этом что легкие одежды на героях фильма даже не колыхались. Этот репортаж – чистая ложь. Одна из многих и многих.

У. Э. : Лев Кулешов давно показал, как образы заражают друг друга и как можно заставить их говорить совершенно противоположные вещи. Лицо одного и того же человека, показанное первый раз непосредственно после изображения тарелки с едой, а второй раз – после чего-нибудь совершенно отвратительного, произведет на зрителя разное впечатление. В первом случае лицо человека будет выражать сильный аппетит, во втором – отвращение.

Ж.-К. К. : В конце концов, взгляд видит то, что хочет внушить ему картинка. В финале «Ребенка Розмари» Романа Полански многие люди увидели младенца-монстра, потому что его описывают персонажи, склонившиеся над колыбелью. Но Полански не показывал ребенка.

У. Э. : Как многие, вероятно, видели содержимое пресловутой китайской шкатулки в «Дневной красавице».

Ж.-К. К. : Само собой. Когда Бунюэля спрашивали, что там внутри, он отвечал: «Фотография господина Карьера. Вот почему девушки так пугаются». Однажды мне позвонил незнакомец по поводу этого фильма и спросил, жил ли я в Лаосе. Никогда там не бывал, ответил я. Тот же вопрос он задал насчет Бунюэля и снова получил отрицательный ответ. Человек на том конце провода очень удивился. Ему пресловутая шкатулка напомнила древний лаосский обычай. Тогда я спросил, знает ли он, что в шкатулке. Он сказал: «Конечно!» – «Прошу вас, – сказал я ему тогда, – расскажите мне, что там!» Он объяснил, что обычай, о котором идет речь, состоит в том, что женщины во время любовного акта прикрепляют с помощью серебряной цепочки к клитору огромных скарабеев, так как шевеление их лапок позволяет женщинам достичь более долгого и утонченного оргазма. Это

было как гром среди ясного неба, и я сказал ему, что нам и в голову не приходило посадить в шкатулку из «Дневной красавицы» скарабея. Человек повесил трубку. А я сразу же почувствовал ужасное разочарование от одной мысли, что теперь мне все известно! Я утратил этот пряный привкус тайны.

Я это к тому говорю, что картинка, в которой мы частенько видим не то, что она показывает, может лгать еще изощренней, чем написанное или сказанное слово. Если мы хотим сохранить некую целостность нашей визуальной памяти, совершенно необходимо научить будущие поколения смотреть на изображения. Это, пожалуй, самое главное.

У. Э. : Существует и другая форма цензуры, которой мы с некоторых пор подвергаемся. Мы можем сохранить все книги на свете, все цифровые носители, все архивы, но если случится кризис цивилизации, в результате которого все языки, выбранные нами для сохранения этой огромной культуры, вдруг станут непереводаемыми, то все это наследие окажется утраченным безвозвратно.

Ж.-К. К. : Это уже произошло с иероглифическим письмом. После эдикта 380 года Феодосия I Великого³²¹ христианская религия стала государственной, единственной и обязательной на территории всей Империи. Среди прочих были закрыты и египетские храмы. Жрецы, которые были знатоками и хранителями письменности своего народа, больше не могли передавать знания. Им пришлось похоронить своих богов, с которыми они жили на протяжении тысячелетий, а вместе с богами – предметы культа и сам язык. Достаточно одного поколения, чтобы все исчезло. И может быть, навсегда.

У. Э. : Потребовалось четырнадцать веков, чтобы вновь найти ключ к этому языку.

Ж.-Ф. де Т.: Вернемся ненадолго к цензуре огнем. Те, кто в древности сжигал библиотеки, возможно, считали, что без следа уничтожили хранящиеся там манускрипты. Но после изобретения печатного станка подобные вещи стали невозможны. Сжечь один, два, даже сто экземпляров книги не значит уничтожить книгу как таковую. Быть может, найдутся и другие экземпляры, разбросанные по многочисленным частным и публичным библиотекам. Зачем же тогда нужны костры в наше время, вроде тех, что устраивали нацисты?

У. Э. : Цензор прекрасно знает, что ему не удастся уничтожить все экземпляры запрещенной книги. Но для него это способ возвыситься до demiurга, способного уничтожить в огне мир и любую концепцию мира. Идея в том, чтобы возродить, очистить культуру, зараженную отдельными сочинениями. Нацисты неслучайно говорили о «дегенеративном искусстве». Аутодафе – это своего рода лекарство.

Ж.-К. К. : Этот цикл от публикации, распространения, сохранения и до уничтожения довольно хорошо иллюстрирует в Индии фигура бога Шивы. Окруженный кольцом огня, в одной из своих четырех рук он держит барабан, под ритмы которого создавался мир, в другой – пламя, которое уничтожает всякое творение. Обе его руки находятся на одном уровне.

У. Э. : Мы не так далеко ушли от представлений Гераклита и стоиков. Все рождается из огня, и огонь все разрушает, вновь давая надежду на существование. Вот почему еретиков всегда предпочитали сжигать, нежели рубить им головы, что было бы и проще, и не столь обременительно. Это было посланием тем, кто разделял те же идеи или хранил те же книги.

---

³²¹ Феодосий I Великий (346–395) – последний император единой Римской империи. (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Возьмем, к примеру, Геббельса, вероятно, единственного интеллектуала среди нацистов, который к тому же был библиофилом. Вы совершенно справедливо сказали, что те, кто сжигает книги, прекрасно знают, что делают. Необходимо оценить опасность текста, чтобы захотеть его уничтожить. В то же время цензор – не сумасшедший. Испепелив несколько экземпляров запрещенной книги, он ее не уничтожит. Ему прекрасно это известно. Но само действие в высшей степени символично. И главное, оно говорит остальным: вы тоже имеете право сжечь такую книгу, не сомневайтесь, это хороший поступок.

Ж.-Ф. де Т.: *Это похоже на сжигание американского флага в Тегеране или еще где-то...*

Ж.-К. К. : Конечно. Достаточно сжечь один флаг, чтобы заявить о решительном настрое какого-нибудь воинственного движения или даже целого народа. И все же, как мы уже много раз видели, огню никогда не удастся довести все до полного безмолвия. Даже среди испанцев, приложивших столько усилий, чтобы бесследно уничтожить многие культуры, были монахи, которые попытались сберечь хоть несколько свидетельств другой цивилизации. Уже упомянутый Бернардино де Саагун – но любых наших упоминаний о нем будет недостаточно – заставлял ацтеков переписывать, иногда тайно, книги, которые позднее обращались в золу. И он просил индейских художников нарисовать в них иллюстрации. Зато бедняга при жизни так и не увидел своих трудов опубликованными просто потому, что власти однажды приказали конфисковать его бумаги. Наивный человек, – он даже предложил им свои черновики. К счастью, они остались у него. По сути, именно на основе этих черновиков два века спустя было выпущено практически все, что нам известно об ацтеках.

У. Э. : Испанцам потребовалось немало времени, чтобы уничтожить цивилизацию до основания. Но нацизм-то продержался всего двенадцать лет!

Ж.-К. К. : А Наполеон – одиннадцать. А Буш восемь, на данный момент. Хотя я понимаю, что мы не вправе их сравнивать. Однажды, как я уже рассказывал, я «развлекался», представляя себе двадцать лет истории XX века, с 1933-го (приход Гитлера к власти) по 1953-й (год смерти Сталина). Вообразите себе все, что произошло за эти двадцать лет. Вторая мировая война с сопутствовавшими ей – как будто всеобщей войны не достаточно – многочисленными второстепенными войнами, до, после и во время: война в Испании, война в Эфиопии, война в Корее и другие, которые я, возможно, не помню. Это возвращение Шивы. Я рассказал вам о двух руках из четырех. Все, что родилось, будет уничтожено. Но третья рука изображает жест абхайя, что означает: «Не бойтесь», – ибо – показывает четвертая рука – «благодаря силе своего духа я уже оторвал одну ногу от земли». Это один из сложнейших образов, которые человечество когда-либо предлагало нам разгадать. Если вы сравните его с Христом на кресте, этой картиной предсмертной агонии, которой поклоняется наша культура, то последняя покажется вам весьма заурядной. И возможно, именно в этом парадоксальным образом состоит ее сила.

У. Э. : Возвращаюсь к нацистам. Вспомним любопытную подробность их крестового похода против книг. Вдохновителем культурной политики нацизма был Геббельс, прекрасно разбиравшийся в новых средствах информации: это он придумал сделать радио основным вектором коммуникации. Победить книжную коммуникацию средствами массовой информации... Пророческая идея.

Ж.-К. К. : Как произошел переход от книг, сожженных нацистами, к «Красной

книжечке»³²² Мао, к тому пламенному призыву, который за несколько лет поднял миллиардный народ?

У. Э. : Гениальная идея Мао состояла прежде всего в том, чтобы превратить «Красную книжечку» в знамя, которым достаточно только размахивать. Не обязательно ее читать. Еще лучше: зная, что священные тексты никто не читает от корки до корки, он составил ее из разрозненных отрывков, афоризмов, которые можно заучивать наизусть и произносить, как мантры или молитвы.

Ж.-К. К. : Но как люди дошли до такого, до этого наваждения, когда целый народ принимается потрясать над головой какой-то «Красной книжечкой»? Почему этот марксистский, коллективистский режим ставит во главу угла книгу?

У. Э. : Мы ничего не знали о Культурной революции и о том, как манипулировали массами. В 1971 году я участвовал в создании сборника, посвященного китайским комиксам. Один журналист в Китае собирал разнообразный материал по теме, доселе нам не знакомой. Это были комиксы в английском стиле, а также фотороманы. По этим произведениям, относящимся к периоду Культурной революции, никак нельзя догадаться, что именно происходило тогда в Китае. Наоборот, они были пацифистскими, выступали против любой формы насилия, способствовали терпимости и взаимопониманию. То же самое произошло и с маленькой «Красной книжечкой», которая представала символом ненасилия. Естественно, никто не говорил, что прославление ЭТОЙ маленькой книжицы подразумевало уничтожение всех прочих.

Ж.-К. К. : Я был в Китае во время съемок «Последнего императора» Бертолуччи и готовил там сразу три репортажа. Один – о самом фильме, другой, для журнала «Кайе дю синема» – о возрождении китайского кино, и последний – для одного французского музыкального журнала – о том, как возрождается игра на китайских народных инструментах. Больше всего мне запомнилась встреча с директором Института народных музыкальных инструментов. Я спросил его, как так получилось, что во время Культурной революции игра на этих инструментах была забыта. Тогда еще только начинали говорить более-менее свободно. Он рассказал мне, что сначала институт закрыли и уничтожили институтскую библиотеку. Ему удалось, вероятно, с риском для жизни, спасти несколько книг, отправив их своим родственникам в провинцию. Что же касается самого директора, его усмирили, заставив работать в деревне, как обыкновенного крестьянина. Всех, кто был специалистом в какой-то области или обладал особыми знаниями, нужно было нейтрализовать. Это был принцип Революции: любое знание скрывает в себе силу, следовательно, нужно избавиться от знания.

Он приехал в крестьянскую общину, и крестьяне сразу смекнули, что он не умеет работать ни лопатой, ни мотыгой. Тогда они предложили ему сидеть дома. И этот человек, крупнейший специалист по китайской народной музыке, сказал мне: «Девять лет я играл в домино».

Мы говорим не об испанцах в Америке четыре или пять веков назад, не о кровавых расправах, учиненных христианами во время Крестовых походов. Нет. Мы говорим о том, что мы застали при нашей жизни. И самое худшее не всегда остается позади. В своей «Всемирной истории уничтожения книг» Фернандо Баэз³²³ вспоминает разрушение

---

³²² «Красная книжечка» – под таким названием на Западе известен «Цитатник» Мао Цзэдуна (полное название: «Сборник выдержек из произведений Председателя Мао Цзэдуна») – краткий сборник ключевых изречений лидера КНР, изданный в 1966 г. (Прим. О. Акимовой.)

³²³ Фернандо Баэз (р. 1947) – венецианский книговед, поэт, автор эссе и романов, известный своими

библиотеки в Багдаде, которое произошло в 2003 году. Впрочем, это была не первая попытка уничтожения багдадской библиотеки. Монголы когда-то уже приложили к этому руку. Эти земли много раз завоевывались, подвергались разграблению, и все равно на них в конце концов появлялись новые ростки. В X, XI и XII веках мусульманская культура, без сомнения, была самой блистательной. Но вдруг она оказывается между двух огней. С одной стороны, христианские Крестовые походы и Реконкиста, начавшаяся в Испании, с другой – монголы, которые в XIII веке взяли Багдад и не оставили от него камня на камне. Монголы, как мы уже сказали, слепо разрушали все подряд, но и христиане проявляли не больше почтения. Баэз рассказывает, что во время их пребывания на Святой земле они уничтожили порядка трех миллионов книг.

У. Э. : В самом деле, Иерусалим был практически разрушен, когда туда вошли крестоносцы.

Ж.-К. К. : То же самое происходит, когда в конце XV века завершается испанская Реконкиста. Сиснерос³²⁴, советник королевы Изабеллы Кастильской, приказывает сжечь все мусульманские книги, найденные в Гранаде, пощадив лишь несколько трудов по медицине. Баэз говорит, что половина суфийских стихов той эпохи была сожжена именно тогда. Не надо постоянно твердить, что другие уничтожают наши книги. Мы тоже сыграли немалую роль в этом уничтожении знаний и красоты.

Так вот, чтобы найти просвет во тьме перечисленных катастроф, нужно сказать, что у книги – и это еще не самое удивительное – были враги среди самих писателей. И не так давно. Филипп Соллерс как-то вспомнил, что во Франции во время событий 1968 года существовал Комитет действия студентов и писателей³²⁵, о котором я не знал, но мне он показался довольно забавным. Комитет яростно выступал против традиционного образования (тогда это было обязательно) и призывал, не без некоторой лирики, к «новому знанию». Морис Бланшо³²⁶ был активным членом этого комитета, призывавшего, в частности, к уничтожению книги, которая якобы стала тюрьмой для заключенных в ней знаний. Слова должны в конечном итоге освободиться от книги, от книги как предмета, вырваться из нее на свободу. Но где им потом укрыться? Об этом ничего не говорилось. И все равно писали: «Долой книги, больше никаких книг!» Эти лозунги писались и изрекались самими писателями!

У. Э. : В завершение темы книжных костров нужно упомянуть о писателях, которые хотели, и иногда им это удавалось, сжечь собственные книги...

работами об уничтожении книг, в том числе расследованием погромов библиотек и музеев во время военного вторжения в Ирак в 2003 г. В 2004 г. вышло его эссе «Всемирная история уничтожения книг». (Прим. О. Акимовой.)

³²⁴ *Сиснерос*, Франсиско Хименес де (1436–1517) – государственный и церковный деятель Испании, кардинал, Великий инквизитор (с 1507 г.). Был известен своей непримиримостью в религиозном вопросе, в Гранаде прибег к насильственной христианизации мусульман. (Прим. О. Акимовой.)

³²⁵ *Комитет действия студентов и писателей* (Comité d'action étudiants-écrivains) – существовавшее в 1968–1969 гг. авангардное движение, участниками которого были Морис Бланшо, Дионис Масколо, Маргерит Дюрас и некоторые писатели-сюрреалисты. Комитет провозглашал «смерть автора» в литературе, анонимность текста, отказ от всякой собственности на интеллектуальный продукт. (Прим. О. Акимовой.)

³²⁶ *Морис Бланшо* (1907–2003) – французский писатель и мыслитель, литературный критик. Его работы о литературном авангарде XVIII–XX вв. оказали большое влияние на теорию и практику структурализма и «нового романа». (Прим. О. Акимовой.)

Ж.-К. К. : Наверное, это стремление к разрушению всякого творения свидетельствует о влечениях, которые сидят глубоко внутри нас. В самом деле, вспомним о безумном намерении Кафки сжечь все свои произведения перед смертью. Рембо хотел уничтожить «Одно лето в аду»³²⁷. А Борхес и вправду уничтожил свои первые книги.

У. Э. : Вергилий на смертном одре просил, чтобы сожгли «Энеиду»! Кто знает, может быть, в его мечтах о разрушении была архетипическая идея уничтожения огнем, возвещающая о возрождении мира? Или скорее идея, что если умираю я, то со мной умирает весь мир... С этой мыслью Гитлер покончит с собой, устроив всемирный пожар...

Ж.-К. К. : У Шекспира умирающий Тимон Афинский восклицает: «Затмись, о, Солнце, больше не свети / Конец приходит моему пути!»³²⁸ Это вроде того, как камикадзе, умирая сам, увлекает за собой часть отрицаемого им мира. Правда, и японские камикадзе, врезающиеся в американские корабли, и террористы-смертники все же умирают за идею. Я где-то упоминал, что первым камикадзе в истории был Самсон. Он обрушивал храм, где был заточен, и, погибая, погреб вместе с собой множество филистимлян. Акт террориста-смертника – это одновременно и преступление, и наказание. Когда-то я работал с японским режиссером Нагисой Осимой. Он говорил мне, что каждый японец в какой-то момент своего жизненного пути приходит к идее самоубийства.

У.Э. : Это самоубийство Джима Джонса³²⁹ и почти тысячи его учеников в Гвиане. Это коллективное самоубийство членов «Ветви Давидовой»³³⁰ в Уэйко в 1993 году.

Ж.-К. К. : Нужно время от времени перечитывать «Полиевкта» Корнеля, пьесу, где на сцену выводится новообращенный христианин эпохи Римской империи. Он принимает мученичество и хочет увлечь за собой свою жену Полину. По его мнению, нет судьбы более достойной. Прекрасный свадебный подарок!

Ж.-Ф. де Т.: *Мы начинаем понимать, что создать произведение, опубликовать его, сделать так, чтобы о нем узнали, – не всегда самый легкий способ остаться в истории...*

У. Э. : Это так. Чтобы о тебе узнали, можно, конечно творить (это путь художников, основателей империй, мыслителей). Но если ты не способен творить, остается путь разрушения: уничтожение какого-нибудь произведения искусства или себя самого. Возьмем

---

³²⁷ «Одно лето в аду» («Une saison en enfer», 1873) – сборник стихотворений в прозе французского поэта Артюра Рембо (1854–1891), единственное из произведений, изданное при его жизни. (Прим. О. Акимовой.)

³²⁸ Перевод Н. Мелковой.

³²⁹ *Джонс*, Джеймс Уоррен («Джим») (1931–1978) – американский проповедник, основатель религиозной организации «Народный Храм», последователи которой, по официальной версии ФБР, совершили в 1978 г. массовое самоубийство. В поселении Джонстаун в Гвиане погибло 909 человек, принявших яд. (Прим. О. Акимовой.)

³³⁰ ...коллективное самоубийство членов «Ветви Давидовой» в Уэйко... – «Ветвь Давидова», секта, отделившаяся от церкви Адвентистов седьмого дня и основавшая свою церковь неподалеку от города Уэйко, в Техасе. В 1992 г. ФБР получило информацию о том, что в поместье «Маунт Кармел», где располагалась церковь «Ветви Давидовой», имеется запрещенное автоматическое оружие. ФБР отправило туда группу захвата, но сектанты оказали вооруженное сопротивление. В результате осады и последовавшего за ней штурма 19 апреля 1993 г. в поместье возник сильный пожар. 79 сектантов погибли в огне. Согласно официальной версии, сектанты подожгли себя сами, однако все улики после штурма были уничтожены. (Прим. О. Акимовой.)

пример Герострата. Он вошел в историю, разрушив храм Артемиды в Эфесе. Поскольку все знали, что он устроил поджог только для того, чтобы остаться в истории, афинское правительство запретило упоминать о нем. Но этого, очевидно, оказалось недостаточно. Вот доказательство: мы запомнили имя Герострата, хотя забыли имя архитектора храма в Эфесе. Герострат, конечно, имеет множество последователей. Среди них стоит упомянуть всех тех, кто с экрана телевизора объявляет себя рогоносцем. Это типичная форма самоуничтожения. Они готовы на все, лишь бы попасть на первые полосы. Это и серийный убийца, желающий в конце концов быть пойманным, – лишь бы о нем заговорили.

Ж.-К. К. : Энди Уорхол выразил это желание в своем знаменитом афоризме о «пятнадцати минутах славы»³³¹.

У. Э. : Именно это неосознанное стремление толкает человека, оказавшегося за спиной того, кого снимает телекамера, махать руками, чтобы его заметили. Нам это кажется дурацкой, но для него это минута славы.

Ж.-К. К. : Продюсеры телепрограмм часто получают весьма экстравагантные предложения. Некоторые даже утверждают, что готовы убить себя в прямом эфире, или просто помучиться, подвергнуться избиениям, даже пыткам, или показать, как их жена занимается любовью с другим. Похоже, современные формы эксгибиционизма не имеют границ.

У. Э. : У нас на итальянском телевидении есть передача «Коррида», которая предлагает непрофессионалам продемонстрировать свои таланты под улюлюканье беснующейся публики. Каждый из них знает, что его разнесут в пух и прах, и все равно всякий раз передаче приходится отказывать тысячам претендентов. Очень мало кто питает иллюзии насчет собственного таланта, но людям предоставляется уникальный шанс выступить перед миллионной аудиторией, и ради этого они готовы на все.

Книги, которых мы не читали

Ж.-Ф. де Т.: *Во время наших бесед вы упоминали множество книг, разных и порой изумительных, но, если позволите, я все-таки задам вам этот вопрос: вы читали все эти тексты? Должен ли образованный человек непременно прочесть все книги, которые он по идее обязан прочесть? Или ему достаточно составить о них мнение и, высказав его однажды, навсегда избавиться от необходимости их читать? Думаю, вы слышали о книге Пьера Байяра* ³³² *«Как говорить о книгах, которых вы не читали». Так расскажите мне о книгах, которых вы не читали.*

У. Э. : С удовольствием. Я участвовал в Нью-Йорке в дискуссии с Пьером Байяром и думаю, что на этот счет он говорит очень правильные вещи. В мире столько книг, что нам не хватит всей жизни, даже чтобы просто их пролистать. Речь идет даже не о всех издаваемых книгах, но лишь о книгах, наиболее представительных для какой-либо одной культуры. На нас глубокое влияние оказывают произведения, которых мы не читали, которые мы не

---

³³¹ Энди Уорхол... о «пятнадцати минутах славы». – Имеются в виду слова американского художника Энди Уорхола (1928–1987): «В будущем у каждого человека будет хотя бы пятнадцать минут славы».

³³² Пьер Байяр (р. 1954) – преподаватель французской литературы, психоаналитик. Упомянутая здесь книга «Comment parler des livres que l'on n'a pas lus» (2007) чрезвычайно популярна во Франции и за ее пределами. (Прим. О. Акимовой.)

успели прочесть. Кто, в самом деле, читал «Поминки по Финнегану»³³³, – я имею в виду, от первого до последнего слова? Кто по-настоящему прочел Библию от Книги Бытия до Апокалипсиса? Сложив вместе все прочитанные мной отрывки из Библии, я могу похвастаться, что прочел из нее добрую треть. Но не больше. Тем не менее я имею довольно точное представление о том, чего не читал.

Признаюсь, я прочитал «Войну и мир» только в сорок лет. Но главное, об этой книге я знал еще до того, как ее прочел. Вы говорили о «Махабхарате»: я никогда не читал ее, хотя у меня есть три издания на трех разных языках. Кто читал «Тысячу и одну ночь» с первой страницы до последней? Кто целиком прочел «Камасутру»? Однако все могут о ней говорить, а некоторые даже применять на практике. То есть в мире полно книг, которых мы и в глаза не видели, но о которых мы знаем практически все. Стало быть, вопрос в том, откуда мы знаем все эти книги. Байяр говорит, что никогда не читал «Улисса» Джойса, но в состоянии рассказывать о нем своим студентам. Он может сказать, что в этой книге рассказывается история одного-единственного дня, что действие происходит в Дублине, что главный герой – еврей, а автор применяет технику внутреннего монолога и т. д. Он знает все эти подробности, которые, несмотря на то, что он не читал книгу, совершенно верны.

Для человека, который, придя ко мне впервые, обнаруживает мою внушительную библиотеку и не находит ничего лучшего, кроме как спросить: «И вы все это читали?» – я заготовил несколько вариантов ответа. Один из моих друзей обычно бросает: «И даже больше, даже больше».

У меня же есть два ответа. Первый: «Нет. Здесь только книги, которые я должен прочитать на следующей неделе. Те, что я уже прочел, хранятся в университете». Второй ответ: «Я не читал ни одной из этих книг. Иначе зачем мне их держать у себя?» Разумеется, есть и другие, менее однозначные ответы для вящего унижения и озадачивания собеседника. Правда в том, что у всех нас дома лежат десятки, сотни, а то и тысячи книг (если библиотека внушительная), которых мы не читали. Однако рано или поздно мы берем их в руки, чтобы понять: мы их уже знаем. Как же так? Как можно знать книги, которых мы не читали? Первое объяснение мистическое, которое я не приемлю: от книги на вас распространяются некие волны. Второе объяснение: неправда, что за все эти годы вы ни разу не открывали книгу, вы много раз ее переставляли, может быть, даже листали, но вы этого не помните. Третий ответ: за эти годы вы прочли кучу книг, где цитировалась эта книга, и в конце концов она стала для вас знакомой. Так что есть много способов что-то узнать о книгах, которых мы не читали. К счастью. Иначе где найти время, чтобы одну и ту же книгу перечитать четыре раза?

Ж.-К. К. : По поводу стоящих у нас на полках книг, которых мы не читали и, наверное, никогда не прочтем: у каждого из нас, вероятно, есть склонность откладывать в сторонку книги, которые мы наметили прочитать, но попозже, попозже, может быть, когда-нибудь, в другой жизни. Как ужасны стенания умирающих: пришел их смертный час, а они так и не взяли за Пруста!

У. Э. : Когда меня спрашивают, читал ли я ту или иную книгу, из осторожности я всегда отвечаю: «Знаете, я не читаю книг, я их пишу». И тогда любой человек умолкает. Но иногда бывают назойливые вопросы. «Вы читали „Ярмарку тщеславия“ Теккерея?» В конце концов я поддался этому давлению и трижды попытался одолеть эту книгу. Но роман просто выпадал у меня из рук.

Ж.-К. К. : Вы только что оказали мне большую услугу, потому что я как раз собирался его прочесть. Спасибо.

---

³³³ «Поминки по Финнегану» (1939) – роман Джеймса Джойса. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : Когда я еще учился в Туринском университете, у меня была комната в общежитии. За одну лиру, сунутую в руку лидеру клаки, можно было посещать все спектакли муниципального театра. За четыре года учебы я пересмотрел все шедевры древнего и современного театра. Но поскольку общежитие закрывалось в полпервого ночи, а спектакли в театре редко заканчивались вовремя, я смотрел все театральные шедевры без последних пяти-десяти минут, чтобы успеть вернуться в общежитие. Позднее я познакомился со своим будущим другом Паоло Фаббри³³⁴, который, будучи студентом, подрабатывал контролером у входа в университетский театр в Урбино. Поэтому он начинал смотреть спектакль только через пятнадцать минут после подъема занавеса, после того как вошли все зрители. Ему не хватало начала, а мне финала. Нам непременно нужно каким-то образом обменяться друг с другом этими знаниями, мы всегда мечтали это сделать.

Ж.-К. К. : Я точно так же задаюсь вопросом: а видел ли я на самом деле те фильмы, которые, как мне кажется, я смотрел? Наверное, я видел отрывки по телевизору, читал книги, где о них говорится. Я знаю их содержание, мне рассказывали друзья. У меня в памяти перемешаны фильмы, которые я точно видел, которые я точно не видел, и все остальные. Скажем, «Нибелунги», немой фильм Фрица Ланга: у меня перед глазами образ Зигфрида, убивающего дракона в великолепном саду, построенном в студии. Деревья там – словно из цемента. Но смотрел ли я этот фильм? Или только этот отрывок? Потом идут фильмы, которые я точно не смотрел, но о которых я могу говорить, как если бы их видел. Иногда даже с чрезмерной уверенностью. Однажды мы с Луи Малем³³⁵ оказались в Риме в компании французских и итальянских друзей. Завязался разговор по поводу фильма Висконти «Леопард». Мы с Луи придерживались разных точек зрения, и, поскольку мы профессионалы, каждый старался одержать верх. Одному из нас фильм нравился, другой его ненавидел: я уж и не помню, кто был за, кто против. Неважно. Все за столом нас слушали. И вдруг у меня закралось подозрение, и я спросил Луи: «А ты видел этот фильм?» Он отвечает: «Нет. А ты?» – «Я тоже нет». Слушавшие нас люди негодовали, как будто из-за нас они зря потратили время.

У. Э. : Когда в каком-нибудь итальянском университете оказывается свободная кафедра, собирается национальная комиссия. От кандидатов на вакантную должность каждый из членов комиссии получает горы публикаций. Есть байка об одном из членов этой комиссии, у которого в кабинете лежит груда таких бумаг. Его спросили, когда же он найдет время, чтобы их прочесть, а он сказал: «Я и не собираюсь их читать. Не хочу, чтобы на меня оказывали влияние люди, которых мне предстоит оценивать».

Ж.-К. К. : Он прав. Если вы прочитали книгу или посмотрели фильм, вам придется отстаивать свою собственную точку зрения, тогда как если вы ничего не знаете о произведении, вы будете использовать мнения других людей во всем их многообразии и несхожести, приметесь выискивать среди них наилучшие аргументы, начнете бороться со своей природной ленью и даже со своим не всегда хорошим вкусом...

Тут есть и другая проблема. Возьмем, к примеру, когда-то читанный «Замок» Кафки. Позже я посмотрел две весьма вольные киноадаптации «Замка», одна из них – фильм Михаэля Ханеке³³⁶, довольно сильно изменивший мое первое впечатление от романа и,

---

³³⁴ Паоло Фаббри (р. 1939) – итальянский специалист в области семиотики. (Прим. О. Акимовой.)

³³⁵ Луи Маль (1932–1995) – французский кинорежиссер, оператор, продюсер, сценарист. Автор фильмов «Лифт на эшафот» (1953), «Зази в метро» (1960) и др. (Прим. О. Акимовой.)

³³⁶ Михаэль Ханеке (р. 1942) – австрийский кинорежиссер и сценарист, в 2001 г. получил гран-при

разумеется, повлиявший на мои воспоминания о нем. Разве не глазами этих режиссеров я теперь вижу «Замок»? Вы говорили, что пьесы Шекспира, которые мы сегодня читаем, гораздо богаче по своему содержанию, чем то, что он написал, потому что они вобрали в себя все великие прочтения и интерпретации, появившиеся с тех пор, как перо Шекспира торопливо скрипело по бумаге. И я в это верю. Шекспир непрестанно обогащается и подкрепляется.

У. Э. : Я уже говорил о том, как молодые люди в Италии открывают для себя философию: не посредством философствования, как во Франции, а через историю этой дисциплины. Я вспоминаю своего учителя философии, человека весьма необычного. Именно благодаря ему я пошел изучать философию в университет. Некоторые основы философии я действительно понял при его посредничестве. Вполне вероятно, что этот великолепный учитель не читал всех трудов, о которых рассказывал в своем курсе. Стало быть, многие книги, о которых он мне говорил с энтузиазмом и знанием дела, были ему по-настоящему не знакомы. Он знал их только по учебникам истории философии.

Ж.-К. К. : Когда Эмманюэль Ле Руа Ладюри³³⁷ был директором Национальной библиотеки, он провел несколько странное статистическое исследование. За период с основания Национальной библиотеки, в эпоху Революции, положим, начиная с 1820-х годов, и по сегодняшний день более двух миллионов единиц хранения никогда не запрашивались читателями. Ни разу. Может быть, речь идет о книгах, не представляющих никакого интереса, о каких-нибудь благочестивых текстах, сборниках молитв, о каких-нибудь неточных науках (вами любимых), о справедливо забытых мыслителях. Когда создавался фонд Национальной библиотеки, поначалу во двор по улице Ришелье книги свозились тачками, вперемешку. Надо было их принять, классифицировать, и делалось это, наверное, в спешке. Потом книги в большинстве случаев впадали в долгую спячку, в которой находятся и по сей день.

А теперь я ставлю себя на место писателя или автора, каковыми мы все трое и являемся. Знать, что твои книги пылятся на полках и никто даже не берет их в руки, не слишком-то утешительно. Думаю, вашим книгам, Умберто, такая участь не грозит! В каких странах их принимают лучше всего?

У. Э. : В смысле тиражей, наверное, в Германии. Если во Франции вы продадите две-три сотни экземпляров, это рекорд. В Германии, чтобы о вас хорошо думали, нужно продать не меньше миллиона. Самые маленькие тиражи в Англии. Англичане в основном предпочитают брать книги в библиотеках. Что касается Италии, то она, кажется, стоит где-то перед Ганой. Зато итальянцы читают много журналов, больше, чем французы. Во всяком случае, именно пресса нашла хороший способ вернуть нечитающих людей к книге. Каким образом? Так произошло в Испании, в Италии, но не во Франции. Ежедневная газета за весьма скромную плату предлагает своим читателям вдобавок книгу или диск. Книготорговля выступала против такой практики, но в конце концов эта практика утвердилась. Помню, когда роман «Имя розы» предлагался таким же образом в качестве бесплатного приложения к газете «Република», газета продала два миллиона экземпляров (вместо обычных 650 000), и число читателей моей книги дошло до двух миллионов (а если учесть, что книга может заинтересовать всю семью, осторожно скажем: четыре миллиона).

Тут, возможно, книготорговцам есть о чем волноваться. Однако через полгода, когда мы подсчитали продажи за полугодие в книготорговой сети, то увидели, что из-за продажи

Каннского фестиваля за фильм «Пианистка» по роману Эльфриды Елинек. (Прим. О. Акимовой.)

³³⁷ Эмманюэль Ле Руа Ладюри (р. 1929) – французский историк, профессор Коллеж де Франс, член Французского института. (Прим. О. Акимовой.)

карманного издания они понизились весьма незначительно. Значит, эти два миллиона были не только теми людьми, которые и так ходят по книжным магазинам. Мы завоевали новых читателей.

Ж.-Ф. де Т.: Вы оба довольно оптимистично высказываетесь о роли чтения в современном обществе. Книги отныне принадлежат не только элите. И хотя им приходится соперничать с другими носителями информации, более привлекательными и более конкурентоспособными, они все равно удерживают свои позиции и доказывают свою незаменимость. Превзойти колесо снова не удалось.

Ж.-К. К.: Однажды, двадцать – двадцать пять лет назад, я сел в метро на станции «Отель-де-Виль». На платформе стояла лавка, на лавке сидел человек, а рядом с ним лежали четыре-пять книг. Он читал. Поезда проходили один за другим. Я смотрел на этого человека, которого ничего не интересовало, кроме его книг, и не мог оторваться. Он меня заинтриговал. Наконец я подошел к нему, и завязался короткий разговор. Я вежливо спросил у него, что он здесь делает. Он ответил, что приходит сюда каждое утро в восемь часов и сидит до полудня. Потом выходит на час пообедать. Потом снова приходит и сидит на своей скамейке до десяти вечера. В заключение он сказал слова, которые запомнились мне на всю жизнь: «Я читаю, я никогда ничем другим не занимался». Тут я ушел, потому что мне показалось, что я отнимаю у него время.

Почему в метро? Потому что он не мог сидеть в кафе весь день, ничего не заказывая: возможно, он не мог позволить себе такую роскошь. Метро бесплатное, там тепло, а мелькание людей его ничуть не беспокоило. Я тогда подумал и до сих пор думаю: это был идеальный читатель или конченный извращенец?

У. Э.: А что он читал?

Ж.-К. К.: Все подряд. Романы, исторические книги, эссе. Мне кажется, он скорее испытывал некую зависимость от самого чтения, чем чувствовал интерес к тому, что читает. Говорят, чтение – ненаказуемый грех. Этот пример показывает, что оно может стать настоящей перверсией, может, даже фетишизмом.

У. Э.: Когда я был ребенком, одна соседка каждый год на Рождество дарила мне по книжке. Однажды она спросила меня: «Скажи, Умбертино, ты читаешь чтобы узнать, что написано в книге, или просто потому, что любишь читать?» Мне пришлось признать, что мне не всегда интересно то, что я читаю. Я читал, потому что мне нравилось читать, неважно что. Это было одним из самых важных открытий моего детства!

Ж.-К. К.: Читать, чтобы читать, как жить, чтобы жить. Известны и такие люди, которые ходят в кино, чтобы смотреть фильмы, то есть, в известном смысле, просто движущиеся картинки. Иногда им даже неважно, что показывается или рассказывается в фильме.

Ж.-Ф. де Т.: То есть вам удалось выявить случай книжной зависимости?

Ж.-К. К.: Да, и человек в метро – тому пример. Представьте себе, что кто-то по несколько часов в день посвящает прогулкам, но при этом не обращает никакого внимания ни на пейзаж, ни на встречающихся ему людей, ни на воздух, которым он дышит. Можно ходить, бегать – так же можно и читать. Что вы запомните из книг, прочитанных таким образом? Как можно вспомнить, что читал, если за день ты проглотил две или три книги? Иногда зрители сидят в кино целый день и смотрят подряд по четыре-пять фильмов. Такова участь журналистов и членов фестивальных жюри. Начинаешь терять ориентиры.

У. Э. : Однажды у меня был такой опыт. Я был назначен в жюри Венецианского фестиваля. Думал, свихнусь.

Ж.-К. К. : Когда вы, качаясь, выходите из просмотрового зала, проглотив свой ежедневный рацион, даже пальмы на бульваре Круазетт в Каннах кажутся вам фальшивыми. Цель не в том, чтобы посмотреть во что бы то ни стало или прочесть во что бы то ни стало, а в том, чтобы знать, что с этим делать и как извлечь из этого пищу для размышлений, которой хватило бы надолго. Разве любители быстрого чтения по-настоящему ощущают вкус того, что читают? Если вы пропускаете длинные описания у Бальзака, разве вы не теряете как раз то, что глубоко отличает его произведения от других? То, что только он может вам дать?

У. Э. : Есть еще и такие, которые в романах ищут кавычки, открывающие диалог. В юности мне случалось во время чтения приключенческих рассказов перескакивать через некоторые пассажи, чтобы скорее добраться до диалогов.

Но продолжим разговор о книгах, которых мы не читали. Есть один хороший способ возбудить интерес к чтению – его придумал писатель Акилле Кампаниле³³⁸. Как маркиз Фускальдо стал самым ученым человеком своего времени? Он унаследовал от отца огромную библиотеку, но маркизу на нее было глубоко наплевать. Однажды, открыв наугад книгу, он нашел между страниц купюру в тысячу лир. Он подумал: а вдруг то же самое отыщется и в других книгах, – и всю оставшуюся жизнь провел, систематически перелистывая доставшиеся ему в наследство книги. Так он стал кладезем премудрости.

Ж.-Ф. де Т.: *«Не читайте Анатоля Франса!» Разве этот совет в том виде, в котором его давали сюрреалисты, не привлек в итоге внимания к произведениям, которые иначе никому и в голову не пришло бы читать?*

У. Э. : Сюрреалисты не единственные, кто отговаривал читать определенных авторов или определенные книги. Это жанр полемической критики, существующий, наверное, испокон веков.

Ж.-К. К. : Бретон составил список авторов, которых нужно читать и которых не нужно читать. Читайте Рембо, не читайте Вердена. Читайте Гюго, не читайте Ламартина. И странно: читайте Рабле, не читайте Монтеня. Если вы будете следовать его советам, то, возможно, пройдете мимо некоторых интересных книг. Несмотря ни на что, признаюсь: это избавило меня от прочтения, скажем, «Большого Мольна»³³⁹.

У. Э. : Вы не читали «Большого Мольна»? В таком случае, вам не следовало слушать Бретона. Это чудесная книга.

Ж.-К. К. : Может быть, еще не поздно. Я знаю, что сюрреалисты метали в Анатоля Франса громы и молнии. Но его я читал. И часто с удовольствием, например «Восстание ангелов». Но какой зуб у них был на него! После его смерти они советовали положить Франса в один из тех длинных железных ящиков, с которыми букинисты стоят на набережных Сены посреди старых книг, столь любимых им, и бросить в реку. Здесь тоже

---

³³⁸ Акилле Кампаниле (1899–1977) – итальянский писатель, драматург, журналист, известный своим сюрреалистическим юмором и игрой слов. (Прим. О. Акимовой.)

³³⁹ «Большой Мольн» («Le Grand Meaulnes», 1913) – роман французского писателя Анри Алена Фурнье (1886–1914). (Прим. О. Акимовой.)

чувствуется ненависть к пыльному книжному старью, ненужному, громоздкому и зачастую дурацкому. Ведь вопрос остается: произведения, которые не сожгли, не переврали, не извратили при переводе, не подвергли цензуре, и которые худо-бедно дошли до нас, – действительно ли это то лучшее, что мы должны читать?

У. Э. : Мы говорили о книгах, которых не существует или которые больше не существуют. О книгах непрочитанных, ожидающих того, чтобы их прочли или не прочли. Теперь я хотел бы поговорить об авторах, которых не существует, но которых мы, однако, знаем. Однажды за одним столом на Франкфуртской книжной ярмарке собрались видные издатели: Гастон Галлимар, Поль Фламан, Ледиг-Ровольт и Валентино Бомпиани. Генералы европейского книгоиздания. Они обсуждали новую безумную моду, охватившую издательства: просить бешеные деньги за права на книги еще не зарекомендовавших себя авторов. одному из них пришла в голову идея придумать такого автора. Его будут звать Мило Темешвар, он автор уже известного «Let me say now», за который Американская библиотечная ассоциация уже предложила утром пятьдесят тысяч долларов. И они решили пустить этот слух и посмотреть, что получится.

Бомпиани вернулся к своему стенду и рассказал про эту затею мне и моему коллеге (в то время мы у него работали). Идея показалась нам соблазнительной, и мы начали прогуливаться по ярмарке, потихоньку распространяя имя Мило Темешвара, которое вскоре делается знаменитым. Вечером во время ужина к нам подошел Джанджакомо Фельтринелли, очень возбужденный, и сказал: «Вы зря теряете время. Я купил мировые права на «Let me say now!» С тех пор Мило Темешвар стал для меня очень важной фигурой. Я написал рецензию на одну из книг Темешвара «The Patmos Seilers», задуманную как пародия на торговцев апокалипсисом. Я представил Мило Темешвара албанцем, изгнанным из страны за левый уклонизм! Он написал книгу в духе Борхеса об использовании зеркал в шахматах. Для его книги об апокалипсисах я даже предложил имя издателя, разумеется, выдуманное. Потом я узнал, что Арнольдо Мондадори, в свое время крупнейший итальянский издатель, вырезал мою статью и красным карандашом написал на ней: «Купить эту книгу за любую цену».

Но Мило Темешвар на этом не закончился. Его текст цитируется в предисловии к «Имени розы». Потом я отыскал имя Темешвара в некоторых библиографиях. Недавно, чтобы сделать пародию на «Код да Винчи», я процитировал несколько его произведений на грузинском и русском, доказывая тем самым, что он посвятил Дэну Брауну научные исследования. То есть с Мило Темешваром я прожил всю свою жизнь.

Ж.-Ф. де Т.: Во всяком случае, вам двоим удалось окончательно оправдать всех, у кого на полках стоят нечитанные книги, которые они никогда и не прочтут!

Ж.-К. К. : Приятно допускать, что библиотека не обязательно должна состоять из книг, которые мы читали или когда-нибудь прочтем. Это книги, которые мы можем прочесть. Или могли бы прочесть. Даже если никогда их не откроем.

У. Э. : Это гарантия знания.

Ж.-Ф. де Т.: Вроде винного погреба: не стоит выпивать все сразу.

Ж.-К. К. : У меня неплохая коллекция вин, и я уже решил, что оставляю особо выдающиеся бутылки своим наследникам – прежде всего потому, что я пью вина все меньше и меньше, а покупаю все больше и больше. Но я знаю: если приспичит, я могу спуститься в погреб и прикончить свои лучшие вина. Я покупаю «винные фьючерсы». Это значит, что вы приобретаете вина в год урожая, а получаете через три года. Выгода в том, что, если речь идет, к примеру, о хорошем бордо, производители хранят его в бочках, а потом в бутылках, в

самых лучших условиях. За эти три года ваше вино облагородится, и вы не выпьете его раньше срока. Прекрасная система. Через три года вы, как правило, уже забываете, что заказали это вино, и получаете подарок от самого себя. Это восхитительно.

Ж.-Ф. де Т.: Не стоит ли так же поступать и с книгами? Откладывать их на время – не обязательно в погреб, – чтобы дать им созреть?

Ж.-К. К. : Во всяком случае, это помогло бы побороть ненавистный «эффект новизны», заставляющий нас читать книгу, потому что это новинка, потому что она только что вышла. Почему бы не оставить роман, «о котором все говорят» и не прочитать его три года спустя? Этот метод я часто применяю к фильмам. Поскольку у меня нет времени смотреть все, что нужно посмотреть, я оставляю некоторые фильмы на потом. Через некоторое время, в большинстве случаев, я понимаю, что и желание, и необходимость их смотреть прошли. В этом смысле покупка винных фьючерсов – это, наверное, уже некий отсев. Я выбираю то, что хотел бы выпить через три года. По крайней мере, я так думаю.

Или другой метод: вы можете положиться на отбор, сделанный за вас «экспертом», более компетентным, чем вы, и знающим ваши вкусы. Так в течение многих лет я полагался на Жерара Оберле, который указывал мне, какие книги я должен купить, невзирая на мои финансовые возможности на тот момент. Он приказывал, я подчинялся. Именно так я приобрел во время нашей первой встречи роман конца XVIII века «Паулиска, или Современная испорченность. Недавние воспоминания одной польки»³⁴⁰, который я с тех давних пор больше нигде не видел.

Там есть сцена, которую я всегда мечтал перенести на экран. Один человек, типограф, обнаруживает, что жена ему неверна. Он нашел улику: письмо от ее любовника. Тогда муж набирает текст этого письма на печатной форме, раздевает жену догола, привязывает к столу и впечатывает это письмо в ее тело как можно глубже. Обнаженное белое тело становится бумагой, женщина кричит от боли и навсегда превращается в книгу. Это как бы прообраз «Алой буквы» Готорна. В этой мечте – напечатать любовное письмо на теле виновной женщины – поистине воплощен взгляд типографа или, на худой конец, писателя.

Книга на алтаре и книги в «аду»³⁴¹

Ж.-Ф. де Т.: Мы отдаем дань уважения книге, всем книгам – тем, что исчезли, тем, которых мы не читали, тем, которые мы не должны читать. Эта дань уважения становится понятной только в контексте тех обществ, которые положили книгу на алтарь. Может быть, теперь стоило бы сказать несколько слов о наших религиях Писания, религиях священных книг?

У. Э. : Важно отметить, что мы несправедливо называем только три монотеистических религии «религиями Писания», ведь буддизм, брахманизм, конфуцианство – это тоже религии, основанные на книгах. Разница в том, что в монотеизме основополагающее Писание приобретает особый смысл. Его почитают, ибо подразумевается, что эта Книга выражает и передает некое божественное слово.

Ж.-К. К. : Для религий Писания непререкаемым авторитетом остается древнееврейская

---

³⁴⁰ «Паулиска, или Современная испорченность» («Pauliska ou la perversité moderne, mémoires récents d'une Polonoise», 1798) – роман Жака Антуана де Реверони, барона де Сен-Сира (1767–1829). (Прим. О. Акимовой.)

³⁴¹ Книги в «аду» – выражение «книга в аду» (livre en enfer) на жаргоне французских книготорговцев и библиофилов означает, что книгу никто не покупает, она никому не нужна. (Прим. О. Акимовой.)

Библия, самая древняя для всех трех религий. Ее текст был составлен, как полагают, во время Вавилонского пленения, то есть примерно в VII–VI веках до христианской эры. Нам следовало бы подкрепить наши слова комментариями специалистов. Ну хотя бы таким: в Библии сказано – «В начале было Слово, и слово было Бог». Но как слово стало письмом? Почему именно книга представляет и воплощает собой слово? Каким образом и под чье ручательство был совершен переход от одного к другому? С тех пор, действительно, сам акт писания приобретает почти магическое значение – как будто тот, кто владеет письмом, этим ни с чем не сравнимым инструментом, состоит в тайной связи с Богом, с загадками Мироздания. Еще нам следовало бы задаться вопросом, какой язык избрало слово для своего воплощения. Если бы Христос выбрал для своего пришествия наше время, он, наверное, остановился бы на английском или на китайском. Но он говорил по-арамейски – пока его не перевели на греческий, а потом на латынь. Все эти этапы, очевидно, представляют угрозу для самого послания. Действительно ли он говорил то, что мы вкладываем в его уста?

У. Э. : Когда в XIX веке в тexasских школах решили преподавать иностранные языки, один сенатор решительно этому воспротивился, выдвинув такой, вполне здравый аргумент: «Если Иисус обходился английским, значит, и нам не нужны другие языки».

Ж.-К. К. : Что касается Индии, то тут другой случай. Конечно, там есть книги, но устная традиция всегда имела больший вес. Даже сегодня она считается более заслуживающей доверия. Почему? Дело в том, что там все древние тексты проговариваются, точнее пропеваются хором. Если кто-то ошибется, его тут же поправят. Значит, устная традиция великих эпосов, существовавшая в течение почти тысячи лет, должна порождать меньше ошибок, чем наши транскрипции, сделанные монахами, которые переписывали от руки старинные тексты в своих скрипториях, повторяя ошибки своих предшественников и прибавляя к ним новые. В индийском мире мы не находим подобной ассоциации слова с божеством или с сотворением мира – просто потому, что сами боги были сотворены. Вначале вибрирует безбрежный хаос, в котором носятся обрывки музыки или звуков. В конце концов, через миллионы лет, эти звуки становятся гласными. Мало-помалу они сочетаются друг с другом, опираются на согласные, превращаются в слова, и эти слова, в свою очередь, складываются в Веды. Таким образом, у Вед нет автора. Они – порождение космоса и именно поэтому имеют такой авторитет. Кто осмелится поставить под сомнение слово вселенной? Но мы можем и даже должны попытаться его понять. Ибо Веды темны, как бездонные глубины, из которых они возникли. Значит, нам требуются комментарии, чтобы их прояснить. Тогда появляются Упанишады, затем вторая категория основополагающих индийских текстов и, наконец, непосредственно авторы. Боги же появляются в промежутке между текстами второй категории и авторами. Богов создают слова. А не наоборот.

У. Э. : Не случайно индийцы были первыми лингвистами и грамматистами.

Ж.-Ф. де Т.: Вы не могли бы рассказать, как вы сами прониклись «религией Писания»? Какой была ваша первая встреча с книгами?

Ж.-К. К. : Я родился в деревне в доме, где не было книг. По-моему, мой отец всю жизнь читал и перечитывал одну и ту же книгу, «Валентину» Жорж Санд. Когда его спрашивали, зачем он ее все время перечитывает, он отвечал: «Она мне очень нравится, зачем мне читать другие?»

Первыми книгами, вошедшие в наш дом, – я не говорю о нескольких старых молитвенниках, – были мои детские книжки. Кажется, самую первую книгу в моей жизни я увидел, когда пришел в церковь, это была священная книга, она лежала на виду на алтаре, и священник с почтением переворачивал ее страницы. Так что моей первой книгой был предмет культового обихода. В те времена священник поворачивался к пастве спиной и

читал евангелие с необычайным усердием, пропевая вначале: «In illo tempore, dixit Jesus discipulis suis...»

Истина с пением выходила из книги. Что-то, вписанное глубоко в мою душу, заставляет меня отводить книге особое и даже священное место, всегда так или иначе возвышающееся на алтаре моего детства. Книга – поскольку она книга – содержит в себе истину, ускользающую от людей.

Странно, но спустя многие годы у меня было такое же ощущение от фильма Лорела и Харди³⁴², весьма почитаемых мною персонажей. Лорел что-то говорит, уже не помню что. Харди удивляется и спрашивает, уверен ли он в этом. А Лорел отвечает: «Я это знаю, я читал в одной книге». Аргумент, который до сих пор кажется мне вполне достаточным.

Я очень рано пристрастился к книгам: недавно я нашел список книг, составленный мной в десятилетнем возрасте. Там уже было восемьдесят названий! Жюль Верн, Джеймс Оливер Кервуд, Фенимор Купер, Джек Лондон, Майн Рид и другие. Я сохранил этот список как свой первый каталог. Это значит, что была определенная тяга. Она происходила и от нехватки книг, и от той чудесной ауры, которой в наших деревнях обладал большой Миссал³⁴³. Это был не антифонарий³⁴⁴, но книга весьма внушительных размеров: тяжелая ноша для ребенка.

У. Э. : У меня открытие книги состоялось иначе. Мой дед по отцовской линии, умерший, когда мне было лет пять-шесть, был типографом. И как все типографы, он был вовлечен во все политические баталии того времени. Будучи приверженцем гуманного социализма, он не довольствовался организацией забастовок со своими друзьями. В день забастовки он приглашал штрейкбрехеров к себе на обед, чтобы их не побили бастующие!

Время от времени мы ездили к нему за город. Выйдя на пенсию, он стал переплетать книги. У него дома на полках в ожидании переплета стояло множество книг. Большинство из них были с картинками. Знаете, эти издания популярных романов XIX века с гравюрами Жоанно, Ленуара... Моя любовь к длинным романам, несомненно, зародилась, когда я приходил в мастерскую деда. Когда он умер, у него дома еще оставались книги, отданные ему в переплет, но никто за ними так и не пришел. Они были сложены в огромный ящик, который получил в наследство мой отец, первый из тринадцати сыновей.

И этот огромный ящик стоял в подвале нашего семейного дома, то есть в пределах моей досягаемости, а визиты к деду уже пробудили мое любопытство. Когда я спускался в погреб за углем для топки или за бутылкой вина, я оказывался среди всех этих непереpletенных книг, поражающих воображение восьмилетнего ребенка. Тут было все, чтобы взбудоражить мой ум. Не только Дарвин, но и эротические книги, и все выпуски с 1912 по 1921 годы «Giornale illustrato dei viaggi», итальянской версии «Journal des Voyages et des aventures de terre et de mer»³⁴⁵. Моим воображением владели отважные французы, повергающие гнусного пруссака, хотя все это было насквозь пропитано махровым национализмом, чего я, конечно же, тогда не замечал. И все это было приправлено жестокостью, о которой мы нынче и понятия не имеем: отрубленные головы,

---

³⁴² *Лорел и Харди* – Стэн Лорел (сценический псевдоним Артура Стенли Джефферсона 1890–1965) и Оливер Харди (1892–1957) – американские киноактеры-комики, одна из наиболее популярных комедийных пар в истории кино. (Прим. О. Акимовой.)

³⁴³ *Миссал* – в Римско-католической церкви богослужебная книга, содержащая последования Мессы с сопутствующими текстами.

³⁴⁴ *Антифонарий* – в латинской традиции богослужебная певческая книга, содержащая песнопения суточного круга.

³⁴⁵ «Дневник путешествий и приключений на суше и на море» (*фр.*).

изнасилованные девственницы, дети со вспоротыми животами в самых экзотических странах.

К сожалению, все это дедово наследие утрачено. Я настолько зачитал и затаскал по друзьям эти книги, что в конце концов они отдали богу душу. Один итальянский издатель, Сонзоньо, специализировался на выпуске иллюстрированных приключенческих рассказов. Когда в 70-е годы издательская группа, где я печатался, выкупила его издательство, я обрадовался, подумав, что, может быть, отыщу некоторые книги моего детства, например «Грабителей морей» Жаколио³⁴⁶, опубликованных на итальянском под названием «Il Capitano Satana»³⁴⁷. Но фонды издательства во время войны разбомбили. Чтобы восстановить свою детскую библиотеку, мне пришлось годами копаться в букинистических лавках и на блошиных рынках, и дело это до сих пор не закончено...

Ж.-К. К. : Надо подчеркнуть (и вы как раз это делаете), насколько книги, прочитанные в детстве, повлияли на наши судьбы. Специалисты по Рембо любят напоминать, сколь многим он был обязан своим «Пьяным кораблем» прочитанному им роману Габриеля Ферри³⁴⁸ «Косталь-индеец». Но я заметил, Умберто, что вы начали с приключенческих романов и фельетонов, а я со священных книг. По крайней мере, с одной из них. Что, возможно, объясняет некоторые расхождения наших путей, кто знает? Что меня по-настоящему удивило во время моих первых поездок в Индию, так это то, что в индуистском культе нет книги. Нет написанного текста. Верующим не дают ничего почитать или пропеть, потому что они в большинстве своем неграмотны.

Наверное, по этой причине мы на Западе настойчиво говорим о «религиях Писания». Библия, Новый Завет и Коран – это высокая литература. Они написаны не для безграмотных, не для невежд или низших слоев общества. Они воспринимаются как книги, пусть написанные не самим Богом, но под его диктовку и в духе его идей. Коран составлен под диктовку ангела, и Пророк, от которого требуется «читать» (это самый первый наказ), вынужден признать, что он не умеет, что он этому не учился. И тогда он наделяется даром читать мир и выражать его в слове. Религия, контакт с Богом поднимает нас к вершинам знания. Чтение необходимо.

Евангелия написаны на основе свидетельств апостолов, запомнивших слово Сына Господня. С точки зрения Библии, все упирается в книгу. Нет другой такой религии, где книга играла бы роль связующего звена между миром божественным и миром человеческим. Некоторые индуистские тексты священны, например «Бхагавад-Гита», но они не являются предметами культа в собственном смысле слова.

Ж.-Ф. де Т.: *А в греческом и римском мире почитали книгу?*

У. Э. : Не как объект, имеющий отношение к религии.

Ж.-К. К. : Возможно, римляне почитали книги сивиллы, содержащие оракулы греческих предсказательниц, которые христиане позднее сожгли. Двумя «священными» книгами греков были, пожалуй, Гесиод и Гомер. Но нельзя сказать, что для греков эти книги были религиозными откровениями.

---

³⁴⁶ *Жаколио*, Луи (1837–1890) – французский писатель. Здесь упоминается его роман «Les ravageurs de la mer» (1890). (Прим. О. Акимовой.)

³⁴⁷ «Капитан Сатана» (*ит.*).

³⁴⁸ *Габриель Ферри* (1809–1852) – французский писатель, автор приключенческих романов, десять лет проживший в Мексике. (Прим. О. Акимовой.)

У. Э. : В политеистической культуре не может существовать власть, стоящая над всеми, а значит, понятие одного «автора» откровения бессмысленно.

Ж.-К. К. : «Махабхарата» написана Вьясой, аэдом, индийским Гомером. Но это были дописьменные времена. Вьяса, первый автор, не умел писать. Он говорил, что сочинил «великую поэму о мире», которая расскажет нам все, что мы должны знать, но он не может писать, просто-напросто не умеет. Люди – или боги – еще не изобрели письменность. Вьясе нужен кто-то, кто запишет то, что он знает, чтобы через письменность к людям пришла истина. Тогда Брахма посылает ему полубога Ганешу, и тот появляется со своим округлым животиком, своей головой слона и письменным прибором. Чтобы писать, он отламывает один из бивней и макает в чернильницу – поэтому на всех изображениях Ганеши правый бивень у него сломан. Впрочем, во время написания поэмы между Ганешей и Вьясой возникает творческое соперничество. Так что «Махабхарата» – ровесница письменности. Она является первым написанным произведением.

У. Э. : То же говорят и про поэмы Гомера.

Ж.-К. К. : Почитание Библии Гутенберга, о которой мы говорили, в полной мере обосновывается контекстом, сформированным нашими религиями Писания. Современная история книги также начинается с Библии.

У. Э. : Но это почитание бытует в основном среди библиофилов.

Ж.-К. К. : А сколько существует экземпляров Библии Гутенберга? Вы знаете?

У. Э. : Тут источники расходятся. Всего, вероятно, было отпечатано не больше двух-трех сотен экземпляров. На сегодняшний день их осталось сорок восемь, двенадцать из которых – на веленовой бумаге. Может быть, где-то у частных лиц хранятся еще несколько. У той же нашей ничего не ведающей старушки, о которой мы говорили ранее и которая готова расстаться со своим экземпляром.

Ж.-К. К. : Тот факт, что книга смогла стать настолько священной, является доказательством огромного значения, которое она приобрела и сохранила в истории сменявших друг друга культур. А иначе откуда взялась бы власть просвещенных людей в Китае? А власть писцов в египетской культуре? Умение писать и читать было привилегией очень небольшой группы людей, получавших таким образом огромную власть. Представьте, что мы с вами – единственные люди в округе, умеющие читать и писать. Мы могли бы обмениваться между собой таинственными посланиями, страшными откровениями и письмами, содержание которых никто не мог бы узнать.

Ж.-Ф. де Т.: По поводу почитания книг: Фернандо Баэз в своей «Истории уничтожения книг» цитирует Иоанна Златоуста, который рассказывает, что некоторые люди в IV веке носили на шее древние рукописи, чтобы защититься от злых сил.

Ж.-К. К. : Книга может быть не только талисманом, но и инструментом колдовства. Когда испанские монахи сжигали кодексы в Мексике, они объясняли это тем, что эти книги приносят зло. Тем самым они противоречили сами себе. Если они пришли, ведомые силой истинного Бога, как могли ложные боги повлиять на них? То же самое говорили о тибетских книгах, порой обвинявшихся в том, что они содержат опасные эзотерические учения.

У. Э. : Вам известно исследование Раймондо ди Сангро, князя Сан-Северо³⁴⁹, по поводу кипу?

Ж.-К. К. : Вы имеете в виду веревочки с узелками, которыми правители инков пользовались как временной заменой письменности?

У. Э. : Именно. Мадам де Граффины³⁵⁰ написала «Письма перуанки», роман, снискавший в XVIII веке огромный успех. Раймондо ди Сангро, неаполитанский князь-алхимик, изучив книгу мадам де Граффины, написал удивительное исследование кипу, в нем есть цветные рисунки.

Вообще, этот князь Сан-Северо весьма необычный персонаж. Будучи, вероятно, масоном и оккультистом, он стал известен тем, что украсил свою капеллу в Неаполе изваяниями человеческих тел со снятой кожей и видной глазу системой кровообращения, настолько реалистичными, что, казалось, он работал с живыми человеческими телами, – быть может, телами рабов, которым впрыснул какие-то вещества, чтобы те застыли в камне. Если будете в Неаполе, обязательно сходите в крипту капеллы Сан-Северо и полюбуйтесь на них. Эти тела – словно Везалий³⁵¹ в камне.

Ж.-К. К. : Заверяю вас, что непременно схожу. Так вот, по поводу узелкового письма, вызвавшего столько удивленных комментариев: я вспоминаю те гигантские фигуры, найденные в Перу, про которые любители приключений говорили, что их вырубили в скале, чтобы передать послания существам, пришедшим из иных миров. Я перескажу вам одну новеллу Тристана Бернара³⁵², на подобную тему. Однажды земляне заметили, что им посылают сигналы с одной далекой планеты. Они собрали совет, чтобы понять, что же означают эти сигналы, которых они не могли расшифровать, и решили в ответ составить максимально короткое послание, написанное в пустыне Сахара огромными буквами, величиной в несколько десятков километров. Они написали «Что?», потратили на эту работу годы. И каково же было их удивление, когда через некоторое время они получали ответ: «Простите, но наше послание адресовано не вам».

Я сделал это маленькое отступление, чтобы спросить вас, Умберто: что такое книга?

---

³⁴⁹ Раймондо ди Сангро (1710–1771), князь Сан-Северо – неаполитанский вельможа, интеллектуал-энциклопедист, написал книгу «La Lettera Apologetica», в которую включил многие знаки кипу – своеобразной письменности инков, представлявшей собой сложные сплетения и узелки из шерсти или хлопка. Тем не менее основывался он все же не на романе мадам де Граффины, а на рукописи «Historia et rudimenta linguae riguanorum» (1638), написанной иезуитскими миссионерами в Перу Джованни Антонио Кумисом и Джованни Анелло Оливой. Капелла Сан-Северо, перестроенная в 1749–1767 гг. князем Раймондо ди Сангро, стала подлинным произведением искусства благодаря великолепным скульптурным композициям. Однако большинство специалистов все же склоняется к тому, что в крипте (усыпальнице) капеллы хранятся не скульптуры, а мумифицированные тела мужчины и женщины, представляющие собой скелеты, опутанные кровеносными сосудами, так как в XVIII в. наука еще не имела столь подробного представления о строении кровеносной системы человека. Вся кровеносная система (сердце, артерии и вены) остается на протяжении вот уже нескольких столетий совершенно нетронутой, что по-прежнему является загадкой для специалистов. (Прим. О. Акимовой.)

³⁵⁰ Де Граффины, Франсуаза (1695–1758) – одна из самых известных французских писательниц XVIII в., автор знаменитого эпистолярного романа «Письма перуанки» (1747). (Прим. О. Акимовой.)

³⁵¹ Везалий, Андреас (1514–1564) – врач и анатом, лейб-медик Карла V, потом Филиппа II. Младший современник Парацельса, основоположник научной анатомии. (Прим. О. Акимовой.)

³⁵² Тристан Бернар (наст. имя Поль Бернар) (1866–1947) – французский писатель, автор романов и пьес. Прославился своими афоризмами. Здесь имеется в виду новелла «Что же они нам все-таки говорят?» («Qu'est-ce qu'ils peuvent bien nous dire?») из сборника «Contes de Pantruche et d'ailleurs» (1897). (Прим. О. Акимовой.)

Является ли любой объект, содержащий читаемые знаки, книгой? Римские свитки – это книги?

У. Э. : Да, мы считаем их частью истории книги.

Ж.-К. К. : Есть соблазн сказать: книга – это предмет, который можно прочесть. Но это неверно. Газету тоже можно читать, но это не книга. То же самое можно сказать о письме, о надгробном камне, о транспарантах на демонстрации, об этикетках и о текстах на экране моего компьютера.

У. Э. : Мне кажется, один из способов дать определение книге – это подумать о том, какая разница существует между языком и диалектом. Ни один лингвист не скажет вам точно. И между тем мы можем проиллюстрировать это различие, сказав, что диалект – это язык без армии и флота. По этой причине мы говорим, например, о венецианском языке, потому что он использовался в дипломатических и торговых документах. Этого никогда не происходило, скажем, с пьемонтским диалектом.

Ж.-К. К. : Поэтому он и остался диалектом.

У. Э. : Именно так. Поэтому если на небольшой стеле выбито одно слово, скажем, имя бога, это еще не книга. Но если перед вами обелиск, на котором много слов, рассказывающих об истории Египта, значит, у вас есть некое подобие книги. Та же разница, что между текстом и предложением: предложение заканчивается там, где стоит точка, а текст – это то, что находится за пределами первой точки, отмечающей первое предложение, которое составляет этот текст. «Я вернулся домой». Предложение закончено. «Я вернулся домой. Повидался с мамой». Вот вам уже текстуальность.

Ж.-К. К. : Я хотел бы процитировать отрывок из эссе «философия книги», которое Поль Клодель³⁵³ опубликовал в 1925 году на основе лекции, прочитанной им во Флоренции. Клодель – автор, которого я совсем не люблю, но у него случались удивительные озарения. Он начинает с такого трансцендентального утверждения: «Мы знаем, что на самом деле мир – это текст, и он говорит с нами, смиренно и радостно, об отсутствии себя самого и в то же время о вечном присутствии кого-то другого, а именно – своего Создателя».

Разумеется, это слова христианина. Чуть далее он говорит: «Мне пришла мысль исследовать физиологию книги – слово, страницу и книгу. Слово – это всего лишь неуспокоенный кусочек предложения, отрезок пути, ведущего к смыслу, головокружение от ускользающей мысли. Китайское слово, наоборот, остается неподвижным перед нашим взглядом... Письмо говорит, и в этом его тайна. Древняя и современная латынь была создана для того, чтобы писать на камне. Первые книги являются прекрасной архитектурой. Затем мысль начинает двигаться все быстрее, поток мысленной субстанции возрастает, строки сжимаются, почерк округляется и укорачивается. Вскоре эта влажная, дрожащая пелена на странице, вышедшей из-под тонкого кончика пера, попадет в печатный станок и превратится в клише... И вот вам человеческий почерк, несколько стилизованный, упрощенный, как часть механизма... Стих – это строчка, которая заканчивается не потому, что дошла до

---

³⁵³ *Поль Клодель* (1868–1955) – французский поэт, драматург, эссеист, крупнейший католический писатель XX в. Карьер цитирует не связный текст, а разрозненные отрывки из лекции, прочитанной во Флоренции на Книжной ярмарке в 1925 г. и позднее вошедшей в первый том сборника эссе «Positions et propositions»(1928). Возможно, в названии этого текста, «Философия книги», присутствует ошибка, поскольку в своей речи Клодель говорит: «...мне пришла мысль исследовать сегодня вместе с вами то, что, с вашего позволения, я назову физиологией книги...» (цит. по: Paul Claudel, Oeuvres en prose; Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1965, p. 72). (Прим. О. Акимовой.)

некоей материальной границы и ей не хватает места, а потому, что ее внутреннее число свершилось и ее сила иссякла... Каждая страница предстает перед нами как регулярные террасы огромного сада. Глаз испытывает восхитительное наслаждение, которое внезапным ударом прилагательного откуда-то сбоку вдруг врывается в бесцветность с яростью гранатовой или огненной ноты... Большая библиотека всегда напоминает мне пласты породы в угольной шахте, полной окаменел остей, следов и догадок. Это гербарий чувств и страстей, банка, где хранятся высушенные образцы всех человеческих обществ».

У. Э. : Здесь прекрасно показано, что отличает поэзию от риторики. Поэзия совершенно по-новому откроет для нас понятия «письменность», «книга», «библиотека». При этом Клодель говорит то, что нам и так известно! Стих заканчивается не потому, что кончается страница, а потому, что он повинуется внутренним законам, и т. д. То есть это возвышенная риторика. Но он не добавляет ни одной новой мысли.

Ж.-К. К. : В то время как Клодель видит в своей библиотеке «пласты породы в угольной шахте», один из моих друзей сравнивает свои книги с теплой меховой шубой. Он чувствует, как книги его согревают, окутывают, защищают от ошибки, от неуверенности и от морозов тоже. Вас окружают все идеи мира, все чувства, все знания и все существовавшие заблуждения, и это дарит вам ощущение безопасности и комфорта. В лоне вашей библиотеки вам никогда не будет холодно. Вы защищены, во всяком случае от ледяной угрозы невежества.

У. Э. : Атмосфера, царящая в библиотеке, также может способствовать возникновению этого чувства защищенности. Лучше всего, если обстановка в ней будет старинная, то есть все будет сделано из дерева. Лампы в стиле тех, что стоят в Национальной библиотеке, зеленого цвета. Сочетание каштанового и зеленого помогает создать эту особую атмосферу. Библиотека Торонто, совершенно современная (и по-своему удачная), не дает того ощущения защищенности, какое дает Йельская Мемориальная библиотека Стерлинга, залы в псевдоготическом стиле, целые этажи, обставленные мебелью XIX века. Помнится, идея убийства, совершенного в библиотеке в романе «Имя розы» пришла мне как раз в Йельской библиотеке Стерлинга. Когда я вечером работал в мезонине, мне казалось, что со мной может случиться все что угодно. Там нет лифта, чтобы подняться на мезонин, поэтому когда вы сидите там за столом, создается впечатление, что никто не сможет прийти вам на помощь. Ваш труп, засунутый под стеллаж, найдут лишь через много дней после преступления. Возникает чувство, будто вы законсервированы, – то, которое витает над памятниками и надгробиями.

Ж.-К. К. : Что меня всегда очаровывало в больших публичных библиотеках, – это конус зеленого света, в светлом круге которого лежит книга. У вас есть своя книга, и вас окружают все книги на свете. У вас есть одновременно и часть, и целое. Именно поэтому я не хожу в современные библиотеки, такие холодные и безликие, в которых вы не видите книг. Мы совершенно забыли, что библиотека может быть красивой.

У. Э. : Когда я работал над своей диссертацией, то много времени проводил в библиотеке Святой Женевиевы³⁵⁴. В библиотеках такого типа легко сконцентрироваться на книгах, легко делать записи. Как только появились первые ксероксы, это стало началом конца. Вы можете воспроизвести книгу и унести ее домой. Вы наполняете свой дом копиями. А когда они у вас под рукой, это значит, что вы их не читаете.

---

³⁵⁴ Библиотека Святой Женевиевы (Bibliothèque Sainte-Geneviève) – государственная междуниверситетская и публичная библиотека в Париже. (Прим. О. Акимовой.)

С Интернетом происходит та же история. Либо вы распечатываете и снова оказываетесь в ворохе бумаг, которые не будете читать. Либо читаете текст с экрана, но, как только вы кликаете мышкой, чтобы продвинуться дальше, вы тут же забываете все только что прочитанное, все, благодаря чему вы добрались до этой страницы, висящей на вашем экране.

Ж.-К. К. : Вопрос, который мы еще не затрагивали: почему мы ставим книги рядом, одна к другой? Почему мы ставим их именно так, а не иначе? Почему я вдруг начинаю переставлять книжки в своей библиотеке? Лишь затем, чтобы одни книги стояли рядом с другими? Чтобы возобновить знакомство с ними? Ради поддержания соседских отношений? Я предполагаю, что между книгами существует некий взаимообмен, – я хотел бы, чтобы это было так, и я этому способствую. Те, что внизу, я поднимаю наверх, чтобы немного вернуть им достоинство, чтобы поставить их на уровне глаз и дать им понять, что вниз я их поместил не намеренно: не потому, что они плохи, а стало быть, презираемы мной.

Конечно, мы должны производить отсев, во всяком случае способствовать ему (хотя он состоится и без нас) и пытаться спасти то, чему, на наш взгляд, нельзя потеряться в пути. То, что может понравиться тем, кто придет после нас, что как-то поможет им или позволит посмеяться над нами. Кроме того, мы должны всякий раз, когда это возможно, придавать написанному смысл, хотя и с осторожностью. Но мы живем в пограничную, переменчивую эпоху, когда каждый прежде всего обязан по возможности способствовать обмену знаниями, опытом, взглядами, надеждами, проектами. Обязан связывать их между собой. Возможно, это станет первоочередной задачей для тех, кто придет после нас. Леви-Стросс говорил, что культуры живы лишь постольку, поскольку они взаимодействуют с другими культурами. Изолированная культура не заслуживает того, чтобы называться культурой.

У. Э. : Однажды моя секретарь захотела составить каталог моих книг, чтобы каждой определить свое место. Я ее отговорил. Садясь писать книгу о совершенном языке, я перетасую свою библиотеку под эту работу, я ее переоборудую. Какие книги лучше всего подходят, чтобы подпитывать мои размышления на эту тему? Когда я закончу перестановку, одни книги встанут рядом с трудами по лингвистике, другие – рядом с трудами по эстетике, а иные окажутся на борту какого-нибудь следующего исследования.

Ж.-К. К. : Нужно сказать, нет ничего сложнее, чем приводить в порядок библиотеку – разве что вносить порядок в сам мир. Кто на такое отважится? Как вы будете их расставлять? По темам? Но тогда у вас рядом будут стоять книги совершенно разных форматов, и вам придется передвигать полки. Тогда по форматам? По периодам? По авторам? Есть авторы, писавшие обо всем подряд. Если вы выберете расстановку по темам, такой автор, как Кирхер, окажется на каждой полке.

У. Э. : Лейбниц тоже пытался решить эту задачу. С его точки зрения, это проблема организации знания. Ту же задачу ставили перед собой Д'Аламбер и Дидро, работая над «Энциклопедией».

Ж.-К. К. : По-настоящему эту проблему начали ставить лишь недавно. Большая частная библиотека в XVII веке насчитывала максимум три тысячи томов.

У. Э. : Просто потому, повторимся, что книги стоили бесконечно дороже, чем сегодня. Одна рукопись стоила целое состояние – столько, что иногда дешевле было переписать ее от руки, чем купить.

Теперь я хотел бы рассказать вам забавную историю. Я как-то был в библиотеке Коимбрского университета в Португалии. Столы там накрыты мягким сукном наподобие бильярдного. Я спросил, зачем они так защищены. Мне ответили: чтобы уберечь книги от

помета летучих мышей. Почему бы в таком случае не уничтожить самих мышей? Просто потому, что они едят червей, которые поедают книги. В то же время червя тоже не нужно полностью уничтожать: по ходам, которые эти черви протачивают внутри инкунабул, можно узнать, каким образом были переплетены листы и нет ли в них более поздних вставок. Хитросплетения ходов червей иногда создают странные рисунки, придающие старинным книгам своеобразное клеймо. В руководствах для библиофилов мы находим множество рецептов защиты от червя. Один из таких советов – использовать «Циклон Б», то самое вещество, которое нацисты применяли в газовых камерах. Конечно, лучше применять его для уничтожения насекомых, чем людей, но это все равно производит соответствующее впечатление.

Другой, менее варварский метод состоит в том, чтобы установить в библиотеке будильник, такой, какие были у наших бабушек: его регулярный звук и вибрации, передающиеся дереву, не дают червям выйти из своих укрытий.

У. Э. : Итак, это будильник, который усыпляет.

Ж.-Ф. де Т.: Мы живем в контексте, сформированном религиями Писания, и это является, само собой, сильным толчком к чтению книг. Вместе с тем подавляющее большинство жителей нашей планеты живет вдали от книжных магазинов и библиотек. Для них книга – это мертвые буквы.

У. Э. : Опрос в Лондоне показал, что четверть горожан считают Уинстона Черчилля и Чарльза Диккенса вымышленными персонажами, а Робина Гуда и Шерлока Холмса – реально существовавшими.

Ж.-К. К. : Нас окружает невежество, зачастую чванливое и отстаивающее свое право быть таким. Оно все время приобретает новых сторонников. Оно самоуверенно и заявляет о своем превосходстве устами наших ограниченных политиков. А знание, хрупкое и переменчивое, которому угрожают разные опасности, которое сомневается в самом себе, является, возможно, одним из последних прибежищ утопии. Как вы думаете, насколько важны знания?

У. Э. : Думаю, это самое главное.

Ж.-К. К. : Важно, чтобы как можно больше людей знали как можно больше?

У. Э. : Чтобы как можно больше нам подобных существ знали свое прошлое. Это основа любой цивилизации. Старик, что вечерами под дубом рассказывает историю своего племени, устанавливает связь племени с прошлым и передает опыт поколений. В наши дни существует искушение полагать, подобно американцам, что происходившее триста лет назад уже не имеет для нас никакого значения. Джордж Буш, не читавший книг об английских войнах в Афганистане, не смог извлечь никакого урока из опыта англичан и отправил свою армию на бойню. Если бы Гитлер изучил русскую кампанию Наполеона, он бы не повторил этой глупости, не полез бы туда. Он бы знал, что лето всегда слишком короткое, чтобы успеть дойти до Москвы к зиме.

Ж.-К. К. : Мы говорили о тех, кто пытается запретить книги, и о тех, кто их не читает просто из лени или невежества. Но существует еще целая теория «ученого незнания» Николая Кузанского³⁵⁵. «В листочке дерева ты найдешь больше, чем в книгах, – пишет

---

³⁵⁵ Николай Кузанский (1401–1464) – кардинал, крупнейший немецкий мыслитель XV в., философ, теолог, ученый, математик, церковно-политический деятель. Здесь имеется в виду его философский трактат «Об

святой Бернар³⁵⁶ Генри Мёрдаку³⁵⁷, аббату Воклера. – Деревья и скалы научат тебя тому, чему не научит ни один учитель». Именно потому, что книга является оформленным печатным текстом, она ничему не может нас научить, а зачастую и сеет в нас сомнение, поскольку предлагает нам разделить впечатления какого-то отдельно взятого человека. Истинное же знание заключено в созерцании природы. Не знаю, знакомы ли вы с прекрасным текстом Хосе Бергамина³⁵⁸ «Закат неграмотности». Он ставит вопрос так: что мы утратили, научившись читать? Какие формы знания, которыми владели доисторические люди или народы, не имевшие письменности, мы утратили безвозвратно? Вопрос без ответа, как и все острые вопросы.

У. Э. : По-моему, каждый может ответить на этот вопрос для себя лично. Великие мистики давали на него разные ответы. Фома Кемпийский³⁵⁹ в трактате «О подражании Христу» говорит, например, что никогда не смог бы найти покоя в жизни, если бы время от времени не уединялся где-нибудь с книгой. А Якоба Бёме³⁶⁰, напротив, самое великое озарение посетило, когда луч света упал на оловянный горшок, стоявший перед ним. В тот момент ему было совершенно все равно, есть рядом книги или нет, ибо ему открылось то, что определит впоследствии все его творчество. Но мы, книжные люди, ничего не смогли бы извлечь из ночного горшка в луче света.

Ж.-К. К. : Вернусь к библиотекам. Возможно, и с вами такое бывает: я прихожу в комнату с книгами и просто смотрю на них, не прикасаясь. Я получаю при этом что-то такое, чего не могу выразить словами. Этот опыт интригует и в то же время успокаивает. Когда я еще был в FEMIS, я узнал, что Жан-Люк Годар ищет в Париже помещение для работы, и мы разрешили ему занять одну из наших комнат, но с одним условием: взять несколько студентов, когда он будет монтировать свои фильмы. И вот он снимает фильм, а по окончании съемок расставляет на полках разноцветные коробки с разными эпизодами. Перед тем как приступить к монтажу, он несколько дней просто смотрит на эти бобины, не открывая их. И это не было для него игрой. Он сидел в одиночестве, смотрел на коробки; время от времени я к нему заходил. Он как будто силился что-то вспомнить или искал какого-то порядка, вдохновения.

У. Э. : Такой опыт доступен не только тем, у кого дома большое собрание книг или коробок с пленкой. То же самое можно пережить в публичной библиотеке, а иногда и в

ученом незнании» («De docta ignorantia», 1440). (Прим. О. Акимовой.)

³⁵⁶ *Святой Бернар* Клервоский (1091–1153) – французский средневековый мистик, общественный деятель цистерцианский монах, аббат монастыря Клерво (с 1117 г.). Боролся с ересью и свободомыслием, в частности, стал инициатором осуждения философа Пьера Абеляра. Участвовал в создании духовно-рыцарского ордена тамплиеров и был вдохновителем Второго крестового похода 1147 г. (Прим. О. Акимовой.)

³⁵⁷ *Генри Мёрдак* (?–1153) – английский монах-цистерианец, первый аббат Воклерского аббатства, позже архиепископ Йоркский. (Прим. О. Акимовой.)

³⁵⁸ *Хосе Бергамин* (1895–1983) – испанский поэт, прозаик, драматург, политический публицист, мыслитель-эссеист, влиятельнейшая фигура общественной и культурной жизни Испании 1930-1970-х гг. (Прим. О. Акимовой.)

³⁵⁹ *Фома Кемпийский* (ок. 1379–1471) – немецкий монах и священник, член духовного союза «братьев Общей жизни», предполагаемый автор трактата «О подражании Христу» (написан не позже 1427 г.). (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁰ *Якоб Бёме* (1575–1624) – немецкий теософ, визионер, христианский мистик. (Прим. О. Акимовой.)

большом книжном магазине. Кто из нас не приходил просто подышать запахом книг, стоящих на полках, но не наших? Созерцать книги, чтобы почерпнуть из них знание. Все эти книги, которых вы не читали, что-то вам предвещают. Вот вам еще одна причина для оптимизма: сегодня все больше людей имеют доступ к огромному количеству книг. Когда я был ребенком, книжный магазин был местом очень мрачным, неприветливым. Вы входите, и человек, одетый в черное, спрашивает, чего вы желаете. Это было так пугающе, что у вас и в мыслях не было задерживаться надолго. К тому же никогда еще в истории цивилизаций не было столько книжных магазинов, как теперь, красивых, светлых, где можно ходить, листать книги, совершать открытия, магазинов в четыре или даже в пять этажей, как, например, «ФНАК» во Франции или «Фельтринелли» в Италии. И когда я отправляюсь в такие места, я вижу, что там полно молодежи. Повторяю, совсем не обязательно, чтобы они что-то покупали или даже читали. Достаточно пролистать книгу или бросить взгляд на тыльную сторону обложки. Мы ведь тоже почерпнули кучу всего из чтения аннотаций. Можно возразить, что на шесть миллиардов человеческих особей процент читающих остается очень небольшим. Но когда я был мальчишкой, людей на планете было всего два миллиарда, а в книжные магазины никто не ходил. В наши дни этот процентный показатель, похоже, улучшился.

Ж.-Ф. де Т.: Однако до этого вы говорили, что обилие информации в Интернете может привести к появлению шести миллиардов энциклопедий, что будет явным регрессом и окажет парализующее воздействие...

У. Э. : Между «размеренной» головокружительностью красивого книжного магазина и бесконечной головокружительностью Интернета большая разница.

Ж.-Ф. де Т.: Мы говорили о религиях Писания, возведших книгу в ранг святыни. Книга выступает как высший авторитет, которая впоследствии будет служить очернению и запрещению книг, которые не разделяют ценностей, проповедуемых Писанием. Мне кажется, наша дискуссия подводит нас к необходимости сказать несколько слов о том, что мы называем «адам» наших библиотек, местом, где собраны книги, которые хоть и не сожжены, но упрятаны так глубоко, чтобы случайный читатель их не нашел.

Ж.-К. К. : К этому вопросу можно подойти по-разному. Например, я не без удивления обнаружил, что во всей испанской литературе до второй половины XX века не было ни одного эротического текста. Это тоже своего рода «ад», но в виде пустоты.

У. Э. : Зато у них есть самая богохульная книга на свете, которую я не осмелюсь здесь упомянуть.

Ж.-К. К. : Да, но при этом ни одного эротического текста. Один мой испанский друг рассказывал мне, что в его детстве, в 60-70-е годы, приятель обратил его внимание на то, что в «Дон Кихоте» упоминаются женские tetas, то есть «сиськи». В те годы испанский мальчик еще мог удивляться, найдя слово tetas у Сервантеса, и его это даже возбуждало. Кроме этого – ничего. Неизвестно даже казарменных песен. Всем великим французским авторам, от Рабле до Аполлинера, принадлежит по одному или даже по несколько порнографических текстов. А у испанцев их нет. Инквизиции в Испании удалось вычистить словарный состав, задавить если не явление, то хотя бы слово. Даже «Наука любви» Овидия³⁶¹ долгое время

---

³⁶¹ «Наука любви» Овидия – дидактическая поэма «Ars amatoria» римского поэта Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) в трех книгах, заключающая в себе наставления о том, какими средствами мужчины могли бы приобрести и сохранить за собой женскую любовь, а женщины – привлечь к себе мужчин и сохранить их привязанность. (Прим. О. Акимовой.)

была запрещена. Это тем более странно, что некоторые из латинских авторов, скомпрометировавшие себя такого рода литературой, были испанцами по происхождению. Я имею в виду, например, Марциала, который был родом из Калатаюда.

У. Э. : Бывали культуры и более свободные в отношении секса. Посмотрите на фрески в Помпеях или скульптуры в Индии. В эпоху Возрождения люди были достаточно свободными, но с началом контрреформации обнаженные тела Микеланджело начинают облачать в одежду. Еще любопытнее была ситуация в Средние века. Официальное искусство было стыдливым и набожным, зато в фольклоре и в поэзии вагантов – поток скабрзностей...

Ж.-К. К. : Говорят, что эротика была изобретена в Индии, – не потому ли, что «Камасутра» есть древнейшее из известных руководств по технике любви жизни? Там, как и на фасадах храмов Кхаджурахо³⁶², действительно представлены все возможные позы и все формы сексуальности. Но с тех сладострастных, по-видимому, времен Индия неуклонно развивалась в сторону все более строгого пуританизма. В современном индийском кино даже в губы не целуются. Наверное, так произошло под влиянием ислама, с одной стороны, и Викторианской Англии, с другой. Но я не уверен, что не существует и собственно индийского пуританизма. Теперь посмотрим, что происходило еще недавно у нас: я имею в виду 50-е годы, когда я был студентом. Помню, как за эротическими книгами приходилось спускаться в подвал книжного магазина, расположенного на углу бульвара Клиши и улицы Жермен-Пилон. И это каких-то пятьдесят пять лет назад. Так что хвастаться нам нечем!

У. Э. : Вот вам как раз «адский» принцип Национальной библиотеки в Париже: не запрещать книги, а ограничивать к ним доступ.

Ж.-К. К. : «Ад» Национальной библиотеки, созданной сразу после Революции из коллекций, конфискованных в монастырях, замках, у некоторых частных лиц и, конечно же, из королевской библиотеки, составляют, в основном, книги порнографического содержания, те, что идут вразрез с приличиями. «Ад» проявит себя только в эпоху Реставрации, когда снова восторжествуют всякого рода консервативные течения. Мне нравится, что для посещения книжного ада, нужно специальное разрешение. Казалось бы, что проще, чем отправиться в ад? Нет. Ад на замке. Не каждому дано туда попасть. Впрочем, библиотека Франсуа Миттерана организовала выставку книг, пришедших из этого ада, и с колоссальным успехом.

Ж.-Ф. де Т.: А вы бывали в этом аду?

У. Э. : А зачем? Ведь все произведения, которые там есть, теперь уже опубликованы.

Ж.-К. К. : Я видел только часть, но содержащиеся там произведения мы с вами читали, вероятно, лишь в изданиях, которые интересны библиофилам. В это собрание входят не только французские книги. Арабская литература тоже очень богата по этой части. Существуют произведения, аналогичные Камасутре, на арабском и персидском. Однако, по примеру уже упомянутой Индии, арабо-мусульманский мир, похоже, забыл свои пламенные истоки ради непредвиденного пуританизма, никоим образом не соответствующего традициям этих народов.

Перенесемся в наш французский XVIII век: в этот век возникает и получает распространение иллюстрированная эротическая литература – зародившаяся, кажется, двумя

---

³⁶² *Кхаджурахо* – крупный комплекс храмов в Индии (между 954 и 1050). Крупнейший из них – построенный в XI в. храм Кандарья-Махадева. Известен своими изящными скульптурами, изображающими сексуальные сцены из Камасутры, а также сцены группового секса и зоофилии. (Прим. О. Акимовой.)

веками раньше в Италии, – пусть даже и издается она подпольно. Маркиз де Сад, Мирабо³⁶³, Ретиф де Ла Бретон продаются из-под полы. Призвание этих авторов – писать порнографические книги, в которых рассказывается, с различными вариациями, история молодой девушки, приехавшей из провинции и оказавшейся в водовороте столичного разврата.

На самом деле это завуалированная дореволюционная литература. В те времена литературная эротика действительно развращала умы и нравы. Она напрямую угрожала благопристойности. За сценами разврата слышались пушечные выстрелы. Мирабо – один из таких эротических авторов. Секс – это социальное потрясение. Связь между эротизмом, порнографией и предреволюционной ситуацией точно так же исчезнет по окончании революционного периода. Не нужно забывать, что во времена Трора настоящие любители подобных упражнений на свой страх и риск нанимали карету и отправлялись на площадь Согласия посмотреть на смертную казнь. На площади, иногда прямо в карете, они, пользуясь моментом, предавались любовным утехам пара на пару. Маркиз де Сад, непревзойденный специалист в том, что касается подобного рода развлечений, был революционером. Именно за это он отправился в тюрьму, а не за свои сочинения. Необходимо особо подчеркнуть, что его книги действительно жгли и глаза и руки. Чтение этих сладострастных строк, равно как и их написание, подрывало устои общества.

После Революции этот подрывной элемент в его публикациях остался, но относился он уже к сфере общественной, а не политической – что не мешало, разумеется, их запрещать. По этой причине некоторые сочинители порнографических произведений всегда отрицали свое авторство. Так происходит и до сих пор. Арагон всегда отрицал, что был автором «Лона Ирены»³⁶⁴. Что тут можно сказать совершенно определенно, то, что они писали это не ради денег.

Поскольку на эти уготованные для ада сочинения налагается запрет, они продаются в очень небольшом количестве. Здесь скорее проявляется потребность писать, чем желание заработать. Мюссе совместно с Жорж Санд пишет «Гамиани»³⁶⁵, потому что, вероятно, у него возникла потребность отойти от привычной слащавости. И он действует напрямик. Это «три ночи бесчинств».

Я много раз обсуждал эти вопросы с Миланом Кундерой. Он считает, что христианству удалось через исповедь, посредством глубокого убеждения проникнуть даже в постель к любовникам и заставить их во время любовных игр испытывать стеснение, чувство вины, ощущение греховности – которое может быть сладостным, если они, например, предаются содомии, но которое затем требует исповеди, искупления. Грех в конечном итоге возвращает вас к Церкви. А вот коммунизму это так и не удалось: марксизм-ленинизм, как бы сложно и монументально он ни был устроен, останавливается на пороге спальни. Пара, которая при коммунистической диктатуре в Праге предается любви вне брака, еще сознает, что

---

³⁶³ *Мирабо*, Оноре Габриэль (1749–1791) – французский политический деятель времен начала Французской революции, талантливый оратор. В своих революционных речах пламенно осуждал абсолютизм, однако за год до смерти вступил в тайный сговор с королевским двором в обмен на погашение своих огромных долгов. В молодости ввиду крайне беспорядочного образа жизни, непомерных расходов и долгов неоднократно подвергался тюремному заключению. Свои бурные похождения Мирабо описал в книгах «Ma Conversion» (1783) и «*Erotika Biblion*» (1780). (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁴ «*Лона Ирены*» («*Con d'Irène*», 1927) – эротический роман Луи Арагона, опубликованный им под именем Альбер де Рутизи (на русском языке издан в сборнике «Четыре шага в бреду» в переводе Маруси Климовой). (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁵ «*Гамиани*», или Две ночи бесчинств («*Gamiani ou Deux nuits d'excès*», 1833) – эротический роман Альфреда де Мюссе. Ж.-К. Карьер немного ошибся в количестве ночей. Роман действительно долгое время приписывался двум авторам – Мюссе и Жорж Санд, поскольку как раз в период его написания между ними была любовная связь. Тем не менее авторство Жорж Санд не подтверждается. (Прим. О. Акимовой.)

подрывает общественный строй. У них нет свободы ни в чем, ни в каких областях жизни, кроме постели.

Что будет с библиотекой после вашей смерти?

Ж.-Ф. де Т.: Жан Клод, вы говорили, что вам пришлось продать часть вашей библиотеки и что вы не слишком переживали по этому поводу. Я хотел бы спросить вас теперь о дальнейшей судьбе созданных вами коллекций. Человек, собравший такую коллекцию произведений книжного искусства, просто обязан представлять себе, что станет с ней, когда он больше не сможет ей заниматься. То есть, если позволите, я хотел бы поговорить о судьбе ваших книжных собраний после вашего ухода.

Ж.-К. К.: Моя коллекция действительно была урезана, и, как ни странно, я несколько не горевал по поводу продажи целой партии прекрасных книг. Даже наоборот, в связи с этим я пережил нечаянную радость. Я передал Жерару Оберле часть моего собрания сюрреалистов: там были неплохие книги, рукописи, издания с посвящениями. Я поручил Оберле потихоньку их распродать.

В день, когда я наконец расплатился со всеми долгами, я позвонил ему, чтобы узнать, как идут дела с продажей. Он сказал, что осталось еще довольно много книг, которые так и не нашли покупателя. Я попросил переслать их мне обратно. С тех пор прошло больше четырех лет. Забвение начало делать свое дело. Я вновь обрел свои же книги, испытав при этом восторг первооткрывателя. Это как большие нетронутые бутылки, которые вы считаете давно выпитыми.

Что станет с моими книгами после моей смерти? Это решат моя жена и дочери. Просто в завещании я, наверное, оставлю такую-то книгу такому-то из моих друзей. Оставляю в качестве посмертного подарка, как знак, как эстафетную палочку. Чтобы быть уверенным, что он меня не забудет совсем. Я как раз размышляю, какую из книг я хотел бы завещать вам. Ах, если бы у меня был Кирхер, которого у вас не хватает... но у меня его нет.

У. Э.: Что касается моей коллекции, то я, разумеется, не хочу, чтобы она была распродана по частям. Мои родственники могут подарить ее какой-нибудь публичной библиотеке или продать на аукционе. Тогда она достанется целиком какому-нибудь университету. Для меня это самое главное.

Ж.-К. К.: Вот у вас настоящая коллекция. Это произведение искусства, которое вы долго создавали, и не хотите, чтобы его разделяли на части. Это нормально. Коллекция говорит о вас, быть может, не меньше, чем ваши собственные произведения. О себе я могу сказать то же самое: эклектичность состава моей библиотеки многое может обо мне сказать. Всю жизнь меня упрекали в том, что я разбрасываюсь. Значит, моя библиотека является моим отражением.

У. Э.: Не знаю, является ли моя библиотека моим отражением. Я уже говорил, что собираю произведения, которым не верю, так что это мое отражение наоборот. Или, может быть, это отражение противоречивости моего ума. Моя неуверенность продиктована тем, что я показываю свою коллекцию очень немногим. Книжная коллекция – это штука для уединенного времяпрепровождения, вроде онанизма: редко встречаются люди, способные разделить вашу страсть. Если у вас есть восхитительные картины, к вам будут приходить, чтобы ими полюбоваться. Но вы никогда не найдете человека, который бы испытывал неподдельный интерес к вашей коллекции старых книг. Люди не понимают, почему вы придаете такое значение маленькой, ничем не примечательной книжке и почему она стоила вам многих лет поисков.

Ж.-К. К. : В оправдание вашей порочной склонности скажу, что у вас с книгой, вероятно, почти личная связь. Библиотека – это словно компания, сборище живых друзей, личностей. Когда вы чувствуете себя одиноким и подавленным, вы можете обратиться к ним: они всегда здесь, рядом. Впрочем, бывает, что, копаясь в книгах, я нахожу среди них такие, о которых давным-давно забыл.

У. Э. : Я же сказал, это грех для одиноких. По каким-то таинственным причинам наша привязанность к какой-либо книге никак не соотносится с ее ценой. У меня есть книги, к которым я очень привязан, но они не имеют большой коммерческой ценности.

Ж.-Ф. де Т.: *Что представляют собой ваши коллекции с точки зрения библиофила?*

У. Э. : Мне кажется, обычно люди путают личную библиотеку с коллекцией старинных книг. В моем основном доме и в других домах пятьдесят тысяч книг. Но это книги современные. Раритетные книги – это тысяча двести названий. Но я провожу еще одно различие: старинные книги – это те, которые я выбрал (и оплатил), а современные книги – те, что я покупал на протяжении многих лет, а также те (и их становится все больше), которые мне дарят в знак уважения. И хотя я в огромных количествах раздаю их студентам, остается довольно много, отсюда такая цифра – пятьдесят тысяч.

Ж.-К. К. : Если не считать моей коллекции сказок и легенд, у меня примерно две тысячи старинных книг из общего числа в тридцать – сорок тысяч. Но некоторые из этих книг являются балластом. Например, вы не можете расстаться с книгой, которую вам посвятил друг. Этот друг может прийти к вам в гости. И нужно, чтобы он увидел свою книгу на видном месте.

Есть люди, которые вырезают страницу с посвящением, чтобы продать этот экземпляр букинистам. Это примерно так же низко, как разрезать инкунабулы, чтобы распродать их по листочкам. Мне думается, и вы получаете книги от всех друзей, какие только могут быть у Умберто Эко по всему миру!

У. Э. : Я делал подсчет на эту тему, но он немного устарел. Надо бы обновить данные. Я взял цену квадратного метра в Милане для квартиры, находящейся не в историческом центре (слишком дорого), но и не на пролетарской окраине. И мне пришлось смириться с мыслью, что за жилье с определенными городскими удобствами я должен платить 6000 евро за метр, то есть за пятьдесят квадратных метров площади – 300 000 евро. Если теперь я вычту двери, окна и другие элементы, которые неизбежно съедают, так сказать, «вертикальное» пространство квартиры, иначе говоря, стены, вместо которых можно было бы поставить книжные стеллажи, то остается только двадцать пять квадратных метров. Итак, один вертикальный квадратный метр обходится мне в 12 000 евро.

Подсчитав минимальную цену библиотеки, состоящей из шести стеллажей, самой дешевой, я получил 500 евро за квадратный метр. В квадратном метре из шести полок я мог бы, пожалуй, поместить триста книг. Значит, место для каждой книги обходится в 40 евро, то есть дороже самой книги. Следовательно, к каждой посылаемой мне книге отправитель должен прилагать чек на соответствующую сумму. Для альбомов по искусству, так как они большего формата, сумма будет гораздо больше.

Ж.-К. К. : То же самое с переводами. Как вы поступаете с пятью экземплярами на бирманском языке? Вы думаете: если когда-нибудь я встречу бирманца, я ему подарю. Но вам-то надо встретить пять бирманцев!

У. Э. : У меня весь подвал заполнен переводами моих книг. Я пытался рассылать их по местам заключения, сделав ставку на то, что в итальянских тюрьмах немцев, французов и

американцев меньше, чем албанцев и хорватов. Поэтому я отправил туда переводы моих книг на эти языки.

Ж.-К. К. : На сколько языков переведено «Имя розы»?

У. Э. : На сорок пять. Такая цифра получилась благодаря падению Берлинской стены и тому факту, что раньше русский был обязательным языком для всех советских республик, а после падения стены пришлось переводить книгу на украинский, азербайджанский и т. д. Потому цифра такая огромная. Если каждый перевод помножить на пять-десять экземпляров, вот вам уже от двухсот до четырехсот томов, лежащих мертвым грузом в подвале.

Ж.-К. К. : Сделаю одно признание: иногда я, бывает, их выбрасываю, чтобы спрятаться от себя самого.

У. Э. : Однажды я согласился войти в состав жюри премии Виареджо³⁶⁶, чтобы угодить его председателю. Я сидел в секции «эссе» и обнаружил, что каждый член жюри получает все книги, участвующие в конкурсе, вне зависимости от категорий. Одни только стихи – а вы, как и я, знаете, что мир полон поэтов, печатающих за свой счет высокую поэзию, – я получал ящиками и не знал, куда их девать. Прибавьте к этому остальные секции конкурса. Мне казалось, что нужно сохранить эти произведения в качестве рабочих материалов. Но очень быстро передо мной встала проблема нехватки места в доме, и, к счастью, я наконец отказался от участия в жюри премии Виареджо. Тогда поток прекратился. Но поэты все же опаснее всех.

Ж.-К. К. : Слышали этот анекдот, гуляющий по Аргентине, где, как вы знаете, живет огромное количество поэтов? Один поэт встречает старого друга и говорит ему, запуская руку в карман: «Ах, как ты кстати, я как раз написал стихотворение, сейчас я тебе его прочитаю». Тогда другой тоже запускает руку в карман и говорит: «Погоди, я тоже написал стихотворение!»

У. Э. : А мне казалось, в Аргентине больше психоаналитиков, чем поэтов, разве нет?

Ж.-К. К. : Похоже на то. Но можно ведь быть и тем, и другим.

У. Э. : Полагаю, моя коллекция старинных книг не идет в сравнение с той, что собрал голландский коллекционер Ритман³⁶⁷, – «Bibliotheca Philosophica Hermetica» (ВРН). Поскольку на эту тему в его собрании уже есть практически все, что нужно, в последние годы он начал также коллекционировать ценные инкунабулы, даже те, что не относятся к герметизму. Современные книги, входящие в собрание, занимают всю верхнюю часть большого здания, а старинные книги хранятся в великолепно оборудованном подвале.

Ж.-К. К. : Бразильский коллекционер Жозе Миндлин, собравший уникальную коллекцию вокруг так называемой «американцы»³⁶⁸, построил для своих книг целый дом. Он

---

³⁶⁶ *Премия Виареджо* – одна из наиболее престижных литературных премий в Италии, основанная в 1929 г. (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁷ *Ритман*, Йоост (р. 1941) – основал «Bibliotheca Philosophica Hermetica» в 1984 г. В этой коллекции собрано около 22 000 редких книг и рукописей по алхимии, мистицизму, эзотерике и различным герметическим учениям. (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁸ «Американа» – зд.: совокупность литературы, отражающей представления европейцев об экзотических

создал фонд, чтобы и после его смерти бразильское правительство содержало библиотеку. У меня все гораздо скромнее: есть две небольшие коллекции, которыми я хотел бы распорядиться по-особому. Одна из них, мне думается, единственная в мире – та, в которой собраны сказки и легенды, основополагающие тексты всех стран. Она не является собранием ценных книг в библиофильском смысле слова. Эти произведения анонимны, издания зачастую совершенно обычные, а экземпляры иногда довольно потрепанные. Я хотел бы завещать эту коллекцию из трех-четырёх тысяч томов какому-нибудь музею народных искусств или специализированной библиотеке. Я пока не определился, кому именно.

Вторая коллекция, которой я хотел бы уготовить особую судьбу (но не знаю, какую), это та, которую я собрал вместе с женой. Она касается, как я уже говорил, «путешествий в Персию» начиная с XVI века. Может быть, когда-нибудь ею заинтересуется наша дочь.

У. Э. : Мои дети, похоже, этим не интересуются. Сыну нравится, что у меня есть первое издание «Улисса» Джойса, а дочь часто рассматривает ботанический атлас Маттиоли³⁶⁹ XVI века, и всё. Впрочем, я сам стал настоящим библиофилом только в пятьдесят лет.

Ж.-Ф. де Т.: Вы не боитесь воров?

Ж.-К. К. : Однажды у меня украли книгу, и не просто книгу, а первое издание «Философии в будуаре» де Сада. Мне кажется, я знаю, кто вор. Это случилось во время переезда. Я так ее и не нашел.

У. Э. : Тут не обошлось без человека, хорошо разбирающегося в этом деле. Самые опасные воры – это библиофилы, те, что берут только одну книгу. Продавцы книг в конце концов вычисляют этих клептоманов и сообщают о них своим коллегам. Нормальные воры не опасны для коллекционера. Представим, что несчастные взломщики решили выкрасть мою коллекцию. Им потребуется две ночи, чтобы сложить все книги в ящики, и грузовик, чтобы их вывезти.

Потом (если Арсен Люпен³⁷⁰ не купит всю коллекцию оптом, спрятав ее в «полой игле»), букинисты дадут за нее копейки, причем только бессовестные торговцы, потому что и так ясно, что товар ворованный. Впрочем, каждый порядочный коллекционер на каждую редкую книгу заводит карточку, где описывает все изъяны и иные отличительные признаки, а в полиции есть отдел, специализирующийся на кражах произведений искусства и книг. В Италии, например, он работает очень эффективно, поскольку приобрел опыт еще в те времена, когда разыскивались произведения искусства, пропавшие во время войны. И наконец, если вор решит взять лишь три книги, он наверняка совершит ошибку, взяв книги самого большого формата или те, у которых самый красивый переплет, думая, что они самые дорогие, тогда как наиболее редкая книга может оказаться такой неприметной, что ее даже не заметишь.

Самую большую опасность представляет человек, специально посланный

для них странах Северной и Южной Америки (книги, описывающие путешествия в Америку и быт ее коренного населения, приключенческие романы, повествующие о жизни индейцев или завоевателей Америки, и пр.). (Прим. О. Акимовой.)

³⁶⁹ *Маттиоли*, Пьетро Андреа (1501–1577) – итальянский врач и ботаник. Его книга по ботанике «*Commentarii in sex libris Pedacii Dioscoridis*» (1544) включает в себя 500 гравюр и описывает все известные на тот момент растения. В частности, в этой книге имеется первое в Европе изображение томатов. (Прим. О. Акимовой.)

³⁷⁰ *Арсен Люпен* – главный герой романов французского писателя Мориса Леблана (1864–1941), «джентльмен-грабитель». «Полая игла» («*Aiguille creuse*») – роман 1909 г. (Прим. О. Акимовой.)

каким-нибудь сумасшедшим коллекционером, знающим, что у вас есть эта книга, и желающим заполучить ее во что бы то ни стало, даже ценой кражи. Но в этом случае вам надо быть обладателем «Folio» Шекспира 1623 года издания, иначе никто не пойдет на такой риск.

Ж.-К. К. : Вы знаете, что есть «антиквары», предлагающие каталоги старинной мебели, которая еще стоит в доме своего обладателя. Если вы заинтересовались, они организуют кражу, причем только этого предмета. Но в целом я присоединяюсь к тому, что вы сказали. Однажды меня обокрали. Воры взяли телевизор, радиоприемник и что-то еще, но ни одной книги. Они украли на десять тысяч евро, тогда как, взяв одну-единственную книгу, они могли уйти с суммой в пять или десять раз большей. Так что невежество нас бережет.

Ж.-Ф. де Т.: Мне кажется, каждый, кто собирает книги, где-то в глубине души обеспокоен мыслью о пожаре.

У. Э. : О, да! И по этой причине я плачу немалые деньги, чтобы застраховать свою коллекцию. Я неслучайно написал роман о библиотеке, гибнущей от пожара. Я постоянно опасюсь, как бы мой дом не сгорел, – и теперь мне понятно почему. Над квартирой, где я жил с трех до десяти лет, располагалось жилище командира городской пожарной бригады. Очень часто, иногда по нескольку раз в неделю, среди ночи случался пожар, и пожарные с сиреной приезжали будить своего начальника. Я просыпался от топота сапог по лестнице. На следующий день его жена пересказывала моей матери все подробности трагедии... Теперь вы понимаете, почему все детство меня преследовала мысль о пожаре.

Ж.-Ф. де Т.: Я хотел бы вернуться к вопросу о том, что станет с вашими коллекциями, которые вы собирали с таким тщанием...

Ж.-К. К. : Могу предположить, что моя жена и дочери продадут мою коллекцию, целиком или частично, чтобы оплатить права наследства, например. Эта мысль не столь печальна, напротив: когда старинные книги возвращаются на рынок, они расходятся, отправляются в другие страны, делают кого-то счастливым, поддерживают страстную любовь к книгам. Вы, конечно, помните полковника Сиклса³⁷¹, богатого американского коллекционера, у которого было самое невероятное собрание французской литературы XIX–XX веков, какое только можно себе представить. Он еще при жизни продал свою коллекцию аукционному дому Друо. Продажа длилась две недели. Я встретился с ним после этой памятной сделки. Он ни о чем не жалел и даже гордился, что целых две недели держал в напряжении несколько сотен истинных ценителей.

У. Э. : Тема моя настолько необычна, что я точно не знаю, кого могла бы по-настоящему заинтересовать моя коллекция. Я бы не хотел, чтобы она в конце концов попала в руки какого-нибудь поклонника оккультных наук, который поневоле привяжется к ней, но по совсем другим причинам. Может, мою коллекцию купят китайцы? Я получил номер издаваемого в США журнала «Семиотика», посвященный семиотике в Китае. Мои работы цитируются там чаще, чем в наших специализированных изданиях. Может, когда-нибудь моя коллекция больше всех заинтересует китайских ученых, которые захотят разобраться в сумасбродствах Запада.

---

³⁷¹ *Дэниел Сиклс* (1819–1914) – американский политик, крупный библиофил. Его коллекция французской литературы XIX–XX вв. состояла более чем из 10 000 томов и была распродана по частям с 1989 по 1997 г. (Прим. О. Акимовой.)